696-10
ВА444600

30 к.

1941

Война
ушла в прошлое.
Но героические
подвиги,
совершенные
сыновьями и дочерьми
Отчизны,
навечно,
золотыми буквами
вписаны
в историческую летопись
Советской страны.
Наш народ
свято хранит в памяти
имена тех,
кто в жестоких сраженьях
с фашизмом
отстоял свободу
и независимость
Родины.

1945

ОТ ФРУНЗЕ ДО ЭЛЬБЫ

ОТ ФРУНЗЕ

ДО ЭЛЬБЫ

ФРУНЗЕ
КЫРГЫЗСТАН
1985

Еa 474600
Т32(2Кир)412+
Ц35(2)726-421
Кричевская. 3.
68. 4
О—80

От Фрунзе до Эльбы: Сб. воспоминаний /[Сост.
О—80 М. В. Сорокин, З. Х. Музафаров; Худож.-оформ.
Т. Цыганок].— Ф.: Кыргызстан, 1985.—152 с.

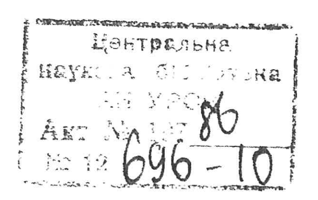
Авторы книги — ветераны 385-й Кричевской орденов Красного Знамени и Суворова II степени стрелковой дивизии, формировавшейся в Киргизии в 1941 году, рассказывают о боевых операциях дивизии, ратном подвиге и беззаветном мужестве ее солдат и офицеров.
Рассчитана на широкий круг читателей.

О $\frac{1304010000—225}{М 451 (17)—85}$ 15—85 **ББК 68. 4**

Составители: *М. В. Сорокин, З. Х. Музафаров*

Спецредактор *В. И. Рыбасов*

Художник-оформитель *Т. Цыганок*

© Издательство «Кыргызстан», 1985.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В жизни каждого человека есть явления чрезвычайные. Они разграничивают судьбы, заставляют переосмысливать прошлое и порой являются точкой отсчета жизненного пути. Для большинства людей старшего поколения таким событием была Великая Отечественная война. Тяжелым испытанием стала она для всех поколений, однако первый и самый страшный удар принял солдат. На его плечи легла самая большая тяжесть. Это он замерзал в болотах и вгрызался в промерзлую землю, под свинцовым дождем шел в атаку и грудью закрывал амбразуру вражеского дзота, обеспечивая успех наступления. Бойцы и командиры боролись за каждую пядь родной земли, не щадя своих жизней. Память о войне жива. Цепко держит она события, которым минуло уже не одно десятилетие. Время летит стремительно и неудержимо. Все меньше становится наших боевых товарищей. А подвиги их священны, они — достояние народа, его истории. В этом плане книга воспоминаний воинов 385-й Кричевской орденов Красного Знамени и Суворова II степени стрелковой дивизии, приобретает особый смысл.

Всего два месяца потребовалось, чтобы в грозном 41-м году в городе Фрунзе сформировать дивизию. Участие в ее создании принимал Центральный Комитет Компартии Киргизии, различные организации и учреждения. В состав дивизии в основном вошли наши земляки, люди разных возрастов и разных национальностей. Но всех их объединяла любовь к Отчизне и ненависть к фашистским оккупантам.

О боевом пути прославленного соединения повествуют в книге сами бойцы и командиры, политработники и связисты. Они рассказывают о том, что пережили, что выстрадали, чему были очевидцами. И это тем более важно, что

чем дальше от нас уходят события грозных лет Великой Отечественной войны, тем большую ценность приобретают свидетельства участников для правдивого понимания событий и патриотического воспитания не только нынешнего поколения, но и будущих. Емко и образно сказал в своем рассказе Герой Советского Союза И. В. Чещарин: «...Как эстафету хочется передать подрастающему поколению то высокое назначение советского воина — всегда отстаивать мир и рубежи своей родной земли».

Высоким патриотизмом проникнуты воспоминания ветеранов 385-дивизии. За перо взялись генерал и солдат, поэтому сборник «От Фрунзе до Эльбы» насыщен различными по характеру и значимости событиями, эпизодами и размышлениями.

Большинство рассказов взаимосвязаны. Об одних и тех же событиях повествуют командиры, разведчики, артиллеристы. В этом — подкупающая достоверность и искренность книги.

Как достоинство сборника можно отметить рассказы ветеранов о тыловых, как бы второстепенных специальностях войны — журналистов, телеграфистов, химзащитников и т. д.

Сборник богат фактическим материалом. Большая заслуга в этом принадлежит совету ветеранов дивизии. Хорошее и благородное дело затеяли они — собрать и систематизировать воспоминания участников Великой Отечественной войны.

КАЛЫЙНУР УСЕНБЕКОВ,
Герой Советского Союза,
генерал-лейтенант, председатель
ЦК ДОСААФ Киргизской ССР,
председатель Фрунзенской
секции СКВВ.

ШЛА ДИВИЗИЯ ВПЕРЕД

М. Ф. СУПРУНОВ,

бывший командир 385-й Кричевской орденов Красного Знамени и Суворова II степени стрелковой дивизии, генерал-майор.

Впервые недели Великой Отечественной войны фашистская лавина, казалось, неукротимо катилась по нашей стране. Перед советским народом и его Вооруженными Силами стояла огромной важности военно-политическая задача — ликвидировать угрозу захвата Москвы, Ленинграда и Кавказа, вырвать инициативу из рук врага.

Гитлеровские вояки считали, что основные силы Красной Армии разгромлены, что оставшиеся части русских, конечно же, наступать не будут. Какой же неожиданностью было для них контрнаступление наших войск под Москвой 5—6 декабря 1941 года!

В битве под Москвой советские войска впервые за всю вторую мировую войну нанесли крупное поражение армии фашистской Германии и развеяли миф о ее непобедимости. Враг понес тяжелые потери в живой силе и технике. Под Москвой было разбито 38 дивизий противника. Это был урок, мы научились побеждать. Несмотря на ограниченность сил и средств, удалось вырвать стратегическую инициативу из рук врага. Красная Армия перешла от обороны к наступлению. Наши войска прогнали немцев от Москвы на 150—200 км.

В феврале 1942 г. я был назначен начальником штаба, а в июле 1943-го — командиром 385-й стрелковой дивизии.

385-я дивизия формировалась в городе Фрунзе. Основной ее костяк состоял из рабочих и колхозников Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана и Казахстана, но больше всего было бойцов из Киргизии. Руководители партии и правительства республики к ее созданию отнеслись с большой заботой. Помогали материально и морально.

Были решены вопросы обеспечения транспортом, обмундированием, другим необходимым материально-техническим оборудованием. ЦК Компартии Киргизии направил в дивизию около двадцати опытных партийных работников.

— Разгромите врага и возвращайтесь с победой,— такими словами закончился митинг 4 ноября 1941 г. в городе Фрунзе.

В феврале 1942 года дивизия вошла в оперативное подчинение 10-й армии. Последние десятки километров до места своего сосредоточения: Мамонтово — Спасское — Сутоки-Нижний Волок — Озринка — Кирсаново — Пятница — Красный Холм дивизия добиралась маршем, т. к. железная дорога была разрушена. В ее составе было три стрелковых полка — 1266-й, 1268-й, 1270-й, 948-й артиллерийский, 672-й отдельный зенитный артдивизион, 447-я отдельная мотострелковая разведрота, 836-й отдельный батальон связи, 665-й отдельный саперный батальон, 463-й отдельный огнеметный взвод, 500-я отдельная авторота и 470-й отдельный медсанбат. Первым командиром дивизии был полковник Илья Михайлович Савин, начальником политотдела — полковой комиссар Александр Николаевич Игнатов, а начальником штаба — полковник Вадим Николаевич Кораблев.

Серьезный боевой экзамен 385-я стрелковая дивизия выдержала в Смоленской наступательной операции 1943 года.

Наша дивизия в составе 10-й армии Западного фронта оказывала содействие 50-й армии на смежных с участком прорыва флангах. 30 августа была освобождена Ельня, первого сентября — Дорогобуж, а к 23 сентября была взята в кольцо группировка противника в районе Смоленска.

Прорвав оборону противника под городом Киров Калужской области, мы вступили на территорию Белоруссии. Первый город, который освободили на этом пути, был Кричев. Это было уже 30 сентября. За успешное форсирование реки Сож и участие в освобождении города Кричева Приказом Верховного Главнокомандующего № 28 от 30.09.43 г. 385-й стрелковой дивизии присвоено почетное наименование «Кричевская».

После прорыва обороны дивизия стала преследовать гитлеровцев. Они же крепко огрызались. Немецко-фашистское командование любой ценой стремилось задержать наступление Красной Армии на западном стратегическом направлении. Используя лесисто-болотистую местность и

водные преграды, противник создал ряд оборонительных рубежей. Многие населенные пункты были приспособлены к круговой обороне. Перед отходом гитлеровских войск, специальные отряды поджигателей и подрывников уничтожали не только промышленные и сельскохозяйственные объекты, но и целые села и деревни.

Народ ждал нашу армию-освободительницу.

Запомнился такой эпизод. После очередного боя я с оперативной группой штаба направился к одному из командиров полков, который расположился в небольшом, всего в десять дворов, селеньице. Дома здесь сохранились, потому что находились в лесистом и болотистом районе, куда немцы не заглядывали, остерегаясь нападения партизан.

Пока я по радио выяснял обстановку и отдавал приказ о прорыве немецкой обороны, из леса вышла небольшая группа женщин и направилась к нам. Одна из них, пожилая, с изможденным лицом и глубоко запавшими глазами, спросила:

— Скажите, будьте добры, кто тут старший?

Ей указали на меня.

Она упала на колени и стала истово креститься. Я бросился к ней, попытался поднять, но женщина решительно отвела мои руки, попросила:

— Не трогай меня, сынок, не мешай...

В ее горестных глазах закипели слезы:

— Спасибо вам, родные, что пришли и освободили от проклятых душегубов. Смотри, что они с нами сделали! Мы изголодались, оборвались. Фрицы нас и за людей не считали, навесили бирки, и стала я не Марья Сысоевна Сологуб, а рабыней под номером... — Она подняла к глазам бирку, которая висела на шее, назвала номер и горько зарыдала.

Женщины спрашивали наперебой:

— А не вернутся проклятые? Крепко их бьете?

Я заверил, что гоним гитлеровских вояк по всем правилам, назад им пути не будет.

Начало Белорусской операции Ставка ВГК назначила на 23 июня 1944 г., к этому времени сосредоточение войск было закончено. 385-я стрелковая дивизия в составе 49-й армии 2-го Белорусского фронта вышла на исходный рубеж. Накануне наступления военные советы фронтов обратились к войскам с призывом нанести по врагу сокрушительный удар и освободить Советскую Белоруссию. В подразделениях частей прошли партийные и комсомоль-

ские собрания. Коммунисты перед лицом своих товарищей дали слово быть примером в бою, увлекать бойцов на подвиги.

Войска 2-го Белорусского фронта форсировали реку Днепр и, разгромив фашистскую группировку на могилевском направлении, к утру 28 июня освободили город Могилев. Активное участие в этой операции принимала и наша дивизия.

В ходе наступления советские воины проявили высокое боевое мастерство и массовый героизм. За образцовое выполнение заданий командования в боях против немецких захватчиков при форсировании рек Проня и Днепр, прорыве сильно укрепленной обороны немцев, а также за участие в освобождении городов Могилев, Шклов и Быхов и проявленные при этом доблесть и мужество Приказом Верховного Главнокомандующего № 122 от 28.06. и Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10.07.44 г. 385-я стрелковая дивизия была награждена орденом Красного Знамени.

Истинным героем проявил себя в этих боях командир стрелкового батальона майор М. Докучаев. Когда в конце июня 1944 года дивизия получила приказ форсировать Днепр и обеспечить дальнейшее продвижение 49-й армии, он был назначен командиром передвижного отряда, который с боем преодолел реку, захватил мост и плацдарм на западном берегу и удержал его до подхода главных сил дивизии, тем самым обеспечив ее успешное наступление. За мужество и отвагу, проявленные при этом, Михаилу Павловичу Докучаеву присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

За мужество и отвагу, проявленные при освобождении Могилевской области, удостоен также высшей награды Родины Иван Васильевич Чещарин. 25 июня 1944 г. его отделение под яростным обстрелом противника сделало два прохода в проволочных заграждениях и минных полях у деревни Головенчицы Чаусского района, а 27 июня форсировало Днепр у деревни Дашковка Могилевского района, захватив 5 лодок и переправив на них пулеметные расчеты. Сделав проход в проволочных заграждениях, бойцы отделения ворвались во вражескую траншею, уничтожили пулеметный расчет.

Мужество и отвагу проявил во время боев при освобождении Могилевской области командир стрелкового взвода, младший лейтенант Иван Егорович Жудов: его взвод выбил противника с занимаемых позиций, форсировал Днепр у деревни Дашковка, закрепился на плацдарме, отбил 3 вражеские контратаки и удержал рубеж до подхода основных сил. Герой Советского Союза И. Е. Жудов погиб 26 февраля 1945 года.

Посмертно удостоен высшей награды Родины узбек Шади Шаимов. При форсировании Днепра автоматчик одним из первых переправился на противоположный берег возле Могилева и в течение дня отражал вражеские контратаки. В бою за плацдарм отважный комсомолец в рукопашной схватке уничтожил 13 гитлеровцев.

Высшей награды были удостоены командир саперного взвода старший лейтенант Михаил Ермолаевич Волков, старшина роты сержант Алексей Михайлович Максин, помощник командира стрелкового взвода старший сержант Маркел Потапович Шаров, рядовой Александр Иванович Висящев.

Легендарным в дивизии стало имя комсомолки Галины Уколовой. Санинструктор постоянно находилась на переднем крае, оказывая помощь раненым. Было несколько случаев, когда девушка, заменяя командира, вышедшего из строя, поднимала бойцов в атаку. Не раз вместе с разведчиками она приводила пленных. Во время одного из боев немцы пытались взять в плен командира батальона майора В. П. Найденова. Галя одного немца застрелила из пистолета Найденова, а когда второй навалился на нее, то ударом каски оглушила, а потом и прибила. Несколько раз вражеские пули и осколки поражали бесстрашного санинструктора, но всегда раньше срока возвращалась она в родной батальон. Уколова награждена многими боевыми орденами и медалями.

385-я стрелковая дивизия принимала участие в освобождении столицы Белорусской ССР города Минска.

Ставкой Верховного Главнокомандования на этом участке было создано значительное превосходство над противником в живой силе, танках, артиллерии и авиации. Это была мощная операция, в которой принимали участие четыре фронта: 1-й Прибалтийский и три Белорусских. Лавиной огня, техникой и живой силой одновременно на шести участках обрушились на фашистов удары Красной Армии.

Сильно развитая в инженерном отношении оборона гитлеровцев в Белоруссии состояла из нескольких рубежей и простиралась в глубину на 250—270 км. При активном участии штурмовой и бомбардировочной авиации танковые корпуса и армии разорвали оборону гитлеровцев на

протяжении 400 км и на больших скоростях двинулись к западным границам СССР, уничтожая на ходу стремившиеся к фронту резервные вражеские части.

Ошеломляющий удар позволил взять войска противника в железное кольцо окружения. Свыше ста тысяч вражеских солдат и офицеров оказались в минском «котле». Вырываясь из окружения, они разбрелись по лесам. Зверствовали, уничтожали все на своем пути. 49-я армия, в составе которой в ту пору находилась наша дивизия, была оставлена для уничтожения окруженных группировок врага.

Возле села Самохваловичи гитлеровцы, прорываясь к своим, атаковали нас с тыла и флангов. Враги шли густо, цепь за цепью. Мы встретили их артиллерийским и минометным огнем. Бой длился долго. Приблизившись, противник угодил под сплошной пулеметный и автоматный огонь, это вынудило его остановиться, бросить оружие. К 11 июля окруженная группировка была ликвидирована.

Удар по немецко-фашистским захватчикам в Белоруссии был настолько ошеломляющим и энергичным, что им удалось закрепиться, да и то лишь на некоторое время, только в Польше, на реке Нарев.

Особенно упорный, напряженный характер носили бои в Восточной Пруссии. В начале 1945 года перед войсками 2-го и 3-го Белорусских фронтов была поставлена задача — отсечь восточно-прусскую и восточно-померанскую группировки немецких войск, прижать их к морю и уничтожить. В боевых действиях участвовали также Краснознаменный Балтийский флот и авиация.

Целые столетия Восточная Пруссия была гнездом германского милитаризма, плацдармом для разбойничьих походов против славянских народов. Фашисты построили здесь мощную систему укреплений, множество долговременных огневых точек, отрыли тысячи километров траншей, противотанковых рвов, установили железобетонные надолбы. Это создавало трудности продвижения советских войск. И все же наши войска «подобрали ключи»: 9 апреля штурмом овладели Кенигсбергом и вскоре заняли всю Восточную Пруссию. Немецкое население было запугано геббельсовской пропагандой, будто наша армия поголовно уничтожает мирных жителей — поэтому первые населенные пункты занимались нами, так сказать, без свидетелей.

Известно, насколько жестоко, бесчеловечно относились немецкие варвары к гражданскому населению временно оккупированных районов нашей страны, но еще более

горькая доля досталась тем, кто был угнан в Германию. В одном крупном населенном пункте мы повстречали русских девушек, в полной мере испытавших горечь немецкого рабства. Они бежали к группе советских бойцов с криками: «Дорогие, родные, как мы вас ждали...»

Самое черствое сердце дрогнуло бы, увидев их — исхудалых, обессилевших, в рваной одежде.

На улицах немецкое гражданское население собиралось около наших полевых кухонь или в местах распределения продуктов питания мирному населению. Все мы тогда знали, что у нас дома сытно не едят ни наши дети, ни жены, ни старики. А вот мы, оторвав от себя кусок хлеба, делились. Молча наблюдали солдаты, как немецкие женщины, расталкивая своих сограждан, протягивали миски к черпаку советского солдата. А повара им улыбались...

Наконец, наступила пора завершающей, очень крупной по масштабам операции — Берлинской. 1-й Белорусский фронт, под командованием маршала Г. К. Жукова, наступал на Берлин, 2-й Белорусский, под командованием К. К. Рокоссовского, в состав которого входила наша дивизия, наступал севернее, а 1-й Украинский, под командованием маршала И. С. Конева, наступал южнее Берлина. Путь вперед для нашей дивизии осложнялся тем, что нужно было под яростным огнем противника форсировать две реки — Одер Восточный и Одер Западный. Опыт у нас был. Четко и слаженно действовали все подразделения. Я не пишу об этом подробно, надеюсь, лучше получится у непосредственных исполнителей — саперов, мотострелков, пехотинцев и т. д.

3 мая 1945 года наша дивизия на разграничительной линии Висмар — Шверин — р. Эльде встретилась с союзными войсками. В нескольких километрах впереди река Эльде впадала в Эльбу, из которой кавалеристы нашего 2-го Белорусского напоили своих коней.

Встреча была радостной для всех, она означала конец войне, конец кровопролитиям.

Славный боевой путь прошла 385-я Кричевская орденов боевого Красного Знамени и Суворова II степени дивизия. Только с июня 1944 года Верховный Главнокомандующий 12 раз объявлял ей благодарности за успешное участие в составе войск 2-го Белорусского фронта: в прорыве вражеской обороны и форсировании реки Проня; в форсировании Днепра и освобождении города Могилева; в освобождении города и крепости Осовец; в освобождении города и крепости Остроленка; в освобождении города и

крепости Ломжа; в овладении городами Вилленберг, Остероде и Дейч-Эйлау; в прорыве обороны противника в районе Мазурских озер; в овладении городами Черск, Грудзендз, Данциг, Шведт, Фридланд.

1268-му стрелковому полку нашей дивизии за отличные боевые действия при освобождении города и крепости Ломжа Приказом Верховного Главнокомандующего от 29.09.44 г. присвоено почетное наименование «Ломжинский», а в апреле 1945 года, за прорыв обороны немцев в районе Мазурских озер и в овладении городом Бартен и другими, он награжден орденом Красного Знамени.

1270-му стрелковому полку, за отличные боевые действия при прорыве обороны немцев в районе Мазурских озер и овладении городами Бартен, Драигфурт и другими, присвоено почетное наименование «Мазурский».

Отгремели бои. Нашу 385-ю Кричевскую орденов Красного Знамени и Суворова II степени дивизию расформировали. Славные воины, защитники Отечества вернулись к мирному созидательному труду. Но не забыты фронтовые дороги, дружба и взаимовыручка, наши боевые товарищи. Ветераны дивизии, бывшие бойцы и офицеры, проводят большую работу по военно-патриотическому воспитанию молодого поколения. Примечателен в этом отношении вклад совета ветеранов 385-й дивизии, взявших на себя благородный труд — составить летопись дивизии, рассказать о ее героях.

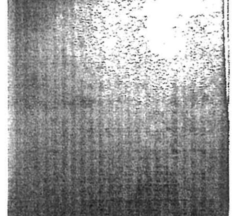

ДОРОГОЙ МУЖЕСТВА

А. М. МИХАЙЛОВ,

бывший начальник политотдела 385-й Кричевской орденов Красного Знамени и Суворова II степени стрелковой дивизии, полковник.

В июне 1943 года меня вызвали в политуправление Западного фронта. После беседы с членом Военного совета и начальником политуправления 10-й армии я выехал к новому месту службы — в 385-ю стрелковую дивизию, которая держала оборону в районе города Людиново Калужской области.

На встрече с работниками политотдела дивизии рассказал о себе. Биография короткая. Родился в 1912 году в семье рабочего, трудовую деятельность начал токарем. В Красной Армии с 1936 года. До войны окончил Военно-политическую академию имени В. И. Ленина. На фронте — с первых дней войны. Был комиссаром 290-й стрелковой дивизии, начподивом 330-й Тульской стрелковой дивизии.

Вскоре командира дивизии генерал-майора А. Ф. Наумова повысили, а на его место назначили начальника штаба полковника (впоследствии генерала) Митрофана Федоровича Супрунова, кадрового военного с академическим образованием. Дивизией он командовал до конца войны.

Уравновешенный, доброжелательный, Супрунов хорошо знал командный состав, обладал высокими партийными качествами. Понимал и высоко ценил партийно-политическую работу, сам часто беседовал с солдатами, выступал с докладами на собраниях. Мы с ним работали дружно и согласованно. Хорошие деловые взаимоотношения сложились у политотдела со штабом дивизии, начальником которого стал молодой подполковник Ф. И. Тимощенко.

Вся страна уже знала о героях-панфиловцах. Их подвиг воодушевлял нас и мы равнялись на земляков.

В нашей дивизии тоже были герои, а на счету всего состава — немало славных боевых дел. Вот одно из них. Командующий 10-й армией генерал-полковник В. С. Попов лично поставил перед дивизией боевую задачу — усиленной разведкой боем прорвать оборону противника, вскрыть и подавить его огневую систему и захватить контрольных пленных. Срок назначили на 18 июля 1943 года.

После получения боевого приказа были проведены партийные и комсомольские собрания, беседы с бойцами на местах.

Бой начался в 18.00. После артподготовки, следуя за огневым валом артиллерии, батальон ворвался в траншеи противника. Коммунист, командир 4-й стрелковой роты капитан Иван Екимов в самый напряженный момент боя гранатами и огнем автомата уничтожил 11 немцев, прорвался с бойцами в деревню Крутая (под Людиновым Калужской области), захватил четыре дома и организовал круговую оборону. Им пришлось выдержать четыре контратаки немцев. Бойцы захватили командный пункт командира немецкого батальона, взяли штабные документы и трех немцев.

Отличился здесь и командир расчета станкового пуле-

мета, комсорг 4-й роты Илья Спиридонов, он отбил четыре атаки противника. Комсомолец из 5-й стрелковой роты, командир расчета станкового пулемета сержант Василий Пятак был ранен в руку еще у проволочного заграждения, но вместе с бойцами он прошел все три траншеи противника и прорвался в деревню Крутая.

Комсомолец Борис Тельпухов, тоже командир расчета станкового пулемета 5-й стрелковой роты перед боем подал заявление о приеме его в партию. На поле боя расчет сержанта вышел из строя — он заменил его, а затем и командира взвода и повел бойцов в атаку. Блокировал два немецких блиндажа, уничтожил при этом вместе со своими бойцами 15 гитлеровцев. Потом ворвался в деревню Крутая, участвовал в рукопашном бою.

Результаты этого наступательного боя и его политическое обеспечение политотдел обобщил и сделал достоянием всех частей дивизии. Так складывались лучшие традиции дивизии.

На фронте, как правило, коммунисты шли впереди. Шли туда, где было труднее, где приходилось воевать с большей пользой для общего дела — победы над врагом. Мне хочется рассказать о замечательном человеке, отважном политработнике, майоре Борисе Владимировиче Зимине: для нас, боевых соратников, его поступки остались эталоном мужества.

Борис Владимирович понимал, что главной ударной силой немецкой армии являются танки. Серьезный урон, как правило, им наносит артиллерия всех калибров. И тогда заместитель начальника политотдела дивизии майор Зимин подал рапорт о переводе его в артиллерийский полк. Командование удовлетворило его ходатайство и перевело в 948-й артиллерийский полк. Здесь, в самых сложных условиях боевых действий по-настоящему проявились его партийная целеустремленность, вера в успех наступательного порыва солдат и офицеров, которых он, как комиссар, воодушевлял партийным словом и личным примером. Его исключительная работоспособность, направленная на укрепление воинской дисциплины и повышение политико-морального состояния бойцов и командиров, всегда была примером для нас, боевых товарищей.

В августе 1943 года в боях у деревни Анновка Зимин был тяжело ранен, в результате чего лишился зрения. Несколько лет он лечился в госпиталях.

Но, потеряв зрение, Борис Владимирович не потерял мужества. Возвратясь с войны, он нашел достойное место

в жизни. Более трех десятилетий трудился в системе Всероссийского общества слепых, приобщая к общественно-полезной трудовой деятельности инвалидов войны и труда, потерявших зрение. Кроме боевых орденов, за высокие трудовые показатели и активную общественную деятельность Б. В. Зимин награжден орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, Октябрьской революции. Вот уж поистине — корчагинец!

Моим помощником по комсомолу работал энергичный капитан Виктор Николаевич Филонский. Большую часть времени он проводил в частях, рядом с бойцами. Впоследствии, после окончания Военно-политической академии им. В. И. Ленина Виктор Николаевич стал начальником политотдела другой дивизии.

Старший инструктор по организации партийной работы майор С. А. Коротюк запомнился как серьезный деловой человек. Вместе с секретарем дивизионной партийной комиссии майором Е. С. Дындиковым он многое сделал для укрепления ротных и батарейных партийных организаций.

Добросовестно работали среди населения и войск противника инструктор политотдела капитан Н. Ш. Бакман и его смелый помощник Н. Храмов.

Форм, средств и методов партийно-политической работы с личным составом огромное разнообразие. Нужно только в определенной обстановке умело использовать именно те, которые нужнее, те, что принесут более ощутимый результат. Находясь, например, в обороне, командиры и политработники регулярно, в каждом взводе проводили политические занятия, политинформации. Выпускались «боевые листки» и «молнии», читались газеты.

Агитаторы ежедневно доводили до солдат сводки Совинформбюро. Мы воспитывали личный состав на примерах мужества панфиловцев, стойкости сталинградцев, выдержки защитников Ленинграда. Хорошо работали агитаторы полков тт. Д. И. Каганович, В. Я. Мигачев, А. М. Хламов, С. Ш. Марковец и другие.

Большая воспитательная работа в частях проводилась и среди бойцов нерусской национальности, так как основной костяк дивизии состоял из рабочих и колхозников Средней Азии, и больше всего — из Киргизской ССР. Авторитетным агитатором был Мухамет Султанович Султанов, бывший секретарь Свердловского райкома партии города Фрунзе. Его «салам алейкум» постоянно привлекало внимание бойцов-киргизов 1268-го стрелкового полка,

парторг полка всегда приносил интересные новости, рассказывал о боевых подвигах панфиловцев и бойцов нашей дивизии.

Боевыми помощниками партии во всех взводах были агитаторы разных национальностей — тт. З. Х. Музафаров, А. Ф. Волчанский, А. Игбаев, Х. Ф. Курбангалиев, Ш. Шаимов, У. Наринбаев, З. Н. Гамидов, И. Наринбаев и другие.

Воспитанная нашей партией дружба народов находила свое дальнейшее продолжение и в боевой обстановке. Она постоянно проявлялась во взаимной выручке, поддержке и добром слове.

Политотдел в своей работе всегда опирался на широкий круг партийного актива, постоянными его помощниками были командиры всех степеней.

Пример показывал командир дивизии Митрофан Федорович Супрунов. Равняясь на комдива, постоянно выступали перед своими бойцами и командиры полков: Я. В. Быков, Л. И. Нестеров, А. Ф. Халин и другие.

Вся практика партийно-политической работы на фронте сводилась к тому, чтобы своевременно довести до каждого бойца требования боевого приказа и обеспечить его выполнение. Правильно учить и расставлять партийно-комсомольские силы и боевой актив как перед боем, так и в бою. Решающую же роль всегда играл личный пример коммуниста, комсомольца, командира. Постоянный приток заявлений с просьбой о приеме в ряды партии и комсомола говорил о высоком политико-моральном состоянии личного состава, его готовности к выполнению боевых задач. Во всех подразделениях дивизии действовали полнокровные партийные организации, почти еженедельно приходилось вручать партийные билеты молодым коммунистам. Парторгами рот и батарей, как правило, были авторитетные, с боевым опытом коммунисты, которые пользовались у солдат безграничным доверием.

В дни наступательных боев лета и осени 1943 года заметно повысилась боевая роль коммунистов. Подтверждением тому пусть будет мой рассказ о боевых действиях 6-й стрелковой роты 1270-го стрелкового полка, парторгом которой был старшина Ф. Андронов, фронтовик с первого дня войны. Партийная организация роты состояла из девяти членов и кандидатов в члены ВКП(б). Все коммунисты — заслуженные воины, удостоенные высоких правительственных наград, закаленные и проверенные в боях. Опытный командир роты лейтенант Александр Мишков

неоднократно участвовал в боях, награжден орденом Красной Звезды. Командир отделения младший сержант Агафонов за стойкость и мужество в боях с врагом награжден медалью «За отвагу». Командир взвода младший лейтенант Козлачков, красноармеец Залозных награждены орденами Красной Звезды, ефрейтор Игбаев — орденом Красного Знамени. Перед тем памятным боем они были приняты кандидатами в члены ВКП(б).

Хочется извиниться перед боевыми товарищами и читателями. По армейскому уставу принято обращаться по званию или фамилии, в исключительных случаях назывались имя и отчество. Забылись многие имена, а вот фамилии память сохранила.

Накануне боя было проведено ротное красноармейское собрание, а утром перед выходом на исходное положение, состоялся митинг личного состава. Подняв свое оружие, бойцы и офицеры, все как один дали клятву не щадя жизни, беспощадно уничтожать врага, с честью выполнить боевой приказ.

Затем, бесшумно форсировав реку, рота скрытно вышла к обороне противника, ошеломив его внезапным ударом. В этом бою опять отличился коммунист Агафонов. Его расчет станкового пулемета в составе красноармейцев Кербнева, Шуваева и Могдалева, занявший выгодную огневую позицию на высотке, обеспечил продвижение роты и дал ей возможность оседлать дорогу. На дороге бойцы захватили немецкую автомашину и повозку с боеприпасами. Тем временем взвод, под командованием коммуниста Козлачкова, атаковал блиндаж, уничтожил находившихся там немецких офицеров и захватил важные штабные документы.

Смертью храбрых погибли верные сыны Родины, бойцы расчета противотанкового ружья казах Кенжибаев и белорус Есанович: своим огнем они вывели из строя немецкую пушку, которая вела огонь прямой наводкой по боевым порядкам наступающей роты. Смелым и бесстрашным воином проявил себя санинструктор этой роты комсомолец Борис Гульцев. Отправив в тыл раненого и возвращаясь на поле боя, он неожиданно наткнулся на немецких минометчиков. Они не успели сделать и выстрела — брошенные Борисом две гранаты сделали свое дело.

Дерзко и четко действовал командир отделения комсомолец Александр Иванов. В результате стремительных действий, умелого командования отделение сержанта Иванова при прорыве вражеской обороны не потеряло ни од-

ного человека. Действуя ручным пулеметом, сержант уничтожил расчет вражеского тяжелого пулемета и захватил его. В этом бою был ранен, но с поля боя не ушел. И только при повторном ранении его отправили с передовой позиции.

Немцы оказывали упорное сопротивление, непрерывный огонь вынудил солдат залечь. Тогда, выждав момент, когда сопротивление ослабло, ефрейтор Игбаев с возгласом: «За Родину!» поднял бойцов в атаку. Рота выполнила поставленную боевую задачу.

Высокое боевое мастерство в этом наступательном бою показал молодой офицер, коммунист Копылов. Когда взвод, прорвав оборонительный рубеж гитлеровцев, вышел в расположение артиллерийских позиций противника, он неожиданно наткнулся на вражескую батарею 75-миллиметровых пушек. Младший лейтенант Копылов, подав команду «Вперед! За мной!», увлек за собой бойцов. Взвод атаковал батарею противника. Огнем автоматов и гранатами расчеты вражеских орудий были уничтожены. Взвод захватил три исправных орудия и 300 снарядов. В этом бою коммунист Копылов был ранен. Тогда красноармеец Меньков, который утром выступал на митинге и призывал солдат беспощадно уничтожать врагов, принял на себя командование взводом и повел его вперед. Вместе с другими подразделениями отбив в жестокой схватке две контратаки пехоты и танков противника, взвод ворвался в населенный пункт и полностью очистил его от гитлеровцев. 8-я стрелковая рота под командованием коммуниста Александра Мишкова успешно выполнила поставленную перед ней боевую задачу.

Сильным оружием на фронте являлась печать. Газеты, листовки воспитывали мужество, стойкость. Как подчеркивалось в директиве Главного политического управления Красной Армии от 19 июля 1944 года, одной из важнейших задач фронтовой печати было «воспитание личного состава в духе постоянной готовности к наступательным боям и стремления добить врага на его территории». Наша дивизионная газета была активным помощником политотдела. Она проводила большую работу по разъяснению решений партии и правительства, пропагандировала боевые подвиги, информировала об успехах на всех фронтах.

Редактором газеты был бывший работник «Советской Киргизии» майор Шундрин Василий Евдокимович, заместителем — капитан Матвей Михайлович Кирпиченко, тоже киргизстанец. Вокруг них сплотился дружный и трудолюбивый коллектив. Почти в каждом номере были гвоздевые материалы, написанные с большим мастерством редактором или корреспондентами. Вызывает удивление, когда находили работники редакции время на организацию материалов во всех частях дивизии. Большой популярностью пользовался поэт Евгений Агранович. Это был смелый и веселый литсотрудник. Почти в каждом номере газеты, и особенно в «боевых листках», печатались его стихи, посвященные конкретным героям прошедших боев.

Делали все, чтобы газета выходила регулярно и ответственный секретарь Иван Кирюшкин и фотокорреспондент Лука Вильчинский. Чтобы сделать содержательным материал, добыть информацию в горячей точке, частенько приходилось фронтовым корреспондентам быть рядом с наступающими солдатами. Писали бойцы, офицеры. Н... газета была боевой и интересной. Это не просто фр... Мои боевые товарищи и я сам храним многие номера ... желтевших газетных полос. Стали они и бесценными экспонатами музеев.

В составе войск 10-й армии дивизия вела длительные оборонительные бои в районе города Людиново. Своими активными боевыми действиями на этом участке фронта она так сковывала значительные силы противника, что ни один вражеский солдат не был снят и переброшен под Сталинград или Курск.

В августе 1943 года началось общее наступление советских войск. Вскоре нашей дивизии выпала особая честь — вместе с другими соединениями освободить первый в Белоруссии город Кричев, предварительно форсировав реку Сож. Он являлся важным узлом шоссейных и железнодорожных путей.

Учитывая особую сложность задачи, политотдел накануне боя провел в частях партийные и комсомольские собрания. Командиры, политработники, агитаторы проводили с бойцами беседы об особенностях переправы, о действиях в уличном бою, о зверствах гитлеровцев. Наступательный порыв был настолько высоким, что находившиеся в медсанбате солдаты и офицеры «убегали», не долечившись, чтобы принять участие в освобождении первого белорусского города. Так, командир взвода из 1268-го стрелкового полка Михаил Иванович Давыдов, попав после ранения в госпиталь, вернулся досрочно в свой батальон, чтобы одним из первых вступить на белорусскую землю и помочь освободить город Кричев.

В Белоруссии у немцев от партизан земля горела под ногами. И партизаны помогли нам освободить Кричев. Накануне боя комсорг 1270-го стрелкового полка Дмитрий Товкес связался с комсомольцами-партизанами из пригородного с Кричевым села. Они спрятали от немцев несколько лодок и теперь передали их нам.

Решено было взять Кричев в клещи и отрезать отход немцев по железной дороге. Полки под командованием подполковника Л. И. Нестерова и подполковника Ф. В. Коновалова скрытно форсировали реку Сож. Затем одновременно с флангов во взаимодействии с 212-й стрелковой дивизией, и при поддержке 572-го пушечно-артиллерийского полка, атаковали врага. Немцы упорно сопротивлялись и часто переходили в контратаку. Но введенный в бой полк подполковника А. Ф. Халина решил исход боя. Противник не выдержал и начал оставлять одну позицию за другой, стараясь выйти к железной дороге, к станции, где находилось несколько эшелонов с военной техникой и людьми. Эти попытки ни к чему не привели, т. к. заградительный огонь артиллерийского полка Я. В. Быкова отсек противника.

Тем временем батальон В. П. Найденова слева и полк А. Ф. Халина справа совсем закрыли отход немцам. Поставленные на прямую наводку батареи 76-миллиметровых пушек В. Чернова и Н. Фролова в упор расстреливали фрицев. С поднятыми руками фрицы выскакивали из вагонов и со злобой швыряли в общую кучу оружие. Ни одного эшелона с железнодорожной станции не было выпущено.

Большую роль при освобождении Кричева сыграла разведка, возглавляемая капитаном М. П. Докучаевым. Она точно определила огневые средства и резервы противника, которые впоследствии были подавлены огнем нашей артиллерии.

Как всегда бесстрашно работали саперы под командованием командира саперной роты коммуниста М. Т. Волкова и командира взвода инженерной разведки коммуниста М. В. Сорокина. С ними были их боевые товарищи саперы Н. Чещарин, В. Попков, М. Большов, С. Баранов. Они нашли броды, вовремя разминировали передний край и помогли в переправе частей и подразделений дивизии через реку Сож.

При освобождении г. Кричева особенно отличились подразделения М. Репетунова, В. Найденова, Береснева, Н. Строгова, В. Чернова, В. Кухтина, А. Мелина, В. Свиньева, В. Муравьева, А. Волчанского, Нефедова, Овчара, Ахметова, Давыдова.

30 сентября 1943 года было передано сообщение о присвоении 385-й стрелковой дивизии почетного наименования «Кричевская». Это была большая радость для всего личного состава. Наша дивизия (вместе с 212-й) первой из всех дивизий Красной Армии получила имя белорусского города.

Зимой 1943 года дивизии предстоял 30-километровый марш с левого на правый фланг 49-й армии. В это время к нам приехал поэт Алексей Сурков, автор известной всем «Землянки». Одет он был в полушубок и шапку-ушанку. Я спросил: «На чем поедете? На санях или в автомашине?» Он ответил, что пойдет пешком в строю, хочет на марше узнать мысли русского солдата.

Был конец декабря, и дивизия сделала привал в лесу, чтобы под елками встретить Новый, 1944-й! Всем были выданы наркомовские сто граммов.

Было не по-военному хорошо и спокойно. Алексей Александрович начал приглушенным голосом читать стихи. Читал он не только свои, но и стихи других поэтов. Военная поэзия сменилась гражданскими мотивами; лирикой. У меня до сих пор щемит сердце, когда вспомню этот вечер поэзии — ничего лучшего в моей жизни не было.

Прошло много лет. У нас готовилось издание документальной повести о боевом пути дивизии. Очень хотелось включить и эпизод с пребыванием Алексея Суркова. Послал ему письмо. Долго ждал ответа. Наконец, получил. Он писал, что непростительно запоздал с ответом. Но помнит: было морозно, шел густой снег... «И хотя марш был тяжелый, но идти с солдатами было весело, солдаты меня не стеснялись...» У известного поэта, конечно, было много таких дней. На фронт выезжали целые артистические бригады, каждый писатель, если он не находился в действующей армии, считал за первоочередной долг приехать на фронт.

Приезжала к нам и делегация от тружеников Киргизстана. Сколько радости и тепла принесла она солдатам и офицерам. Конечно, приятно получать весточки от близких, но живая связь крепче. Встречи с земляками оставались в сердцах надолго.

Полевая почта как-то доставила письмо от жителей города Токмака. Они написали нам:

«Дорогие наши родные и прославленные воины Крас-

ной Армии! Мы, токмакчане — ваши жены, матери, сестры и подруги — собрались в городском театре по случаю возвращения с фронта делегации, посетившей вашу часть. С большой гордостью и восхищением слушали волнующий рассказ про вашу жизнь и боевые дела. Член делегации тов. Матяш рассказал нам о славных воинах, храбро и бесстрашно разящих немецкую свору. Среди них и наши родные, токмакчане: капитан Сергей Николаевич Мехинцев, капитан Махмут Хайров, сержант Филипп Луценко, сержант Вячеслав Никовский и многие другие.

Мы горды и восхищены вами, наши родные, друзья, товарищи и земляки. Находясь в глубоком тылу, мы живем одной мыслью с вами, каждый из нас на своем участке работы изо всех сил помогает скорейшей победе над ненавистным врагом.

Женщины Токмака, отправив на фронт своих отцов, братьев и мужей, смело пошли на производство, овладели мужскими профессиями и сейчас выполняют задания на 200—300 процентов. Другие, не жалея сил и времени, работают на полях колхозов, чтобы вырастить высокий урожай. Немало женщин Токмака выдвинулись на руководящую, партийную и хозяйственную работу.

Тов. Текучая и Болоцкая овладели специальностью токаря и показывают образцы высокой производительности. Мария Маслова обучила токарному делу трех подруг. Нафиса Хайрова выдвинута инструктором горкома партии, Москвина — заместителем председателя колхоза «Серп и молот». Таких женщин у нас много.

Мы — ваши жены, матери, сестры и друзья — трудимся в тылу так, чтобы быть достойными вас и чтобы вместе с вами разделить праздник радостной встречи после победы над кровавым фашизмом... Во имя победы над озверелым врагом мы будем трудиться не покладая рук, а вы на фронте усиливайте удары по врагу, бейте фашистов днем и ночью. И заря Победы скоро взойдет над Советской землей. Привет вам и слава, наши воины-герои! Смерть немецким оккупантам!»

После таких писем крепче сжимали солдаты оружие, сильнее били врага.

Пожалуй, самый сложный и тяжелый бой был на реке Проня в районе деревни Прилеповка. Дивизия с ходу вступила в схватку и заняла господствующую высоту западнее деревеньки. Немцы контратаковали с необычной свирепостью. Вместе с солдатами и офицерами 1266-го стрелкового полка шел в атаку и я. Немцы лезли на нас,

пытаясь прорваться к переправе, не жалели ни снарядов, ни мин, ни пуль.

Левый фланг полка начал медленно отходить. В это время капитан В. Чернов выкатил свои 76-миллиметровые орудия на открытую огневую позицию и стал картечью расстреливать наступающих немцев. Это помогло — левый фланг закрепился. В том бою рядом со мной разорвалась мина и я был контужен. Двое суток не приходил в сознание...

В начальный период войны у нас не было в достаточной степени механизированных средств, танков, авиации и артиллерии. В этих условиях нужно было находить эффективные формы и методы борьбы. Опыт накапливался в боях. Приходилось порой без артиллерийской подготовки и поддержки авиации и танков проводить ночные бои. Стали применять штурмовые группы в уличных боях. Не имея нужного количества автомашин, начали создавать подвижные передовые отряды захвата важных железнодорожных узлов, переправ и плацдармов. Такой передовой отряд, усиленный артиллерией и саперами, во время наступления создавался и в нашей дивизии.

В конце июня 1944 года дивизии предстояло форсировать Днепр и обеспечить дальнейшее продвижение войск 49-й армии. Для выполнения задачи комдив создал передовой отряд в составе двух стрелковых батальонов 1266-го стрелкового, первого дивизиона 948-го артиллерийского полков и части разведроты. Командиром отряда был назначен проявивший себя в боях за город Кричев майор Михаил Павлович Докучаев. Выполнить боевую задачу помогли исключительно смелый, почти до безрассудства, замполит Валентин Максимов, лейтенант Иосиф Медведь — парторг батальона, комсорг Алексей Никулин (ему посчастливилось участвовать в параде Победы в Москве), парторг роты Маркел Шаров.

Все подразделения действовали героически: пехота комбата Н. Строгова, артиллеристы А. Мелина и В. Муравьева, саперы М. Волкова, разведчики Д. Епишева, Ф. Кондратенко. Переправившись на подручных средствах, действуя штурмовыми группами, под огнем противника захватили мост, плацдарм. Удержали его до подхода главных сил дивизии и обеспечили наше дальнейшее наступление.

Во время форсирования Днепра Докучаев был тяжело контужен, но не покинул поля боя и продолжал руководить им. За боевые подвиги, за успешное форсирование

Днепра майору Докучаеву было присвоено высокое звание Героя Советского Союза (на параде Победы в Москве он командовал сводной ротой).

После успешного форсирования Днепра наша дивизия продолжала наступление.

Следующей славной страницей биографии дивизии стало ее участие в знаменитой операции советских войск «Багратион» в июле 1944 года, которая закончилась полным освобождением Минска и всей Советской Белоруссии. В районе деревни Самохваловичи, что юго-восточнее Минска, был наиболее драматический период в боевой летописи всей нашей дивизии.

Как известно, в Белоруссии нашим войскам удалось окружить фашистов. Нам предстояло ликвидировать раздробленные группировки, прорывавшиеся на Запад. Дивизия оказалась впереди бегущих немцев и была сама атакована крупными силами. Вступили в бой, повернувшись фронтом на восток. Волна за волной шли на позиции кричевцев цепи фашистов. Был момент, когда гитлеровцы начали просачиваться между нашими подразделениями, и яростные схватки завязывались уже в районах командных и наблюдательных пунктов полков. Кончались боеприпасы, так как все пути подвоза их были отрезаны. Мне даже пришлось дать указание своему заместителю, чтобы он был готов сжечь партийные документы политотдела. Комдив Супрунов, проявляя исключительную выдержку и спокойствие, умело управлял боем. Четко работала связь, обеспеченная связистами. Бойцы сражались мужественно, никто не дрогнул, не отступил. Целый день длился этот ожесточенный бой. И противник не выдержал, бросил оружие. Со своим штабом сдался в плен и командир армейского корпуса генерал от инфантерии Фелькерс.

Вместе с другими частями и соединениями Красной Армии воины-кричевцы с честью выполнили свой интернациональный долг, приняв участие в освобождении от фашистского рабства народов Польши. Города-крепости, лесисто-болотистая местность, водные преграды — вот вехи на пути 385-й стрелковой.

После войны судьба разбросала нас по всему Советскому Союзу. Ежегодно 9 мая мы, ветераны дивизии, собираемся в Центральном парке культуры и отдыха имени Горького в Москве. И всегда рады, если появляется новый кричевец, наш боевой товарищ.

ТЫ ПОМНИШЬ, ТОВАРИЩ...

И. В. ЧЕЩАРИН,

Герой Советского Союза, бывший командир отделения 665-го отдельного саперного батальона.

Писать о войне трудно. Нам, фронтовикам, нелегко вспоминать боевые эпизоды, потому что на всех дорогах войны остались наши боевые товарищи. Они сложили головы за самое дорогое на свете — за мирное небо и счастливую жизнь. В сердце народа память о них вечна. Как эстафету хочется передать подрастающему поколению высокое назначение советского воина — всегда отстаивать мир и рубежи своей родной земли.

Мне повезло: попал в 385-ю стрелковую дивизию, где боевое содружество ценилось превыше всего. Правило «сам погибай, а товарища выручай» в этом армейском соединении считалось главным.

Не раз приходилось видеть, как, рискуя жизнью, солдаты спасали своего командира, как уходили за нейтральную полосу разведчики в стан врага. И было так, что, выполняя задание, не все возвращались... Мои боевые соратники приведут массу примеров, когда раненый боец или офицер, порой истекая кровью, не разрешал себя эвакуировать в тыл и оставался на поле боя до победного конца. Уже только в этом заключался подвиг.

Сегодня, спустя четыре десятилетия после окончания войны, я с большой теплотой вспоминаю своего командира взвода — лейтенанта Михаила Васильевича Сорокина. Вместе с ним мы форсировали реку Сож. Это была как бы репетиция перед предстоящей переправой через большую водную преграду на пути наших войск — реку Днепр.

Моросил мелкий дождь. Для саперной разведки такая погода даже на руку: видимость сокращается, приглушаются звуки. Вода в реке была ледяная, что тоже было хорошо — немцы не ожидали, что мы полезем через нее вброд.

Уже на том берегу, когда начали делать в проволочном заграждении проходы и обезвреживать их от мин, начался артиллерийский обстрел. Фронтовики знают, как себя чув-

ствуешь, когда над головой взвизгивают снаряды, но еще хуже, если они рвутся где-то рядом. А нам приходилось в этом хаосе еще обнаруживать и обезвреживать мины. Я и сейчас восхищаюсь хладнокровием и самообладанием, с которым работали мои товарищи саперы Б. Левандовский, А. Власов, М. Шарифулин, С. Баранов, М. Большов...

Кто смотрел смерти в лицо, тот поймет меня. Помню, что рядом блеснуло пламя и как-то глухо ударило по земле. Все мы приостановились и посмотрели в сторону взорвавшейся мины — кому же это не повезло. Невезучим оказался лейтенант Слюняев. Мы бросились к нему, но он остановил нас: «Назад, продолжайте работать». Только подозвал Большова, чтобы он сделал перевязку.

Мина взорвалась в стороне и оторвала только ступню. После перевязки мы отнесли своего командира, несмотря на возражения, к берегу.

Потом наша дивизионная газета напишет, что саперы совершили беспримерный по своей дерзости проход в расположение противника. Наш же успех был обеспечен благодаря доскональному знанию передовой линии фашистов — это разведчики указали нам место для «коридоров». Вовремя поддержали нас и артиллеристы, они отвлекли внимание фашистов и позволили порезать проволочные заграждения и разминировать поля.

Согласованные действия всех сил и средств обеспечивали четкие наступательные операции. В нашей дивизии хорошо понимали, что разведчики, саперы, пулеметчики, артиллеристы — все делают одно необходимое дело, а успех бывает только при согласованности и четком взаимодействии всех родов войск.

Мои боевые товарищи из совета ветеранов 385-й стрелковой Кричевской Краснознаменной и ордена Суворова II степени дивизии попросили рассказать о боях при форсировании Днепра, за которые я удостоен высшей награды Родины. Писать о войне трудно, о своих подвигах еще труднее. У меня сохранилась копия наградного листа, подписанного командиром батальона майором А. Пережогиным и другими военачальниками, вплоть до командующего войсками 2-го Белорусского фронта, генералом армии Г. Ф. Захаровым: «Сержант Чещарин 25.6.1944 года в районе Козырек — Головенчицы со своим отделением проделал два прохода в проволочных заграждениях и минных полях противника, идя под массированным огнем впереди атакующей пехоты, этим обеспечил прорыв переднего края обороны противника.

27.06.1944 года в районе Дашковки, обеспечивая форсирование реки Днепр стрелковым батальоном 1266-го стрелкового полка, наступающим в первом эшелоне, с отделением саперов форсировал р. Днепр, захватил 5 надувных лодок противника, переправил на них пулеметные расчеты. Под прикрытием огня своих пулеметов первым, с двумя саперами, ворвался в траншеи противника, лично проделал один проход в проволочном заграждении и, уничтожив пулеметный расчет, захватил пулемет. Сержант Чещарин своей храбростью и отвагой увлек стрелковую роту — траншеи на западном берегу р. Днепр были захвачены.

Сержант Чещарин достоин присвоения звания Героя Советского Союза».

Добавлю. При форсировании Днепра массовый героизм проявляли все, был он обеспечен согласованными действиями всех родов войск и высоким стратегическим мастерством командиров. Это и позволило смять стремительным броском врага и отбросить его.

Золотая Звезда Героя Советского Союза засияла на груди еще восьми моих боевых товарищей. Это рядовые Михаил Иванович Усачев, Алексей Иванович Висящев и Шади Шаимов, сержант Алексей Михайлович Максин, младший лейтенант Иван Егорович Жудов, старший лейтенант Михаил Ермолаевич Волков, майор Михаил Павлович Докучаев.

НИЧТО НЕ ЗАБЫТО...

М. В. СОРОКИН,

бывший командир разведвзвода отдельного 665-го саперного батальона, капитан.

Мы живем в замечательное время, но на нашу долю выпало и небывалое испытание. Ради счастья на земле верные сыны и дочери Отчизны отдали жизни, остались навечно в сырой земле. Наш долг — ветеранов, участников войны — рассказать об этом.

И не только потому, что это веха истории нашего поколения, нашего государства, но и для того, чтобы на примерах мужества отцов учились дети, подрастающее поколение, наше будущее.

...Когда началась война, мне шел 31-й год. Я отслужил в рядах Красной Армии, был демобилизован, освоил мирную профессию — работал техником-строителем в Киргосстрое. Мое рабочее место было на улице Логвиненко, там возводился новый жилой дом.

К тому времени я был кандидатом в члены ВКП(б) и первым своим долгом считал явиться в горком партии. Коммунистов собралось много. Во время ожидания стихийно начался митинг. Выражали единство с партией, народом, готовность идти добровольно на защиту Советского государства не только коммунисты. Только за три дня в военкоматы поступило несколько тысяч заявлений от людей разных возрастов и профессий, желавших добровольно пойти на фронт.

Мне тогда сказали: «Подождите». Повестку принесли 6 сентября. В Ворошиловском военкомате, на другой день, нас выстроили. Это была разношерстная публика — от восемнадцатилетних юношей до «дедов» сорока и больше лет, но всех нас собрало здесь и объединило одно — решимость дать отпор фашистскому агрессору. Служа в рядах Красной Армии, я закончил военно-инженерную школу, и это определило мою дальнейшую службу: я был направлен в штаб вновь сформировавшегося 665-го саперного батальона.

В первые же месяцы войны в Киргизии, как и по всей нашей стране, под руководством партийных и советских органов развернулась работа по формированию воинских частей и соединений, в том числе была сформирована и наша родная 385-я стрелковая дивизия.

Штаб дивизии размещался в сером трехэтажном здании на углу улиц Пушкина и Краснооктябрьской, один из стрелковых полков — в старом здании Академии наук, другой — в одном из пригородных сел. В железнодорожном техническом училище находился артиллерийский полк, а наш 665-й саперный батальон — в помещении нынешней тубольницы.

Штаб 665-го саперного и некоторые другие войсковые службы были расквартированы в здании, где сейчас находятся издательства «Кыргызстан» и «Мектеп». Туда я и прибыл 8 сентября и сразу с головой окунулся в работу: тяжелое время не допускало промедлений.

В республике формировалась не только наша 385-я, но и другие дивизии, в частности, 107-я, 108-я и 109-я кавалерийские. При частях сразу же были организованы санитарные пункты, где медработники проводили осмотры, оказывали помощь и обучали медперсонал.

Воинские соединения экипировались колхозами и предприятиями республики. Перед партийными, советскими и хозяйственными органами возникли трудности — надо было обеспечить быстрое и согласованное взаимодействие различных служб. Основным транспортом в то время были телеги и брички, которые должны были выдержать большие нагрузки в фронтовых условиях. А порой поступали такие телеги, что и порожние они могли ехать только по ровной дороге.

Ответственным за обеспечение транспортом в дивизии был назначен заместитель командира батальона Абросимов. На этой должности он забыл покой. В мои обязанности тоже входила приемка транспортных средств, быстрое, надежное размещение принятого оборудования, его ремонт, обеспечение кормом и водой лошадей. За всем этим стояла большая работа, так как регулярное обеспечение наступило не сразу. Однако все службы к исполнению своих обязанностей относились добросовестно, не жалели сил.

Война потребовала всемерного повышения мобилизационной готовности граждан города и деревни. 10 июля 1941 года Совет народных комиссаров Киргизской ССР принял постановление о введении всеобщей обязательной подготовки населения к противовоздушной и противохимической обороне. На предприятиях, в учреждениях, учебных заведениях, колхозах и совхозах советские люди настойчиво учились защите от налетов вражеской авиации, устранению их последствий, оказанию первой помощи пострадавшим.

Особое внимание уделялось военной подготовке во вновь сформированных частях и подразделениях. Занимались по усиленной программе весь световой день. Учились рыть окопы, строить блиндажи, ползать по-пластунски, ходить в атаку. Современному молодому человеку это может показаться странным: ведь винтовок, пушек не было, не было даже учебного оружия. Все изучалось заочно. Опора офицеров была на тех, кто уже прошел военную службу и знал определенный вид оружия. Командование дивизии радостно встретило молодых выпускников Ташкентского училища, начальником которого был прославившийся в

годы Великой Отечественной войны генерал И. Е. Петров. Из училища прибыли молодые офицеры, я запомнил Владимира Пятакова, Михаила Сухова и Брилева. Запомнил за их боевой задор, высокую требовательность к дисциплине, хорошие знания военного дела и умелое педагогическое мастерство, с которым они передавали свои знания. Они выделялись среди офицеров и солдат не только отличной выправкой, новенькой формой, но главное — совершенными знаниями техники и стратегии. Занятия у них проходили на высоком уровне и потом многие с благодарностью вспоминали навыки, привитые за околицей Фрунзе.

Дивизионной газеты в то время у нас не было. Однако во всех частях и подразделениях регулярно выходили стенные газеты. Назывались просто — «За Родину», «Боец» и т. д. По возможности в них освещались все текущие дела, обстановка на фронте. Широкой популярностью пользовались дружеские шаржи и карикатуры на нерадивых воинов. Вечером, вернувшись с учений, солдаты собирались около стенных газет и долго под шутки и деловые замечания обсуждали информацию. Сила стенной печати, ее влияние на моральный настрой воинов потом по эстафете перейдет к нашей дивизионной газете.

Поступила большая партия лошадей из дружественной нам Монголии. Лошади были низкорослые и полудикие. Хлопот с ними было много. А людей умеющих обращаться — мало. И все же помощь была ощутимой.

Сейчас, спустя более четырех десятилетий, я удивляюсь, как мы успевали все делать, улаживать, решать. Почти любой вопрос, на который в мирное время уходят месяцы, решался в считанные часы.

Близился день принятия военной присяги. На глазах подтянулись бойцы и командиры, стали строже, собраннее. Наконец, в торжественной обстановке, под звуки духового оркестра состоялся церемониал — вынос знамен. Моральный эффект был неописуем. Славный и героический путь пройдут под ними воины 385-й стрелковой. У меня сохранился пожелтевший листок с дорогими каждому солдату и офицеру словами: «Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии, принимаю присягу и торжественно клянусь быть честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным бойцом, строго хранить военную и государственную тайну, беспрекословно выполнять воинский устав и приказы командиров и начальников.

Я клянусь добросовестно изучать военное дело, всемерно беречь военное и народное имущество и до последнего дыхания быть преданным своему народу, своей Советской Родине и Рабоче-Крестьянскому Правительству...»

Началась подготовка к отъезду на фронт. Быстро проходили последние дни пребывания нашей дивизии в городе Фрунзе. Улаживались последние дела, приезжали родственники прощаться. Повсюду слышалось напутствие: «Разгромите врага и с победой возвращайтесь домой!»

4 ноября 1941 года наш 665-й отдельный саперный батальон вечером покинул город Фрунзе. Примерно в эти же дни три стрелковых, один артиллерийский полки нашей дивизии пешим порядком вышли на станцию Беловодское, где их ожидали железнодорожные вагоны.

На фронт мы ехали с песнями. Мелькали однообразные казахские степи, небольшие полустанки. Здесь, за сотни километров от родного дома и от фронта жизнь казалась ясной и простой. В Саратове наш состав остановили, вывели всех из вагонов, построили и начали экипировать. До этого часа мы были солдаты и не солдаты. Солдаты потому, что призваны в армию, ехали защищать свою Родину, не солдаты потому, что формы и оружия у нас не было. А вот когда надели ее, то многие подтянулись, стали серьезнее...

Я горжусь тем, что довелось воевать во взводе саперной инженерной разведки. О разведчиках во время войны говорили, что это глаза и уши дивизии, иногда добавляли: сапер-разведчик ошибается лишь один раз в жизни. Справедливые слова.

Чтобы не допустить ошибки в ходе боевых действий, разведчики должны были прекрасно разбираться не только в марках своих мин, но и досконально знать мины противника, системы его оборонительных сооружений, способы маскировки, противотанковые и противопехотные препятствия. Они, разведчики, обязаны были постоянно проявлять находчивость, смекалку, разгадывать уловки врага и ловко его обманывать...

Старшина Большов, сержант Чещарин, старший сержант Левандовский... Его в нашем взводе считали самым смелым и самым ловким. Он погиб как сапер. Однажды ночью взвод пошел в разведку в район предстоящего наступления: сделать проходы в проволочном заграждении, разминировать. Левандовский шел впереди, и подорвался на мине. Задание мы все-таки выполнили, но боевого товарища у деревни Головенчицы потеряли.

3—191

Библиотека ... 86

В ту ночь операция сорвалась. Но в следующую ночь мы выполнили ее. Выполнили четко, без потерь.

Был в нашем взводе солдат Ямдыханов. Киргиз. Отчаянный парнишка, находчивый и веселый. Помню одно наступление: пули визжат, мины воют, осколки — дождем. Среди дня такая мгла, что в двух метрах ничего не видно. После боя осмотрелись: нет Ямдыханова. Все перерыли, не нашли, только слышим — рядом собачка лает. Наконец, обнаружили его засыпанным в блиндаже. Когда солдата нашли, и собачка перестала голос подавать. Тогда мы на это совпадение не обратили внимания.

А дней через десять вошли в одну деревню. Сидим в холодной избе, обоз с продуктами где-то застрял, молчим, курим. Злые. Вдруг на печи радостно так, по-домашнему собачка залилась лаем. Все повеселели, заулыбались. Зовем пса, а Ямдыханов смеется. Он, оказывается, еще с детства научился подражать голосам разных животных. Погиб Ямдыханов в 43-м, близ белорусской деревни Барсуки.

Несколько лет назад побывал я под Чаусами и под Головенчицами. Долго стоял в той долине, где погиб Б. Левандовский. Теперь это мирное поле. И небо над ним чистое.

Перед самым отъездом долго беседовал с секретарем Чаусского райкома партии. Рассказал о том, как дивизия освобождала город Кричев, про однополчан своих.

Секретарь райкома поведал о сегодняшних делах и заботах, об урожае, о том, сколько тракторов работает сейчас на полях, о людях. О людях Белоруссии, которые помнят о нас, кричевцах.

Вспомнил я тогда один эпизод из фронтовой биографии нашей орденоносной дивизии. Войска противника находились в Чаусах. Подступы к городу осложняла река Проня. Нашей дивизии предстояло форсировать ее и занять плацдарм на западном берегу.

Два отборных, хорошо подготовленных стрелковых батальона в сопровождении группы саперов-разведчиков переправились через речку вечером. Саперы бесшумно сняли немецкие мины, сделали проходы в противопехотных заграждениях. Передовой отряд вышел к переднему краю, затаился. Перед рассветом с наблюдательного пункта командира дивизии был подан ракетный сигнал. Солдаты с криком «ура!» ворвались в немецкие траншеи.

В этом бою разведчики потеряли своих товарищей, комсомольцев Марченко и Егорова. Начальник штаба

приказал во что бы то ни стало разыскать их, однако тщательные поиски результатов не дали. Но все же Марченко и Егоров объявились.

Они рассказали, что были отрезаны от основной группы и взяты немцами в плен. Гитлеровский офицер приказал доставить их в штаб, в деревню Быковку. Ребятам связали руки и повели.

Пока дошли до деревни, фашистов из нее уже выбила наша дивизия. Увидев неожиданно выскочивших советских бойцов, офицер бросил пистолет и выкрикнул: «Плен, плен!» Конвоиры быстренько развязали нашим саперам руки, и... отдали им свое оружие.

В честь тридцать пятой годовщины освобождения города в Кричеве проводились торжества, на которых присутствовали и ветераны нашей дивизии. Они возложили венок к обелиску на холме Славы, оставили горсть киргизской земли на братской могиле однополчан.

Ветераны побывали на цементно-шиферном заводе, в районе которого развернулись особенно жестокие бои. На его территории располагался гитлеровский лагерь смерти. Бывшие воины дивизии встретились с коллективом, рассказали о том, как над поселком цементников командир разведывательной роты Василий Михеев поднял красный стяг.

Мы подробно познакомились с историей Кричева — одного из древнейших белорусских городов. Упоминание о нем есть в документе XII века — в «Уставной грамоте». Богата история города, неоднократно он оказывался на перекрестках исторических событий, но таких испытаний, как в годы Великой Отечественной войны, не было.

Два года Кричев находился в оккупации, но ни на один день не прекращалась здесь борьба с проклятыми фашистами. Партизанские отряды Татьяны Гиндиной, Игоря Раковского, Павла Шимонина, подпольщики Мария Толкачева, Татьяна Лукашук и многие другие мужественные патриоты постоянно уничтожали гитлеровских супостатов.

30 сентября 1943 года город был освобожден и стал возрождаться из пепла.

Горожане не забывают своих освободителей: часто мы получаем из Кричева письма и телеграммы с добрыми, теплыми пожеланиями, приглашениями совместно отметить дорогие нам всем даты.

Свято хранят память о своих земляках-воинах и киргизстанцы. Никогда не забыть нам, ветеранам, тот торже-

ственный день, когда во Фрунзе 20 октября 1966 года на здании, где размещался штаб и политотдел нашей дивизии, была установлена мемориальная доска. Тысячи жителей пришли, чтобы почтить память погибших, оказать почести доблестным воинам-ветеранам.

Четко печатая шаг, прошел по улицам почетный караул Фрунзенского гарнизона. Впереди — боевые знамена трех полков дивизии, с которыми они прошли от Москвы до Эльбы. В этом же строю шли и мы, ветераны дивизии.

С волнением вспоминаются дни, когда отмечалось двадцатипятилетие нашей дивизии. Во Фрунзе были доставлены боевые знамена 1266-го, 1268-го, и 1270-го стрелковых полков, прошли волнующие встречи ветеранов дивизии с представителями интеллигенции и трудящихся республики — нас связывает дружба, рожденная в суровые годы войны.

К нам на фронт не раз приезжали делегации из Киргизии. Командование дивизии докладывало труженикам республики о боевых подвигах земляков. ЦК Компартии Киргизии и Совнарком Киргизской ССР присылали воинам сердечные письма, которые воодушевляли на новые подвиги.

Одно из них мы получили в июле 1942 года: «Мы гордимся, что сыны солнечного Киргизстана дерутся, как львы, за честь и свободу нашей Родины. Бейте врага до полного его уничтожения. Не давайте ему ни днем, ни ночью ни отдыха, ни покоя, очищайте родную землю от фашистской нечисти. Ваши успехи и подвиги на фронте воодушевляют трудящихся Киргизстана на новые трудовые подвиги. Мы здесь, в глубоком тылу, ни на минуту не забываем, что каждая тонна зерна, свеклы, хлопка, каждая голова скота — это снаряд по фашизму. Мы ни на минуту не ослабляем, а, наоборот, усиливаем свою энергию в деле увеличения продукции для фронта и страны, чтобы приблизить окончательный разгром фашизма. Желаем вам крепких сил. Пишите о ваших боевых подвигах, мы будем отвечать на них трудовыми подвигами на полях, джайлоо, фабриках, заводах».

Никогда не изгладятся в памяти ветеранов торжества, посвященные двадцатилетию Победы советского народа над фашистской Германией. В те дни столица солнечного Киргизстана оделась в праздничное убранство. Кумач флагов красочно вписывался в зелень скверов, улиц и площадей. На торжественном митинге в Первомайском районе под звуки марша перед колоннами трудящихся, школьников, студентов воины пронесли знамя 1270-го полка. Подтянулись, будто помолодели, стали стройнее бывшие фронтовики.

И вот над притихшими колоннами раздаются слова клятвы:

— Под боевым знаменем, омытым кровью наших отцов, старших братьев и сестер, овеянном неувядаемой славой, мы, молодые фрунзенцы, торжественно клянемся:

вечно хранить в сердцах святую память о всех сынах и дочерях великой Отчизны, отдавших свою жизнь за наше счастье;

вечно служить делу Коммунистической партии Советского Союза, социалистической Родине, быть всегда готовыми стать на защиту нашего дорогого Отечества!..

— Клянемся! Клянемся! Клянемся! — летят над площадью юные голоса.

В тот же час на площадь, где собрались представители Свердловского района столицы республики, было внесено боевое знамя 1266-го полка. И здесь прозвучали горячие слова клятвы умножать славу родной страны, трудом крепить мир на всей земле.

Под торжественные звуки фанфар, в сопровождении эскорта, вносится боевое знамя 1268-го полка в сквер Молодая Гвардия, к памятнику комсомольцам 20—40-х годов, где собрались труженики Ленинского района города Фрунзе. Раздаются залпы оружейного салюта...

Не только в нашей стране бережно относятся к боевой славе. Память о славных подвигах советских воинов жива и на польской земле. В 1984 году, в связи с празднованием 40-летия освобождения республики от фашистской оккупации, в стране состоялись большие торжества. По решению ПОРП (Польской Объединенной Рабочей партии) на юбилей были приглашены представители различных войсковых соединений, принимавших участие в освобождении страны. Получили приглашение и ветераны 385-й Кричевской орденов Красного Знамени и Суворова II степени стрелковой дивизии.

Автору этих строк в октябре, спустя 40 лет после боевых операций, также предоставилась возможность побывать на польской земле, в городах Ломжа, Остроленка и в других населенных пунктах.

В Ломжинском воеводстве на специально созванной сессии нам был оказан сердечный прием, сказано много теплых слов в адрес Советского Союза, высокой миссии

Советской Армии, освободившей народы Европы от фашистской оккупации.

В память о великом подвиге, братской дружбе между нашими народами мы обменялись сувенирами и памятными подарками.

В дни пребывания на польской земле ветераны посетили предприятия и организации, возложили венки на братские могилы. В государственном музее, а также в музее боевой славы школы № 4 города Ломжа интересные боевые экспонаты рассказывают о войне, уделяется большое внимание и нашей 385-й стрелковой дивизии. Польским учащимся были переданы альбом и памятный адрес из Фрунзенской средней школы № 33, где также имеется музей боевой славы нашей дивизии.

Да, здесь бережно относятся ко всему, что связано с освобождением польской земли Советской Армией.

Кто возвращался спустя много лет в места, с которыми связаны значительные события в жизни, поймет, какое волнение возникает в душе. Мне пришлось побывать в таком месте, в доме на восточной окраине города Ломжа. 40 лет назад здесь со мной произошел такой случай. Обследуя участок и обезвреживая от мин путь, я подошел к дому, который стоял на окраине. Мне предстояло проверить его, поставить трафарет «Мин нет» и идти дальше. Только я сделал с порога в коридор один шаг, как полетел куда-то вниз. Ну, законное дело — испуг, первая мысль, что попал в ловушку. Сильно стукнулся. Очнулся в яме. Выбраться одному трудно...

И вот спустя сорок лет, я стою у этого сохранившегося домика, а перед глазами события того памятного дня...

Рядом стоят польский генерал, военный комиссар, товарищи из райкома. Поняли ли они, о чем задумался старый солдат? Смотрю на их лица, вижу — поняли. Значит, не только в памяти фронтовиков живет война.

МАСТЕРОВЫЕ ВОЙНЫ

З. Х. МУЗАФАРОВ,

бывший начальник военно-технического снабжения 948-го артиллерийского полка, техник-лейтенант.

На фронте успех был обеспечен не только боевым духом, массовым героизмом солдат и офицеров. Немаловажное значение имели согласованные действия всех родов войск и служб, надежное обеспечение тыла. Емкое понятие «надежный тыл» вбирало в себя не только безопасность и своевременные доставки к передовой оружия, боеприпасов, продуктов питания, обмундирования, но и быстрый и качественный ремонт военной техники и снаряжения. К сожалению, об этой стороне войны написано до обидного мало.

Службу я начал 4 сентября 1941 года в 665-м отдельном саперном батальоне 385-й стрелковой дивизии. Как известно, формировалась она во Фрунзе. Почти с первых дней призыва в армию я стал начальником мастерской. Будучи рядовым, занимал офицерскую должность, но беспокоило больше другое: мастерской не доставало инструмента, людей.

В штате у нас было всего шесть оружейных мастеров. Выполняли столярные и плотницкие, слесарные и кузнечные, электромонтажные и специальные работы. Словом, были на все руки мастера. Дважды одно дело не переделывали. Во время проведения определенных видов работ нам дополнительно выделяли солдат.

Первые результаты нашего труда обрадовали еще во Фрунзе: мы отремонтировали немало повозок, другого необходимого оборудования. Авторитет нашей мастерской возрос в Саратове. Однажды в разбитом немецком танке я нашел радиоприемник. Долго возились с ним — удалось отремонтировать. Теперь все свободные от службы собирались, чтобы послушать сводки Совинформбюро.

Мне, как и большинству военнослужащих, приходилось в армии выполнять любую работу. Помню, на берегу Волги валили лес, распиливали бревна. Потом у Ряжска за-

нимались встречей военнослужащих, выходящих из окружения. Только в начале декабря нас эшелоном доставили в город Подольск, а затем бросили через Тулу на станцию Горбачево. На этом отрезке пути фашистские стервятники несколько раз атаковывали поезд, но обошлось без потерь.

Началось наступление советских войск под Москвой. Мы, конечно, тогда еще не знали, что наступил переломный период в Великой Отечественной войне. Для всех нас был один приказ — стоять насмерть, один завет — гнать ненавистного врага.

На станцию Горбачево только успели выгрузиться и направиться в ближайшую деревню, как появились фашистские стервятники...

При поспешном отступлении враг бросал технику, армейское снаряжение, награбленное. Порой из наших тылов выходили разрозненные, недобитые фашистские группы, которые стремились с боями пробиться к своим, случалось, что шли параллельно нашей части.

В районе города Козельска наш саперный взвод, предугадав пути отхода немцев, заминировал дорогу. Наткнувшись на мины, они повернули в сторону и попали под обстрел нашего артиллерийского полка. Потери этой группировки противника исчислялись несколькими сотнями солдат и офицеров.

Дивизия продолжала наступать. Однако ее продвижение вперед сдерживали артиллерийский полк и службы тыла, которые не могли преодолеть снежные заносы в районе города Сухиничи. Без солидной огневой поддержки, живя впроголодь, нечего было надеяться на успех. Между городами Людиново, Киров и Жиздра фашисты создали глубоко эшелонированную линию обороны, чтобы выбить их, нужно было серьезно подготовиться.

В сорокаградусный мороз, под вой метели, за считанные дни очистили дорогу, обеспечив артиллерийскую поддержку и снабжение продовольствием личного состава дивизии. К концу февраля 1942 года была восстановлена железная дорога Горбачево—Барятино, по которой стали прибывать поезда с необходимой для ведения боя техникой.

Героическим трудом солдат и офицеров дивизии, в том числе и нашего батальона, была создана первоклассная линия обороны.

Наша мастерская разместилась в деревне Красный Холм, в трех километрах от станции Барятино.

Когда начали создавать линию обороны, я развозил мины линейным саперам, а они их ставили на нейтральной полосе. Взрыватели устанавливал сам, укрывшись плащ-палаткой в яме или воронке и согревая пальцы огнем сухого спирта. Ставили мины несколько суток, работали почти без сна.

Война есть война, выбирать не приходится. Работаешь в мастерской, вызывают, дают задание — построить блиндаж. Кончили строительство — посылают устанавливать под обстрелом противника сорокакилограммовые фугасы. Делали их в мастерской, прокалибровывали детонаторы и провода, грузили на повозку и отправлялись в определенный квадрат. В штабе обычно для установки фугасов выделяли усиленный взвод: дело это не простое. Чаще всего работали ночью.

В марте 1942 года мне пришлось устанавливать нестандартные 40-килограммовые фугасы на развилке дорог, проходивших через высоту, которую мы называли Заячьей горой.

За эту высоту в феврале 1942 года шли бои с фашистами и ценой больших потерь ею удалось овладеть. Она имела огромное значение и для нас, и для врага. На западном склоне высоты был сделан наблюдательный пункт (НП) нашей дивизии. Фашисты продолжали наседать и нависла угроза потерять высоту. Тогда-то и было мне приказано поставить фугасы. Скажу прямо: под постоянным минометным обстрелом, на виду у противника я чувствовал себя не очень-то уютно.

Фугасы были изготовлены быстро, прокалибровали детонаторы, прокопали траншеи, поставили шалашик со щитком управления. Большая часть работы была выполнена, но тут, как назло, рассеялся туман и пришлось нам ретироваться. Однако долго ждать некогда, и решил я сам расставить вешки на местах установки фугасов.

Вся поверхность высоты была усеяна воронками от осколочных мин, залитыми водой и покрытыми тонким льдом. Я думал, что быстро закончу свою работу, но как только поставил последнюю вешку, начался обстрел, и я нырнул в воронку. Чтобы дойти до восточного склона, а это метров 50, пришлось нырять еще не в одну воронку. Весь взвод наблюдал за моим «марафоном» от смерти. Добежал до ребят — весь мокрый, в грязи, лоб рассечен в кровь, вместо правого глаза — огромный синий волдырь. Ребята тут же собрали сухую одежду, нашли котелок чистой воды, чтобы промыть лоб и лицо, кто-то сунул само-

крутку, кто-то перевязал лоб. Все от души поздравили меня с тем, что на Заячьей горе я фашистам дал фору.

В мае 1942 года нашу изрядно обессилевшую дивизию отвели на пополнение под город Мещовск. Мастерскую и склад взрывчатки оставили пока в Чумазовском лесу. Когда наш батальон собирался выступать, над расположением появился вражеский авиаразведчик. Мы знали, что после «горбача» обязательно наведаются бомбардировщики.

Батальон ушел, а мы тут же перебрались из леса в лощину, в свободные блиндажи. Едва заняли их, как налетели «юнкерсы» и в пух и прах разбомбили бывший штаб батальона. После налета освежевали мясо убитых лошадей и отправили на кухню. Это обстоятельство выручило нас, так как обещанный транспорт для перевозки имущества мастерских прибыл не через три дня, как было обещано, а через десять.

Догнали батальон под Мещовском, но он опять снялся и маршем пошел на передовые позиции. Через несколько дней мастерская и склад взрывчатых веществ обосновались на окраине деревеньки Андреевка, откуда вместе с дивизионным инженером и командиром батальона я выехал в другую деревню со странным названием — Виннозаводчики.

Через нее протекала река. Речушка так себе, но танкистам и шоферам она порой доставляла большие неприятности: идущие вброд машины застревали. Поэтому командование приказало строить свайно-балочный четырехпролетный мост. Я предложил забивать сваи копром, так как сроки поджимали. На устройство копра потребовалось всего дней десять. В городе Киров, на взорванном фаянсовом заводе в свалке металлолома мы разыскали чугунную чушку весом в четыреста килограммов, трос и остальной материал.

День и ночь, без перерывов, работали мастерские. В сушилке зерна, где они разместились, стоял неумолчный грохот. Через пять дней копер был готов, и его перевезли в Виннозаводчики.

Дня через два вдруг приехал дивизионный инженер и заявил, что копер никуда не годится. Вместе мы поехали на строительство моста, выяснили причину неполадки. Оказалось, копер и сваи неправильно установили. Я остался на берегу, заверив, что забивка свай будет завершена за четыре дня.

Так оно и вышло. Когда дивизионный инженер прибыл

с проверкой, сваи были забиты, насажены, полным ходом шла установка балок, настилалась проезжая часть моста. Мне объявили благодарность и приказали вернуться в мастерскую.

Так проходила моя служба в саперном батальоне. Весной 1942 года мне присвоили офицерское звание, а в феврале 1943-го назначили начальником военно-технического снабжения 948-го артиллерийского полка нашей дивизии. Служба в саперном батальоне была нелегкой, но мне было жаль расставаться со своими боевыми товарищами, великими мастеровыми войны.

КАК БРАЛИ ЯЗЫКА

В. В. СВИНЬЕВ,

бывший командир батареи 948-го артиллерийского полка, лейтенант.

Шел 1942 год. Вот уже несколько месяцев наша изрядно поредевшая дивизия занимала оборону под городом Людиново. К тому времени 948-й артиллерийский полк стал для меня по-настоящему родной семьей, а я, выпускник Сумского военного училища, девятнадцатилетний лейтенант, уже считал себя обстрелянным, опытным корректировщиком огня.

Думать о себе таким образом помогала не только молодость, но и медаль «За отвагу», которая была вручена мне за участие в боевых действиях в роще под Прасоловкой.

Было начало лета. День стоял ясный и теплый. Я сидел в кружке солдат-пехотинцев и грелся на солнышке. Курили, говорили о том, о сем и не заметили, как подошел офицер в плащ-палатке и зеленой фуражке. Мы насторожились: что за незнакомый командир?

— Чем занимаемся, товарищи? — спросил он.

— Отдыхаем,— поднявшись, за всех ответил я.

— Если есть свободная минутка, почему не отдох-

нуть,— участливо сказал офицер и добавил: — я новый командир дивизии Наумов. Будем знакомы.

Солдаты вскочили, окружили его. Генерал-майор начал с того, что рассказал о положении на фронтах, а затем сказал:

— Мы должны воевать лучше, активнее. Оборону следует строить в несколько линий. Создав опорные пункты в Носовке, в Волковой Слободе, в других местах, надо протянуть к ним первый окоп, а от опорных пунктов отрыть ходы сообщения в непросматриваемую зону...

Все подразделения принялись за работу. Окопы вырыли за короткий срок, с большим старанием.

Вскоре меня вызвал комдив, поинтересовался:

— Что вам известно об обороне немцев?

— Я — корректировщик, все время нахожусь на переднем крае, поэтому вражеские оборонительные рубежи успел хорошо изучить, товарищ генерал-майор.— И не удержался, добавил:

— Немцы меня тоже знают, но не в качестве артиллериста, а комиссара.

— Ну-ка, рассказывай! — заинтересовался Наумов.

— Выехал я как-то по вызову на командный пункт дивизии верхом, думаю, быстрей будет. Ехал рысью, а уже сумерки опустились. Вдруг хлестнуло по глазам, и я вылетел из седла. Оказалось, что я нарвался на колючую проволоку.

Глаза, к счастью, остались невредимыми, зато брови разорвало в клочья. В санчасти меня обработали и так забинтовали, что оставалась одна-единственная дырка для левого глаза. Пилотка на голову не налезала. Я вернулся в боевые порядки пехоты и ежедневно находился на переднем крае.

Окопы были еще неглубокие, и бинты мои фрицы заметили. Подумали, видимо: ранен в голову, а в госпиталь не уходит,— значит, фанатик, значит, комиссар. И вот через динамик после порции геббельсовской брехни раздалось: «Солдаты, переходите на сторону германской армии. А этого вашего комиссара с забинтованной башкой мы все равно повесим!»

Комдив щедро улыбнулся, затем сказал:

— Немцы укрепились очень сильно, стали осмотрительными. Перед передними линиями траншей натянули колючую проволоку с гирляндами консервных банок. Все попытки взять «языка» пока что успеха не имели. Командующий фронтом очень недоволен.

— Нужен язык, поручаю это вам,— заключил Наумов. — Соображайте, где можно взять его малой кровью.

— Вероятнее всего — западнее Носовки,— без особых раздумий ответил я. — Там на «нейтралке» лесочек, есть скрытые подходы.

— Пожалуй, вы правы. Брать надо именно в этом районе, там у немцев поменьше огневых средств. Не забудьте выслать разведчика на «подслух», чтобы наверняка выбрать место для ночного поиска.

Артиллеристам комдив приказал перетащить три пушки с основной огневой позиции и установить напротив того участка, где будут брать «языка»: на случай, если понадобится прикрывать отход поисковой группы. Передний край разрешалось переходить в любом месте участка, который занимал батальон Панцевича. Чтобы меня не подстрелили свои, пехоту предупредили.

К вечеру я один отправился в нейтральную зону. Ординарца Васильева оставил в качестве наблюдателя в переднем окопе, который со стороны немцев не просматривался. Впоследствии К. П. Васильев погиб, заслонив грудью своего командира, и был занесен навечно в списки артиллерийского полка.

Приблизившись к лесочку, я увидел зеленую дощечку на колышке с надписью на немецком языке: «Мины». С ужасом в душе понял, что прогулялся по нашему минному полю. Как же так? Ведь на схеме обороны роты его не было. Нелепейшее положение!

Где начинается, где кончается минное поле я, понятное дело, не ведал. Обмирая душой, вновь переступил немецкую бирку и осторожно поставил левую ногу в след правой. С трудом нашел второй след и поставил правую ногу, а вскоре заметил противотанковую мину.

Следы мои потерялись в пожухлой траве, иногда я подолгу стоял на одной ноге, выбирая путь...

Все же вышел к своим окопам, не подорвался.

Тут же доложил комдиву. Как выяснилось, там стояли не только противотанковые, но и противопехотные мины. Подоспевшие саперы сделали в поле проход, через который мы две ночи ходили в «нейтралку» на «подслух».

Старший сержант Кремнев, дивизионный разведчик, подбирался к заграждению из колючей, в два кола, проволоки. Слева от места «подслуха», метрах в сто пятидесяти, торчал блиндаж с пулеметной площадкой возле двери. Пулемет выставлялся только на ночь.

За лесочком в нейтральной полосе тянулся кочкова-

тый луг, за ним — проволочное заграждение, а дальше раскинулось широкое поле. Точно в час ночи по окопу в сторону блиндажа прошел немец. Окоп ему по плечи, местами — глубже.

В следующую ночь, примерно в час, в ту же сторону и в том же месте снова протопал немец. Мы со старшим сержантом решили, что это офицер проверяет посты.

Надо брать!

Настала еще одна ночь. Шестая батарея снова наготове: огневики у орудий, наводчики у панорам. Пристрелку не проводили, но я не сомневался в точности установок. Большую группу захвата брать не стали — лишний шум.

В полночь опытный сапер сделал проход в проволочном заграждении. Работал настолько тонко, без шума, что мы, находясь рядом, не слышали ни одного щелчка ножниц. Он же отметил деревянными колышками наш маршрут по минному полю.

Попытки взять «языка» в лесистой местности сорвались: немцы оказались осмотрительные. В открытом поле этим еще никто не занимался, мы — первые. Старший сержант, большой мастер по разведке, спросил меня:

— Когда мы ночью ходим по окопу, куда больше смотрим? В сторону немцев или в свой тыл?

— Пожалуй, больше — в сторону врага.

— И я кумекаю, что туда. Значит, не надо прятаться перед бруствером вражеского окопа, сразу увидят. Я сделаю так: перепрыгну окоп и залягу на его тыловой кромке. Хотя там нет бруствера, вероятность того, что немец заметит меня прежде, чем я трахну его по башке рукояткой пистолета, намного снижается. Так?

— Логично,— поддержал я старшего сержанта.

Так он и сделал. Его подстраховывал на видимой связи другой разведчик. Я залег у проволочного заграждения, а наш связист — ближе к лесочку. Рассредоточились для того, чтобы не убило одним снарядом или не скосило одной шальной очередью из пулемета.

В кустах на опушке дежурил рядовой Супрун с телефонным аппаратом. Два других дивизионных разведчика притаились у лесочка. Команда — «Батареей, восемь снарядов, беглый!» — уже была дана артиллеристам. Оставалось только произнести одно слово: «Огонь!»

Ждали часа ночи. Фрицы на флангах изредка бросали осветительные ракеты. Иногда над нашими головами пролетали трассирующие пули. Безжалостно жгли комары.

Как и в предыдущую ночь, словно по расписанию, в

траншее показалась темная фигура. Старшего сержанта, он, конечно, не заметил и получил рукояткой по голове. Тут же подскочил другой разведчик с плащ-палаткой. В рот немцу засунули кляп, выволокли из окопа и потащили к проходу в заграждении.

Я их встретил. Но тут произошло непредвиденное. Фриц очнулся и лягнул крепко кого-то из наших. Крутился он в плащ-палатке как тот поросенок, но тут подоспел Кремнев. И мы благополучно перенесли «языка» через минное поле.

Фашисты заволновались. Одна за другой взлетели ракеты. Значит, догадались. В лесочке мы встретили своих разведчиков. Это было кстати: от усталости все взмокли.

По телефону была дана команда «Огонь». Отключив аппарат, стали сматывать кабель. «Язык» уже был в нашем окопе.

КАК ВЗРЫВАЛИ МОСТ

Ф. Ф. ЧЕПУРНЫХ,

бывший комиссар отдельного 665-го саперного батальона, майор.

Это был обыкновенный железнодорожный мост. Он чудом уцелел, был занят фашистами и доставлял нам массу хлопот. Дело в том, что по нему в непосредственной близости к линии фронта проходил бронепоезд и обстреливал нашу зону, в том числе станцию Барятино. Этим нарушалась нормальная работа тыловых подразделений нашей дивизии, доставалось и мирному населению.

Майор П. Ковалев, инженер дивизии, пришел в штаб 665-го отдельного саперного батальона взволнованным.

— Комиссар,— сразу же обратился он ко мне,— командир дивизии приказал взорвать мост.

— Тот самый, что в тылу врага?

— Тот самый. Взорвать приказано срочно. Какие есть соображения?

— Приказ есть приказ. Будем подбирать подрывников.

Ковалев, я и командир батальона капитан Поздняков отправились в роту Н. Т. Хихлова. Внимательно перелистали списки личного состава: каждый боец что орел: ни смелости, ни находчивости не занимать. Но одно дело здесь, в расположении своих войск, совершенно другое — идти за линию фронта, к врагу.

Побеседовали с командирами взводов, которые знали бойцов лучше, наконец, подобрали шесть человек. Затем собрали всех вместе. Саперы понимали, на что идут, но ни один из них не высказал сомнения в том, что с заданием не справится.

Я спросил:

— Может быть, кто-нибудь из вас сомневается в своих силах?

— Нет! — был общий категорический ответ.

— Задание трудное, придется рисковать. Кто знает, как пойдет дело, может, головы придется сложить. Откажетесь — не осудим, не упрекнем. Кто не уверен, пусть сделает шаг вперед.

Строй не шелохнулся.

— Итак, необходимо по вражеским тылам, скрытно, пробраться к мосту и взорвать его. Объект этот немцы числят в очень важных, поэтому и охраняется он со всеми вытекающими отсюда последствиями.

— Товарищ комиссар, задание будет выполнено! — опять был единодушный ответ.

Солдат мы отправили отдохнуть, а сами, то есть майор Ковалев, капитан Поздняков, командир роты Хихлов и я — во всех подробностях обсудили план предстоящей операции, «перетрясли» возможные варианты, «высчитали» неприятности, которые могли встретиться на пути подрывников.

В заключение нашего разговора я еще раз подчеркнул:

— Задание сложное, ответственное. Нам впервые приходится выполнять такое серьезное поручение командира дивизии. На саперов я надеюсь — не подведут, но... Мало ли что может случиться. Думаю, мне надо возглавить группу...

Не успел я закончить свою мысль, как Ковалев встал на дыбы:

— Ты что, комиссар, в своем уме? Мало ли что может произойти. Тебя могут ранить, взять в плен. Нечего сказать — хороший подарочек достанется фрицам!..

Мне удалось отразить все доводы Ковалева и он, наконец, согласился, но тут же поставил непременное условие:

— Я пойду вместе с тобой. Вместо шести саперов возьмем четырех.

Тогда и Хихлов заявил:

— И я пойду с вами!

Пошли на задание: три офицера и четыре солдата.

Командир саперного батальона капитан Поздняков остался на связи и доложил командиру дивизии, что мы сопровождаем подрывников только до переднего края нашей обороны.

Соорудив пару саней, мы водрузили на них необходимое количество тола, взяли бикфордов шнур из расчета, чтобы взрыв произошел в то время, когда наша группа, возвращаясь, перейдет рубеж немецкой линии обороны...

Когда встали на лыжи, оказалось, учли мы не все: солдаты-саперы, Ковалев и Хихлов никогда раньше не стояли на них, ведь они «азиаты», из тех мест, где этот вид спорта не в особом почете. Что касается меня, то я, можно сказать, вырос на лыжах.

Как зажечь бикфордов шнур? Ни спички, ни зажигалка не годились, потому что на мосту — охрана, огонек заметит часовой.

Вопрос этот был решен перед самым выходом на операцию.

Я знал: в Сибири мужики с давних пор для разведения огня использовали мякоть березового гриба-трутовика, сваренную в щелочной воде, а затем хорошо отмятую. Она быстро прихватывается искрой от кресала и может тлеть до бесконечности. Попал этот гриб ко мне совершенно случайно. Я заметил трутовик на березе, сшиб его и положил на повозку еще у Барятино: видимо, в этот момент исподволь подумал, что он может пригодиться в деле.

Когда штаб остановился в деревне Красный Холм, старшина спросил:

— Товарищ комиссар, куда это «копыто» прикажете определить: спрятать или выкинуть?

— Давай, давай сюда! Запас карман не трет и хлеба он не просит...

Старшина улыбнулся, пожал плечами. Я отделил мякоть гриба и попросил хозяйку сварить ее в воде с пеплом. Так у нас оказался «трут», который теперь должен был сослужить хорошую службу.

К немцам в тыл прошли без приключений, спокойно. Направились вдоль насыпи железной дороги мимо молоденького соснового леса. Я шел ходко, но когда оглянулся на своих товарищей, несколько умерил свой спортивный пыл.

И все же в назначенное время были на месте.

Четыре подрывника с толом поползли к цели. Мы остались чуть позади в кустах на случай прикрытия. Саперы были в белых халатах, и снег хорошо скрывал их от глаз противника даже на близком расстоянии. Но зато нам был хорошо виден часовой-немец, который вышагивал по мосту. На его ногах были невообразимо огромные чоботы, по всей вероятности, из соломы...

На всякий случай взяли его на прицел, а подрывники быстро подползли к железобетонным опорам моста. Ребятам повезло, часовой их не обнаружил.

Ушли так же незамеченными, а вскоре грохнул взрыв. Очень хотелось вернуться и посмотреть, но...

А в это время командир дивизии стал разыскивать инженера Ковалева, который находился вместе с нами...

Движемся к месту условного перехода. Я шагаю впереди, за мной — Ковалев, Хихлов, саперы. Тороплю их, но вскоре убеждаюсь, что мои понукания бесполезны. Подходим к нужному участку. Здесь кустарник обрывается, местность полого идет под уклон. Я оторвался от группы метров на тридцать—сорок. Лыжи весело несут меня с горки. Вдруг из кустов появляется группа лыжников. Хватаюсь за автомат: успеть предупредить выстрелами своих... Сердце бешено отсчитывает секунды. Но тут слышится родное:

— Пароль?

— Шарик.

Все облегченно вздохнули: обошлось благополучно, боевое задание выполнено. Теперь немецкий бронепоезд не будет нам мешать.

Когда прибыли в свое расположение, мне и Ковалеву командир дивизии выговорил:

— Следовало бы вас крепко наказать, да победителей не судят. Солдат представьте к наградам, а вам какое наказание определить?

Старший батальонный комиссар Нестерук, который присутствовал при этой беседе, попросил:

— Не стоит их наказывать, хорошие ребята. На будущее учтут.

— Так точно, учтем!..

В БОЙ — КОММУНИСТОМ

И. А. МЕДВЕДЬ,

бывший парторг 2-го батальона 1266-го стрелкового полка, лейтенант.

Многие солдаты и офицеры перед боем подавали заявления в партию. «Хотим идти в бой коммунистами»,— писали они, понимая, что партийный билет не дает никакого преимущества перед другими, никаких привилегий, кроме одной — быть впереди атакующих, вести за собой, пренебрегая опасностью, быть на самых трудных участках.

Перелистывая пожелтевшую подшивку дивизионной газеты, я наткнулся на корреспонденцию, которая сообщала о том, что младшему сержанту Узакбаю Наринбаеву был вручен партийный билет.

Взволнованный воин заверил парторга:

— Я еще никогда в своей жизни не испытывал большей радости. Я горжусь, что стал членом партии, ибо это — высшая честь для меня. Ни своей крови, ни жизни не пожалею, чтобы оправдать высокое звание коммуниста.

Так сказал младший сержант Наринбаев, получая партийный билет.

А вскоре выпал случай подтвердить эти слова в бою.

В жаркой схватке батальон выбил фашистов из центра населенного пункта и вышел на его окраину. В боевых порядках пехоты находилась пушка, в составе боевого расчета которой был и Узакбай Наринбаев.

Случилось так, что основная масса пехотинцев, преследуя противника, устремилась на левый фланг. Возле пушки остались расчет и всего несколько бойцов. А в это время большая группа гитлеровцев предприняла контратаку, избрав своей целью горсточку красноармейцев и пушку.

Обстановка была исключительно тяжелой. Один за другим вышел из строя весь расчет. У орудия остался один Наринбаев. Он не растерялся. Собрав все силы,

редко приходилось сдерживать их бьющую через край энергию. Их ненависть к гитлеровцам была поистине беспредельна: они рассказывали о звериных повадках, о так называемом «новом» порядке, который пытались внедрить оккупанты, и этим здорово помогли мне, как командиру, в работе по воспитанию личного состава в духе величайшей ненависти к фашизму. Что может быть лучше живого слова очевидца? Они вселяли в сердца моих подчиненных такую злость, что скажи им одно слово — и бойцы ринутся в бой, в рукопашную схватку.

Алеша Евменов оказался одаренным разведчиком. У него был красивый почерк, он умел рисовать и отлично вел документацию на наблюдательном пункте. Командир отделения разведки Степан Щербаков в нем души не чаял.

Однажды Щербаков с озабоченным видом подошел ко мне и сказал:

— Товарищ капитан, только послушайте, что докладывает разведчик Евменов с «дуба».

Я навострил уши и услышал буквально следующее:

— Вон мой дом. Мама ходит возле него, а братишка сидит на ступеньках крыльца...

Тут я все понял. Я собирался как раз пристреливать репер в районе Ульяновского, и Алеша, услышав об этом, понятное дело, обеспокоился судьбой своих родных.

Район пристрелки я, конечно, изменил.

Вскоре на наблюдательный пункт наведался сын дивизии по имени Панька, земляк Алеши и Ивана, юркий парнишка лет двенадцати с белыми, как лен, прокаленными на солнце волосами. Он стал под большим секретом всем рассказывать о том, как по заданию майора из штаба дивизии ходил через линию фронта в свою деревню.

Панька был в гимнастерке, брюках-галифе и в сапогах. Все было специально подогнано по его росту. В новой своей форме он важно расхаживал в расположении дивизии, а когда направлялся в разведку, то надевал свое старое пальто и «работал» под пастушка.

К сожалению, я не знаю ни фамилии Паньки, ни названия деревни, где жила его семья, но хорошо помню, что когда дивизия находилась под Кировом, то было у нас два «общих сына» пионерского возраста. Панька бывал в немецких тылах, выведывал расположение частей и огневых точек, умел артистически притворяться и даже втерся в доверие к одному полицаю, парню-односельчанину.

Один интересный случай из военной жизни Паньки напомнил мне через тридцать шесть лет бывший командир отделения разведки Степан Иванович Щербаков.

Однажды, вскоре после прорыва обороны немцев в районе Кирова, на чужой стороне начался бой. Мы находились на передовом наблюдательном пункте, в расположении наступающей роты и вначале подумали, что из вражеского тыла прорывается к нам партизанский отряд. Когда выяснили, оказалось, что две немецкие части дерутся между собой.

Причиной этой изрядно повеселившей нас схватки был Панька. Он по пути в свою деревню углядел вражескую часть, которая строилась в походную колонну головой на запад. Обогнал ее и наврал знакомому полицаю, что своими глазами видел роту русских, которые направлялись в... Панька даже указал место на карте.

Панька убедил полицая, полицай доложил коменданту, и вот «русским» организуют соответствующую встречу с артиллерией, минометами и пулеметами. С час длился этот бой, пока нападающие стороны разобрались в обстановке.

Легенда?

Сейчас трудно судить. Как бы то ни было, она приумножает славу советских воинов, защитников Отечества.

Комсомолец Алеша Евменов был очень наблюдательным человеком. Он подчас замечал то, на что не обращали внимание опытные солдаты, и это не раз выручало нас в сложной обстановке. Помню, на подступах к Кричеву Алеша был назначен в головной дозор. Он скрытно двигался впереди походной колонны и внимательно осматривал окружающую местность.

Мы тоже глядели, как говорят, во все глаза, но не заметили установленную на железнодорожной насыпи под укрытием взорванного вагона немецкую пушку. Алеша взмахнул рукой, и батальон затаился на опушке леса. Дождались подхода артиллеристов, которые выкатили гаубицу на прямую наводку и первым же выстрелом уничтожили большую часть прислуги. Оставшаяся в живых немчура драпанула по шпалам в сторону реки Сож.

Подобных случаев было немало...

В декабре 1943 года в районе деревни Устье Алеша и Ваня вместе с пехотой ворвались в траншею немцев, которая оказалась неглубокой и почти не защищала от ураганного пулеметного огня. Фрицы бросились в контратаку при поддержке танков. Связь часто нарушалась, и Ваня

несколько раз бегал по проводу, соединял его концы и восстанавливал связь.

В четвертый раз Ваня с линии не вернулся. Он был убит осколком снаряда. Алешу ранило. Осколок попал в воротник шинели, вырвал клочок сукна и пробил горло. Сукно запыжило рану и это спасло мальчика. В медсанбате хирург вытащил осколок и подарил храбрецу.

Отлежав положенное в госпитале, Алеша вернулся на фронт и воевал до последнего дня, но, к сожалению, в другой части. Меня он нашел через тридцать восемь лет. Помогли ему в этом красные следопыты, из средней школы № 1 города Людиново.

Алексей Иванович Евменов — знатный литейщик, более двадцати лет работал в горячем цеху. Был примером в труде, много занимался общественной работой. Все это время часто бывал в школах города и района, рассказывал о боевом пути нашей дивизии, как бы вручая нынешним комсомольцам и пионерам эстафету комсомольцев-подпольщиков.

Алексей Иванович вырастил двух сыновей и дочь — отличных тружеников. Сейчас он на пенсии. Поддерживает с однополчанами тесную связь, ведет переписку. Иногда на досуге сочиняет стихи о пережитом.

Наш замечательный поэт Владимир Маяковский как-то заметил, что поэты разные нужны. Пусть искушенный читатель не очень строго судит о стихах Алексея Ивановича, каждая строчка в них — от души:

Вспоминаю военные годы,
жарких боев обгоревшую даль.
Помню, как на опушке у ели
мне вручали медаль.
Было жарко, рвались снаряды,
пули со свистом летели.
И вставали России солдаты
в боевом урагане метели...

ВЕРНЫЕ СОЛДАТСКОМУ ДОЛГУ

И. С. КИРЮШКИН,

бывший политработник, военный журналист, старший лейтенант.

В те памятные дни 1943 года на участке роты старшего лейтенанта Деряева, которая прославилась смелостью и отвагой среди стрелковых подразделений, было замечено, что противник что-то замышляет: в его расположении началось передвижение войск, появились новые огневые точки. Что замышляет враг? Какова система его обороны? Куда он ударит в первую очередь? Ответ на все эти и другие вопросы могла дать только хорошо организованная разведка.

Было решено провести разведку боем в дневное время, когда противник, уповая на внимательность своих наблюдателей, меньше всего ожидает нападения. Командование, партийная и комсомольская организации роты занялись всесторонней подготовкой личного состава к этой важной операции.

Политработники — майор Антипов, капитан Филонский, старший лейтенант Макунин, младший лейтенант Пастушенко и парторг Ефимов побеседовали с воинами. Днем и ночью они находились среди личного состава роты, помогая командирам организованно подготовиться к бою.

После мощной артиллерийской подготовки рота через проходы в проволочных заграждениях, которые заранее сделали саперы сержант Сединкин и рядовой Созин, тремя ударными группами ворвались в траншеи противника. Операция была настолько скоротечной, неожиданной, что потерь с нашей стороны почти не было. В свое расположение разведчики вернулись с тремя пленными и ценными оперативными документами.

Рота действовала решительно, мужественно, проявила высокую организованность и исключительное воинское мастерство. В бою группа воинов во главе со старшим лейтенантом Файзрахмановым уничтожила до двадцати и взяла в плен двух фашистов.

За этот бой Файзрахманов и Толубаев были награждены орденами Боевого Красного Знамени, Деряев — орденом Отечественной войны I степени, капитан Найденов и рядовой Емельянов — орденами Отечественной войны II степени. Всего орденами и медалями были отмечены тридцать пять человек.

Наша дивизионная газета оперативно откликалась на события. В каждом номере продолжалась летопись боевой славы. Например, в одном номере было подробно рассказано о подвиге воинов роты старшего лейтенанта Ф. Деряева, опубликованы выступления участников этой успешной боевой операции.

Вскоре после подвига роты Деряева большого успеха в разведывательном бою добилась рота капитана Никешина. Она ночью скрытно сосредоточилась на заданном рубеже. Когда завершилась сильная артиллерийская подготовка, солдаты и офицеры бросились в атаку. В ходе боя они взорвали несколько блиндажей и склад боеприпасов, уничтожили немало гитлеровцев, захватили ценные документы, оружие. Обо всем этом через газету узнал весь боевой состав дивизии.

Жестокий бой разгорелся в полосе обороны на участке, занятой ротой капитана Ивана Екимова, которая стремительной атакой овладела тремя линиями траншей врага. Взвод лейтенанта Давыдова первым ворвался в траншеи и решительными действиями уничтожил прислугу нескольких пулеметов.

Три часа длился бой, но все попытки врага вернуть позицию ни к чему не привели.

Лейтенант Михаил Иванович Давыдов получил несколько ранений, но продолжал командовать взводом.

На одном из участков боя наступление одной из групп солдат возглавил парторг роты Иосиф Ефимович Забрянский. Ворвавшись в траншеи, эта группа блокировала и уничтожила два блиндажа, где скрывались гитлеровцы.

— За Родину, вперед! — с таким призывом парторг вел бойцов в глубь обороны врага. Бойцы стремительно продвигались по траншеям противника. Когда же враг предпринял контратаку, снова раздался голос парторга:

— Ни шагу назад! Бей фашистских гадов!

Ураганным огнем из всех видов оружия воины бесстрашно уничтожали гитлеровцев. Забрянский был ранен, но поля боя не оставил. Израсходовав весь запас патронов, он развернул в сторону немцев их же пулемет и продолжал стрелять, пока пуля не оборвала его жизнь.

Парторг роты Иосиф Ефимович Забрянский погиб как герой, он посмертно награжден орденом Отечественной войны.

В годы войны пулемет «максим» в умелых руках был настоящей грозой для фашистов. Да и сами пулеметчики представлялись людьми исключительной храбрости. В этом мне пришлось убедиться, когда после госпиталя получил назначение на должность политрука в одну из пулеметных рот 1268-го стрелкового полка. Мастерски разили врага командиры пулеметных расчетов киргизстанцы Сергеев и Брюховецкий из роты Мочалова.

Сам командир роты никогда не упускал случая поговорить с солдатами на патриотические темы.

— К примеру,— начинал он беседу,— я сам родом из Казахстана. Но как ни далек мой родимый город Зайсан от линии фронта, судьба родного края решается именно здесь, на передовой, в борьбе против фашистских захватчиков. В битве с врагом защищает свой дом и русский, и украинец, и киргиз. Родина-мать зовет нас на подвиги...

Капитан Мочалов служил для многих примером добросовестного отношения к воинскому долгу. Ордена Отечественной войны и Красной Звезды, медали, которые украшали его грудь, говорили сами за себя. Под стать смелому командиру были и пулеметчики.

Командир расчета станкового пулемета Гончаров участвовал в разгроме немецко-фашистских войск под Москвой. Смелость и находчивость, умение принимать единственно правильное решение в создавшейся обстановке были характерными чертами Алексея Савельевича.

Как-то целая рота вражеских солдат насела на горстку наших бойцов, которая только что овладела важной высотой. Однако упрямые контратаки ни к чему не приводили. Все попытки вновь занять высоту заканчивались безрезультатно, натыкаясь на непроходимый пулеметный огонь.

В воздухе появились фашистские стервятники. Один из «юнкерсов» спикировал на пулеметную позицию Гончарова. Пулеметчик быстро перенес «максим» в одну из воронок, открыл ураганный огонь по самолету. Под одобрительные возгласы бойцов стервятник врезался в землю. За героизм, проявленный в этом бою, командир пулеметного расчета Гончаров стал первым кавалером ордена Ленина в дивизии.

Бывалый воин Иван Андреевич Киреев, участник пер-

вой мировой и гражданской войн, рассказал мне об Андрее Плюхине, командире пулеметного расчета:

— В одном из боев мы выбили противника с выгодных для него рубежей. Но не успели еще как следует окопаться, как враг предпринял контратаку. Как назло, два из трех наших пулеметов вышли из строя. А фашисты лезут и лезут. Плюхин сказал: «Чем ближе враг, тем сподручнее его бить». И подпустил фашистов на близкое расстояние. А потом стал чуть ли не в упор расстреливать их. Контратака захлебнулась.

— Воевать на коротких дистанциях может только тот, кто твердо надеется на свое оружие, кто изучил его до последнего винтика и умеет без промаха стрелять. Именно таким воином был Андрей Плюхин,— заключил свой рассказ о боевом друге старый солдат.

Бесстрашный командир пулеметного расчета Плюхин погиб в одном из неравных боев. Раненый, он продолжал уничтожать гитлеровцев и умер, не выпуская из рук своего грозного оружия. Его пулемет был вручен Кирееву, бывшему его второму номеру.

Он метко разил врага на смоленской и белорусской земле. Расчет Киреева освобождал Польшу от коричневой нечисти, бил фашистского зверя в его собственном логове...

Хочется отметить, что подразделения и части дивизии все годы войны поддерживали тесную связь с тылом. В города и села страны шли письма, в которых сообщалось о подвигах солдат, сержантов и офицеров, а навстречу им летели весточки о трудовом накале народа во имя окончательной победы над фашистами. Особенно большим был поток писем в Киргизию и из Киргизии на фронт. Шли поздравительные письма в адрес тех семей фронтовиков, которые особо отличились в бою. Поддерживались связи с заводами и фабриками, колхозами и совхозами, где до войны трудились воины дивизии. Заслужить такую похвалу командования было высокой честью для каждого бойца.

Командир пулеметного расчета Гавриил Сергеев неоднократно отличался в боях. Он в числе первых получил нагрудный значок «Отличный пулеметчик». Две медали «За отвагу» свидетельствовали о его доблести в битвах за Москву и на Смоленщине. Семье старшины было направлено письмо, в котором рассказывалось о его подвигах.

Вскоре на фронт пришло письмо от жены Сергеева Анисьи Федоровны и его детей — Анатолия и Галины, которые жили в колхозе имени Крупской Ворошиловского

района Киргизии. Они в простых, задушевных словах благодарили командование за радостную весточку. «Работники тыла,— сообщали они,— трудятся так, чтобы обеспечить вас, фронтовиков, всем необходимым. В колхозе теперь принято работать и за себя, и за ушедшего на фронт отца или мужа, сына или брата.

Дорогие воины, беспощадно уничтожайте фашистских гадов! Быстрее освобождайте родную землю от гитлеровских захватчиков. Будьте смелыми и храбрыми в бою. Ждем вас с победой!»

Письмо семьи отважного пулеметчика зачитали в роте и опубликовали в дивизионной газете.

Верный своему солдатскому долгу, старшина Сергеев снова отличился в дни крупных наступательных боев, которые развернулись летом 1943 года.

Находясь в боевых порядках пехоты, его расчет метким огнем своего «максима» подавил несколько пулеметных точек противника, истребил немало фашистов. Скрытно подобравшись к разбитому немецкому танку, пулеметчики выдвинулись далеко вперед, открыли шквальный огонь и своевременно поддержали атаку наших стрелков.

Наступил вечер. Пулеметный расчет старшины Сергеева и группа автоматчиков под началом сержанта Курбангалиева, окопавшись, приготовились к встрече врага. Старшина роты Ткаченко обеспечил их лентами с патронами, ручными и противотанковыми гранатами, бутылками с горючей смесью.

На рассвете крупные силы гитлеровцев в сопровождении танков вплотную приблизились к нашим передовым позициям. Целая лавина солдат пыталась рывком проломить оборону, но наткнулась на хорошо организованное сопротивление. Первый фашистский танк гранатой подбил сержант Курбангалиев, а рядовой Степанов метнул в него несколько бутылок с горючей смесью, и бронированная машина вспыхнула. Второй танк поразили артиллеристы. Третий устремился прямо на пулеметную точку. Старшина Сергеев, второй номер его расчета Брюховецкий и рядовой Чернышев метнули гранаты прямо под гусеницы. Танк завертелся на месте, а вскоре был подожжен.

Атака наших воинов возобновилась с новой силой. Сопровождая пехоту, отважные пулеметчики в уличных боях уничтожили не один десяток фашистских солдат и офицеров. Сопротивление врага было сломлено, его важный оборонительный узел ликвидирован, а село освобождено от врага.

Когда на Кричевском направлении шли жестокие бои, двенадцать немецких бомбардировщиков сделали попытку ударить по передовому эшелону наступающих воинов, но были встречены плотным огнем зенитной артиллерии. Несколько самолетов загорелось, и летчики стали прыгать на парашютах. Рядом с пулеметом Сергеева приземлился фашист. Командир роты приказал взять его живым. Старшина подполз к немцу по густому бурьяну и решительно скомандовал:

— Хенде хох!

Но немец ответил выстрелом и ранил Сергеева в плечо, однако это не снизило наступательной активности бойца. Он бросился на гитлеровца, ударом рукоятки пистолета оглушил его, сбил с ног, обезоружил и волоком притащил к своей пулеметной точке, а затем по приказу командира роты доставил пленного в штаб полка.

К боевым наградам прибавилась еще одна — орден Красной Звезды.

Яркие страницы в боевую летопись дивизии вписали воины отдельного саперного батальона. Как известно, ни одна военная операция невозможна без участия этого рода войск, и поэтому нам, газетчикам, часто приходилось бывать у саперов. Как-то раз капитана Н. Хихлова, командира саперной роты, я застал в момент подготовки к ночному поиску, в котором саперы должны были обеспечивать действия разведчиков.

Добровольцев было много, но опытный командир не торопился, он думал, кто из них наиболее успешно справится с ответственным заданием.

Его выбор пал на старшину Большова, опытного воина, который служил в армии с 1939 года, а на фронте был с самого первого дня Великой Отечественной войны.

Множество мин прошло через руки Михаила Большова, десятки проходов в проволочных заграждениях обороны противника сделано им.

На выполнение задания старшина пошел с рядовым Сергеем Барановым, таким же бесстрашным опытным сапером.

Они подползли к колючей проволоке, но резать ее было нельзя, потому что неподалеку большая группа немецких солдат что-то копала. Тогда саперы передвинулись метров на сто в сторону и стали проворно действовать ножницами. Внезапно застрочил пулемет противника. Пули прижали к земле, но смельчаки продолжали работать. Проход был сделан перед самым вражеским постом. Разведчики Сафралиев, Карнаух и Сидоров незаметно пробрались во вражескую траншею и захватили «языка».

Вечером следующего дня командир дивизии сердечно поздравил отважных воинов с успешным выполнением боевого задания и вручил им ордена Славы III степени. Они стали первыми кавалерами этого ордена в нашей дивизии.

В другой раз старшина Большов с группой саперов сделал для наступающих подразделений шесть проходов в проволочных заграждениях под сильнейшим огнем противника. Вместе со стрелками саперы ворвались в немецкие траншеи и умело действовали автоматами. Они были впереди тех, кто преследовал противника. За умелые действия в этом бою Михаил Большов был награжден орденом Славы III степени.

Много было в то время таких воинов, которые храбро сражались с врагом. В саперной роте капитана Хихлова многие солдаты, сержанты и офицеры имели по две—три правительственные награды. В числе их коммунисты Ломов, Левандовский, Андреев, Третьяков, комсомольцы Богдашев, Федоров, Орешкин, Макаров, Чещарин, Попков, Власов.

В одном из номеров дивизионной газеты взводу саперов, которым командовал лейтенант Слюняев, была посвящена целая страница. На ней были помещены портреты командира взвода, сержантов Полянского, Бойко, рядового Ломова. В одной из корреспонденций активного военкора В. Майоровского рассказывалось о подвиге сапера Сорокина. Взводу, где он был командиром отделения, предстояло сделать проходы в минном поле. Несмотря на сильный огонь, саперы быстро обезвреживали мины. Когда выбыл из строя командир взвода, руководство операцией взял на себя Сорокин. Боевая задача была успешно выполнена. Отлично действовали солдаты Якунин, Водолиев, Югов, Ямдыханов. Сорокин был награжден орденом Красной Звезды, назначен командиром взвода с присвоением офицерского звания лейтенант.

Героически действовали воины-саперы Филиппов, Гаранин, Семенов, Арсенюк, Камнев, Баянов. Офицеры батальона Хихлов, Волков, Сухов, Сучков были не только отличными командирами, умелыми организаторами и воспитателями солдатских масс, но и всегда являлись примером отваги для своих подчиненных.

С некоторыми из них я встречался в послевоенные годы, а с Мефодием Алексеевичем Суховым довелось рабо-

тать на строительстве научно-исследовательского института атомных реакторов в городе Димитровграде Ульяновской области. Инженер-подполковник, он умело руководил мирной стройкой.

ИНТЕНДАНТЫ НЕ ОТСТАВАЛИ

В. Л. ДОМАШЕВ,

бывший майор интендантской службы.

Вспоминаются строчки из «Василия Теркина» А. Твардовского: «На войне в быту суровом, в трудной жизни боевой, на снегу, под хвойным кровом, на стоянке полевой,— лучше нет простой, здоровой, доброй пищи фронтовой». Прав поэт: очень это важно было — накормить солдата на фронте, особенно перед боем. Вовремя подвезти боеприпасы и горючее, военную технику и продовольствие, накормить и вымыть бойцов, оказать своевременную помощь заболевшему, раненому, одеть и обуть личный состав, содержать в боевой готовности гужевой и автомобильный транспорт — все это ложилось на тыловые части и подразделения. От их четкой работы тоже зависел успех боевых операций.

Делалось все это в боевой обстановке, чаще без дорог, при нехватке транспорта и ограниченном запасе. Особенно доставалось нам, тыловикам, в первые два года войны. Однако ни недостаток транспортных средств, ни отрыв от баз, ни строжайшая экономия буквально во всем не мешали нам справляться со своими обязанностями.

Мне, молодому офицеру, выпала честь возглавлять интендантское отделение нашей дивизии, непосредственно участвовать в обеспечении ее оружием, боевыми средствами, другими материальными ресурсами, а также во всех боевых действиях почти от Москвы и до Берлина. До службы в дивизии, в 1941 году я был участником боев под Ельней и Москвой.

Почти всю войну заместителем командира дивизии по тылу был подполковник В. М. Абрамов. Опытный, до мелочей знающий свое дело офицер, он не только мог принять верное решение, но и мобилизовать личный состав на выполнение основной задачи в самой сложной боевой обстановке. Мы, офицеры тыла, многому научились у Василия Михайловича, который постоянно подчеркивал: «Не разменивайтесь по мелочам, держитесь главного».

Замечательным примером для нас, молодых офицеров, являлся командир дивизии генерал Супрунов. Митрофан Федорович никогда не упускал случая бывать в полках и подразделениях, которые находились на передовой линии. Мы во всем старались подражать ему: навещая части, не подменяли их работников, а старались оказать необходимую практическую помощь, интересовались не только интендантскими проблемами, но и широким кругом других вопросов.

Вспоминается, как однажды командир дивизии проверял оборону переднего края и увидел, что у многих солдат сильно поизносилась обувь: укрепляя огневые позиции, они день и ночь копали траншеи. Митрофан Федорович сразу догадался, в чем дело. Не стал никого разносить, а, вернувшись на свой командный пункт, вызвал по телефону меня и спросил, какие есть запасы и чем можно помочь солдатам. Я сказал и о запасах, и о своих соображениях в отношении помощи. Он приказал сколько-то пар выдать и тут же соединился с командиром полка: «Завтра пошлите к Домашеву транспорт и получите...»

Все было сделано, как он велел, приказ был выполнимым. Это не мелочь, как может показаться на первый взгляд. Приказ может быть авторитетным, если в основании его лежит объективный учет сложившейся обстановки.

Нечего греха таить, не все давалось легко, особенно в наступлении, когда пути подвоза постоянно увеличивались, но принимались срочные меры и дела поправлялись.

Большую партийно-политическую работу среди личного состава тыловых подразделений проводил политотдел дивизии, которым руководил полковник Игнатов, а затем полковник Михайлов. Его работники поднимали боевой настрой наших солдат и офицеров. Только с хорошей стороны вспоминаются мои боевые товарищи: начальник продслужбы дивизии майор Иоффе (за год перед концом войны его сменил майор Зархин), начальник военно-технического снабжения капитан Силантьев.

В дивизии проводилась значительная работа по сохранению здоровья личного состава. Достаточно сказать, что за всю войну у нас не наблюдалось вспышек серьезных заболеваний. Долгое время дивизионным врачом был подполковник Керов, специалист высокого класса и замечательный человек. Медико-санитарным батальоном командовал майор Мансуров. Он так организовал дело, что батальон всегда занимал ведущее место среди подразделений подобного рода 10-й и 49-й армий. Наряду с огромной работой по лечению и эвакуации раненых, в медсанбате содержалась команда из числа тех, кто получил легкие ранения. Она насчитывала от 120 до 150 человек.

Большой силой в годы войны, был так называемый конский состав, а попросту обыкновенные лошадки, которые прибыли на фронт из Киргизии вместе с дивизией. Они впрягались в пушки, возили боеприпасы, доставляли на передовую кухни, продовольствие, увозили в тыл раненых.

В частях заботливо ухаживали за животными. Регулярно проводились смотры, в ходе которых скрупулезно проверялись здоровье лошадей, качество присмотра, состояние конского снаряжения, повозок и саней. К чести ветеринарной службы дивизии, которую возглавлял майор Г. Черкесс, великий мастер своего дела, по содержанию конского поголовья мы занимали одно из первых мест в армии.

Автомобильной ротой командовал капитан В. Плотицын, который неукоснительно поддерживал высокий коэффициент готовности автопарка, проводя весь ремонт, включая и капитальный, силами своего личного состава. Транспорта всегда было мало, и автомобилисты с успехом занимались восстановлением подбитых отечественных и трофейных машин. Среди них вначале было много шоферов из Киргизии. Сожалею, что за давностью не могу привести их фамилии, но могу сказать определенно: они с честью выполняли боевые задания.

Бесперебойно работала полевая хлебопекарня. Ее начальником был Ф. Давиденко, а заместителем по политчасти Д. Максимов. Добросовестно несли службу на складах сержанты Д. Брюханов, П. Михайлев и М. Костюк.

Когда дивизия вела оборонительные бои и передовые подразделения занимались укреплением своих рубежей, тыловики доставляли материальные средства, ремонтировали и изготавливали имущество. В то время в строю находились в основном призывники среднего и старшего возрастов, то есть люди, имеющие самые разные специальности. Они, честь им и слава, между боями, в свободное от несения боевой службы время ремонтировали и восстанавливали автомашины и сани, конскую упряжь и солдатское обмундирование, кухни и санитарное имущество, косили, заготавливали сено, делали котелки, кружки и ложки. Так, к зиме 1942/43 года каждый полк сделал себе нужное количество саней, в результате мы отказались от получения 300—350 штук саней. Таких фактов можно привести много: все, что могли, делали сами, потому что знали, какие трудности испытывала страна.

Особо отличилась при этом служба тыла 1270-го стрелкового полка (заместитель командира интендант третьего ранга Попов, начальник службы интендант третьего ранга Домашев, мой однофамилец).

ПРЯМОЙ НАВОДКОЙ

Я. В. БЫКОВ,

бывший командир 948-го артиллерийского полка, майор.

Наша дивизия формировалась во Фрунзе в августе — октябре 1941 года. Мне повезло: я служил в ней с первых дней ее создания. Занимал должности заместителя командира и командира дивизиона, начальника штаба артиллерии дивизии и командира артиллерийского полка.

С декабря 1941 года дивизия принимала участие в наступательных операциях под Москвой. В середине января 1942 года нас погрузили в эшелоны и перебросили в район станции Манаенка, что западнее Тулы. Преодолевая упорное сопротивление гитлеровцев, дивизия продвигалась на запад. Но неоднократные попытки прорвать оборону противника на линии Яковлевка — Горелые Хутора — Прасоловка и оседлать Варшавское шоссе кончались неудачами.

Вражеская авиация, господствуя в воздухе, наносила бомбовые удары по нашим войскам. Дивизия несла значительные потери. Случалось, что срывались наши хорошо подготовленные наступательные операции. Сказывалось и то, что наш дивизион к началу боевых операций не имел ни метра телефонного кабеля, ни одного телефонного аппарата, не говоря уже о радиоаппаратуре.

В начале 1942 года были перебои в снабжении снарядами: железная дорога не доходила до дивизионных тылов, поэтому из-за больших снежных заносов боеприпасы доставлялись из Массальска гужевым транспортом. В результате на день боя на двенадцать пушек и гаубиц отпускалось всего двадцать снарядов. Замечу, что лишь одна 76-миллиметровая пушка могла в одну минуту выпустить двадцать пять снарядов.

Однако и в этих условиях бойцы и командиры дивизии нередко добивались превосходства над противником. Помню, пехотинцы наступали на деревню Сининки. Артиллеристы поддерживали их стрельбой прямой наводкой с открытых позиций. Вместе с пехотой в деревню ворвались дивизионные разведчики и связисты.

Как оказалось, наша пехота заняла около десяти домов, но все командиры были выведены из строя. Я по телефону доложил командиру дивизии о сложившейся обстановке, и он приказал мне принять командование стрелковым батальоном 1270-го полка и очистить деревню от противника.

Я едва успел перед батальоном поставить задачи вновь назначенным командирам рот, как немцы перешли в контратаку. С криками «ура!» бойцы бросились в рукопашную схватку. Немцы не выдержали напора и стали отступать. Деревня была освобождена. Когда прибыл пехотный командир, я сдал ему батальон. В Сининках были захвачены большие трофеи, за счет которых дивизион полностью обеспечил себя телефонными аппаратами, кабелем, автоматами и артиллерийскими лошадьми.

К тому же в марте 1942 года около станции Барятино, в болотах, были обнаружены снаряды, гильзы и пороховые мешочки к 122-миллиметровым гаубицам. Их выдалбливали изо льда, оттаивали в блиндажах, сушили. Снаряды не подчинялись таблицам стрельбы, в особенности шрапнель, поэтому были составлены новые нормативы, которыми пользовались все батареи полка. Эта находка очень пригодилась нам при отражении многочисленных атак противника, а также сыграла решающую роль в том, что фашисты днем уже не рисковали выбираться на Варшавское шоссе.

Мы, артиллеристы, смогли оказывать более эффективную помощь пехотинцам. Приведу лишь один пример. Из деревни Прасоловка пошла в наступление большая, до пехотного полка, группа фашистов. А у нас не была налажена связь наблюдательных пунктов с огневыми позициями батарей. Мы, наблюдатели, хорошо видим, как лавина вражеской пехоты приближается к нашему переднему краю, знаем, что у нас есть достаточное количество «болотных» снарядов, но связь безмолвствует. Как помочь матушке-пехоте?

Я вспомнил, что на позиции первой батареи стоит высокая береза. Тут же вскочил на коня и помчался туда. Следом за мной солдаты потянули телефонную связь, которая связала с огневой позицией батареи. Несколько минут потребовалось, чтобы взобраться на вершину дерева и откорректировать огонь, пристреляться по атакующим. Вскоре в рядах наступающих поднялся шквал разрывов. Атака была остановлена, но огонь не прекращался. Противник понес потери.

Бои в полосе обороны дивизии продолжались несколько месяцев. За это время наш артиллерийский дивизион уничтожил много живой силы и техники немецко-фашистских оккупантов. Несли потери и мы.

В конце мая 1942 года дивизия была отведена в тыл для пополнения. А в июле мы участвовали в наступательной операции на жиздринском направлении, на правом фланге 16-й армии. Пройдя три десятка километров, на реке Жиздра заняли оборонительные рубежи. Бои носили тяжелый локальный характер. Наша дивизия по сути дела без артиллерии и обеспечения бронетанковыми средствами, не смогла прорвать оборону противника в своей полосе, хотя свою основную задачу выполнила: не позволила немецкому командованию перебросить часть войск от Котовичей в район направления главного удара.

Вспоминается мне такой случай. Исходную позицию для наступления дивизия заняла перед самым началом операции. Для того, чтобы окончательно изучить систему пулеметного огня противника, взвод разведки, которым командовал я, в середине ночи скрытно пробрался к переднему краю вражеской обороны.

Без шума уничтожили охрану 37-миллиметрового зенитного орудия, забросали гранатами два блиндажа и, захватив несколько автоматов, орудие и четыре ящика с

гранатами, бегом отправились назад к своим. Фрицы очухались минут через десять, открыли огонь из пулеметов и автоматов, но темная ночь помешала им сориентироваться, и мы почти без потерь вернулись на наблюдательный пункт. В ходе этой быстротечной операции был ранен только один боец.

К сожалению, кроме Г. Саранчи, я не припомню фамилий бойцов, которые участвовали в дерзкой вылазке, но все без исключения вели себя по-боевому, находчиво и оперативно. Трофейное орудие нам очень пригодилось: оно с успехом охраняло огневые позиции батарей дивизиона от ударов с воздуха. Теперь самолеты противника не отваживались бомбить с малых высот, а с больших — прицельность значительно снижалась. При переходах орудие цепляли к полевой кухне, и одна лошадка вполне справлялась с кухней и орудием.

Ночная вылазка разведвзвода дивизиона позволила определить координаты многих пулеметных точек врага.

После окончания наступления наша дивизия была вновь передана 10-й армии и заняла оборону по линии Носовка—Загоричи—Запрудное. Нелегкое это было время. Не хватало боеприпасов. Не всегда оказывалась поддержка танками и самолетами. Передвигались мы только в ночное время, потому что днем господствовала авиация противника.

Волей военной судьбы наша дивизия оказалась на второстепенном направлении. Как правило, таким соединениям ставилась задача наступать своими собственными силами, без средств усиления. О том, что это демонстративное наступление, знали командующие армией и фронтом, но не ведали командиры полков. Если наступление срывалось, то атакующие несли большие потери, но не зря: враг не мог усилить свою оборону на направлении нашего главного удара даже частью противостоящих нам войск. Наша дивизия связывала его по рукам и ногам.

Примерно в конце августа 1942 года две стрелковые бригады прорвали оборону противника шириной около одного, а глубиной — до трех километров. Было приказано ввести в прорыв и 1266-й стрелковый полк. Дивизион должен, не меняя огневых позиций батарей, поддерживать его огнем. Я собирался передавать команды по радио.

...Рвались бомбы, снаряды, мины. Ползком и перебежками пересекли рубеж прорыва, двинулись вдоль кабеля нашего полка. Телефонная линия круто свернула направо. Дальше — открытая до самого леса поляна. Остановились, прислушались. Сквозь гул боя донеслась немецкая речь: фрицы вышли на опушку. Стреляем из автоматов. Кое-кто из них валится на землю, уцелевшие скрываются за деревьями. Пули засвистели над нашими головами.

Мы бросились в траву и поползли через поляну. Через несколько минут в роще собрались все разведчики, а радисты остались на поляне: их выдали коробки от радиостанций. Немцы бросились было в атаку, но автоматный огонь отогнал их. Поляна опустела, однако пулеметчик продолжал стрелять. В роще я оставил двух разведчиков с тем, чтобы они с наступлением темноты помогли раненым радистам добраться в расположение наших войск.

Наш полк занял круговую оборону в глухом лесном массиве. По словам командира майора Ф. Коновалова, он насчитывал всего сто шестьдесят активных штыков. Майора я знал как смелого офицера, требовательного, но чуткого и справедливого к подчиненным. Не было случая, чтобы полк не справился с боевым заданием. После войны в городе Фрунзе я несколько раз встречался с полковником в отставке Коноваловым.

В связи с тем, что плотная стена деревьев мешала наблюдению, я получил приказ обосноваться в районе Загорических высот. Но надо же было побеспокоиться о судьбе радистов. Посланные мной разведчики принесли только одного — Щетинина. Разрывной пулей у него была оторвана пятка правой ноги. Коробка радиостанции разбита. Где второй радист? Его взяли те разведчики, которые были оставлены в роще. Кстати, с Щетининым я встречался после войны в городе Фрунзе.

В это время немцы начали наступление. Меня ранило, и я потерял сознание. Когда очнулся, то долго не мог разыскать свои автомат и пистолет; хотя было светло, как днем: немцы развесили на парашютах сотни осветительных ракет. Разведчики, которые несли меня и Щетинина, направились к горловине прорыва под грохот артиллерийской канонады, пулеметные и автоматные очереди. Наткнулись на группу фашистов. Отошли. Только с четвертой попытки нам удалось выйти из окружения. Мое ранение оказалось легким, и уже на третьи сутки я был на наблюдательном пункте дивизиона в Загоричах.

В августе 1942 года дивизиону было приказано занять огневые позиции в районе деревни Гусьевка и поддерживать стрелковый батальон, который оборонялся близ деревни Загоричи. Наши части занимали выгодные высоты:

с них глубоко просматривались оборонительные линии противника. Приказав срочно установить телефонную связь с огневыми позициями, я в сопровождении двух разведчиков отправился в Загоричи. Спустя минут тридцать после того, как мы договорились с командиром батальона о взаимодействии, получаем сообщение о том, что немецкая пехота пошла в атаку без артиллерийской подготовки. Раздались залпы наших орудий. Солдаты противника бросаются на землю. Мощным ударом Загоричи были очищены от фашистской нечисти.

В июле-августе 1943 года 10-я армия прорвала вражескую оборону северо-западнее города Кирова. В прорыв была введена наша дивизия, которой были подчинены минометная бригада Резерва Главного Командования, минометный полк «катюш», танковый батальон. Преодолевая упорное сопротивление врага, мы настойчиво продвигались вперед.

Бои были тяжелыми. Достаточно сказать, что, к примеру, деревня Анновка, где находились сильно укрепленные оборонительные сооружения гитлеровцев, несколько раз переходила из рук в руки. После того, как эта деревня была окончательно освобождена нами, дивизия перешла в наступление. Противник нес большие потери.

Когда мы вышли на берег реки Сож, вся артиллерия была поставлена на прямую наводку. Во время переправы она вела интенсивный огонь по оборонительным сооружениям врага, чем создала благоприятные условия как для успешного форсирования водной преграды, так и для овладения городом и узловой железнодорожной станцией Кричев.

За два месяца было пройдено с боями более трехсот километров. В связи с тем, что дивизия в ходе наступления оторвалась от своих тылов, а девятая батарея 948-го полка из-за потерь конного состава сильно отстала, была занята оборона на восточном берегу реки Проня. Меня назначили командиром этого полка, заместителем по строевой части — майора А. Ф. Волчанского. Ему пришлось отправиться в тыл, чтобы собрать и перебросить в район дислокации дивизии все орудия.

В ноябре 1943 года, после артиллерийской подготовки, передовые батальоны дивизии форсировали реку Проня в районе деревни Высокое и к исходу первого дня с тяжелыми боями заняли первые три траншеи. На второй день левый фланг дивизии стал успешно теснить врага. Немцы предприняли несколько контратак, используя танки, но безуспешно. Дело в том, что еще ночью через Проню были переправлены несколько пушек нашего полка, стрелковых полков, а также противотанкового дивизиона. Они били по танкам прямой наводкой. В боях за расширение плацдарма было подбито свыше двадцати немецких машин.

С удовлетворением хочу подчеркнуть: артиллерийская поддержка наступления была ощутимой. Помню, что к моменту форсирования реки все пулеметные точки врага были подавлены. Когда занимались первые траншеи, то сильный пулеметный огонь немцы вели с правого фланга. Но батареи оперативно подавляли эти точки, уничтожали автоматчиков, которые мешали продвижению пехоты.

На второй или третий день боев мне сообщили о том, что при отступлении гитлеровцы бросили артиллерийскую батарею с большим количеством снарядов. Срочно был сформирован особый взвод, которому поручалось повернуть орудия на сто восемьдесят градусов и на прямой наводке уничтожать танки и пехоту противника.

Через несколько часов я был на огневой позиции этой батареи. Из четырех пушек наш особый взвод вел беглый огонь по скоплениям врагов. При отражении одной из контратак он подбил три танка. Боеприпасов артиллеристы не жалели: убегая, оккупанты оставили много ящиков со снарядами.

12 декабря 1943 года я был тяжело ранен осколком снаряда. Вернулся в дивизию примерно через месяц. Она занимала оборону на прежнем плацдарме. Все попытки немцев занять его наталкивались на умелое взаимодействие пехоты и артиллерии. Но было ясно, что противник так просто не откажется от своей затеи.

Весной 1944 года были получены агентурные данные о том, что против нашей дивизии сосредоточивается механизированный корпус с большим количеством танков и мотопехоты. Задача врага была ясна: уничтожить нашу дивизию и освободить плацдарм. Но как, каким путем?

Командующий армией и командир нашей дивизии сумели верно определить направление главного удара противника. Правее центра обороны дивизии находились высокие холмы. Что делалось за ними, можно было обнаружить только с воздуха, но 10-я армия не имела самолетов. Немцы знали об этом. Следовательно, думали наши командиры, скрытней места для сосредоточения войск им не найти. Между холмов почти перпендикулярно к нашим боевым рубежам тянулся глубокий овраг, который закан-

чивался возле деревни Антоновка, где занимала оборону фашистская пехота. Значит, перевалив холмы, оккупанты могут приблизиться к нашему переднему краю. Овраг же защитит их от флангового огня.

На участке, где предполагалось наступление неприятеля, была сосредоточена основная огневая мощь дивизии. К встрече готовились тщательно: телефонная связь в необходимых случаях могла дублироваться визуально — сигнальными флажками, эшелонированно по глубине установлены все орудия, разработана четкая система ориентиров. Командиры батарей и дивизионов круглосуточно находились на наблюдательных пунктах.

В один из этих напряженных дней, рано утром, в блиндаже раздался взволнованный голос разведчика:

— Танки!..

Я тотчас выскочил из блиндажа и в стереотрубу, установленную на гребне ближайшего холма, увидел большую механизированную колонну: за пятнадцатью головными танками тянулись грузовики с пехотой, штук двадцать, следом за ними — снова танки, считать которые уже не было времени: колонна двигалась быстро, видимо, немцы в полной мере решили использовать элемент внезапности, начав атаку без артподготовки.

Открываем беглый огонь. Несколько грузовиков вспыхивают, и тут же на наших оборонительных позициях стали рваться снаряды и мины. Все заволокло дымом и пылью, но в стереотрубу все же видно, что несколько танков и грузовиков упрямо лезут на нас. Усиливаем огонь, однако примерно с десяток танков проскочили в Антоновку и скрылись за развалинами домов.

Началась жестокая дуэль между немецкими танками и нашими орудиями: и те, и другие били прямой наводкой. В этом бою нам удалось подбить пять бронированных машин. Командир дивизии предупреждает, что фашисты из деревни собираются атаковать, и приказывает сосредоточить обстрел пехотинцев. От разрывов снарядов и мин деревню заволакивает густым дымом. Даже в стереотрубу ничего не просматривается. Только через несколько минут разглядел: танки и грузовики, все, что осталось еще целым, поспешно ретировалось...

Атака отбита. Стрельба прекратилась. Тишина такая, что ломит в ушах.

Затишье перед новой грозой?

Так и есть. Буквально через несколько минут перед правым флангом дивизии, километрах в трех от переднего

края, появились три танка. Сразу прикинул: отвлекающий маневр, стрелять почти бесполезно, потому что расстояние велико. Но все же одна из наших батарей стала стрелять. Какая же? Не успел выяснить, как противник начал артподготовку.

Вновь механизированная колонна двинулась по оврагу к нашему переднему краю. На этот раз с обеих сторон оврага шли самоходные орудия, которые нанесли нам заметный урон. Опять дуэль между танками и орудиями. В Антоновке подбиты еще три немецких танка. Враг снова отошел на свои исходные позиции.

За день дивизия отбила шесть таких атак. Во время третьей из них десять танков с пехотным десантом ринулись к правому флангу дивизии. Огнем из автоматов и пулеметов удалось отсечь десантников, танки же проскочили наши траншеи и двинулись в тыл. И тогда было решено, что А. Ф. Волчанский, сняв с огневой позиции одну батарею, догонит прорвавшиеся танки и расстреляет их с прямой наводки. Майор отлично справился с поставленной задачей: три машины были подбиты, остальные отошли.

Ночью мы заменили разбитые орудия, пополнили огневой запас, в траншеи были введены резервные пехотные подразделения, ожидая, что завтра немцы усилят натиск: всю ночь слышался гул моторов. Но вопреки нашим предположениям, утро было безмолвным, безмятежным. Позже немцы на этом направлении ни разу не пытались атаковать наши части.

Примерно через десять суток наш стрелковый батальон овладел Антоновкой. Немцы на этот раз даже не пытались восстановить прежние позиции.

Так бесславно провалился замысел немецкого командования завладеть плацдармом на западном берегу реки Проня. В этих боях дивизия нанесла противнику большие потери в живой силе, было уничтожено около тридцати танков, много автомобилей. Конечно, не обошлось без потерь и у нас, война есть война.

Боями за плацдарм у Прони фактически завершилась моя служба в 385-й стрелковой дивизии. Я с большой благодарностью вспоминаю своих сослуживцев: командиров батарей В. Макарина, В. Муравьева, В. Свиньева, В. Чернова, И. Леванду, командира дивизиона А. Мелина, начальника санслужбы полка С. Акзамходжоева, начальника штаба полка В. Романова, начальника разведки К. Ф. Артамонова.

20 июня 1944 года я попрощался со своими боевыми товарищами и отбыл к новому месту назначения, на должность начальника оперативного отдела — первого заместителя начальника штаба артиллерии 50-й армии. На этой должности я и встретил Победу.

ВСЕГО ОДИН БОЙ

В. И. ЧЕРНОВ,

бывший командир батареи, капитан.

К Снопоти мы вышли во второй половине дня под артиллерийским обстрелом. Немцы к встрече подготовились серьезно. Под вечер к нам на батарею пришел начальник артиллерии полка майор А. Ф. Волчанский и поставил боевую задачу: нашему полку предстояло преодолеть сопротивление противника на Снопоти, выйти к Десне и с ходу ее форсировать.

Всей артиллерии, кроме гаубичной, приказано стать на прямую наводку, так как боеприпасов было мало.

Форсирование намечалось к рассвету. Моя батарея придавалась первому батальону, рубеж предполагался в полукилометре от реки. Я уже там был и хорошо представлял, что ждет пехотинцев и артиллеристов.

Сухой и теплый сентябрьский день подходил к концу. Светлого времени оставалось немного и я со своим помощником начал выбирать огневые позиции для орудий. Рекогносцировку закончили, когда уже смеркалось.

Много дел перед боем. Отдохнуть не успели — взвились красные ракеты. Пехота рванулась вперед. Два пулемета встретили ее ожесточенным огнем. По ним, как и было задумано, стали стрелять с временных позиций. Тут же заговорила немецкая артиллерия. Начался поединок.

Как только прекратился огневой налет, я приказал перекатить орудия на основные огневые позиции, на тот случай, если они были обнаружены противником.

Пехотинцы продвинулись вперед и вышли на западную окраину лесочка, где гитлеровцы встретили батальон организованным огнем из второй траншеи. Первая траншея часто служила для приманки артиллерии и пехоты. После ее взятия необходимо приступать к организации боя. Это не так просто. Очень часто из первой траншеи невозможно увидеть вторую, которая считалась основной, а первая служила как бы боевым охранением.

Наша пехота залегла между рекой и окопами.

По ней нахально, не переставая, длинными очередями строчил пулемет. Сухая погода стояла долго, и дерн на немецкой траншее посветлел, демаскируя пулеметный огонь и траншею.

Ко мне подполз Авдюгин, доложил, что видит пулемет, и попросил разрешения открыть огонь. Цель накрыли со второго снаряда.

И сразу левофланговая рота рванулась к немецкой траншее. Она была уже недалеко от нее, когда ударили немецкие минометы. Следом застучали пулеметы, и рота залегла.

Минометы непрерывно обстреливали пехоту, а немецкая батарея перенесла огонь стопятидесятимиллиметровых в глубину нашей обороны. Положение становилось критическим. Пытаемся определить позиции. У минометов предельная дальность стрельбы — три километра. Впереди — ни бугров, ни складок... Взгляд зацепился за скирды, которые за леском. Присмотрелись: так и есть — за ними минометы. Пока изучали обстановку, меня вызвал к телефону майор Волчанский и приказал поддержать атаку пехотинцев. Это я и сам понимал. Принялись готовить батарею к бою. Тешили себя мыслью — хорошо, если за скирдами. Климачёву было приказано стрелять по левой скирде, однако он внезапно обнаружил пулемет и попросил разрешение назначить ему эту цель.

Я хорошо помню Климачева: длинный и нескладный, голос резкий, с хрипотцой. В батарее он с первых дней ее формирования во Фрунзе. До войны работал бригадиром в колхозе на Иссык-Куле. Помню по его рассказам, что одной из культур, которой он занимался, был опиумный мак.

— Для медицины,— пояснял Климачев.

После того, как были поставлены боевые задачи расчетам Фролова и Зимина, я с помощью стереотрубы нашел гнездо фашистского пулеметчика, о котором говорил Климачев. Цель находилась в глубине обороны противника, на скатах высотки, спадающей языком от деревни Буда к речке. Оттуда можно удобно обстреливать наши

атакующие подразделения не только с фронта, но и во фланг.

Я нанес цель на карту, определил дальность и сообщил на огневую позицию...

Прямо перед моими глазами качался на тонкой ножке цветок тысячелистника. Невольно вспомнилось родное Ставрополье, станция Плаксейка,— оттуда я уезжал в Буденовск поступать в педагогическое училище. Там, недалеко от станции, у татарских курганов, все поле было бело-желтым от цветков тысячелистника.

От воспоминаний оторвал телефон. Говорил начальник артиллерии полка Волчанский:

— Ноль первый, как только начнут работать тяжелые Быкова, вступай и ты.

Это следовало понимать так: откроют огонь гаубицы артполка — мы тоже должны стрелять. Не прошло и тридцати минут, как ахнули залпы гаубичных батарей. Снаряды стремительно пронеслись над нами и грохнули на той стороне реки, за прибрежным леском. Я подал команду батарее:

— Огонь!

Вторым снарядом Климачев уничтожил маскировку пулеметного гнезда: куст оказался фальшивый. От снарядов Фролова и Зимина загорелись скирды, от них метнулись гитлеровцы.

Авдюгин метил по наблюдательному пункту первой траншеи. Снаряды ложились очень точно. Немцы немедленно ответили выстрелами по клуне и соломе перед ней. Оттуда долетели к расчету осколки и комья земли.

Пехотинцы вновь рванулись вперед, преодолели первую траншею, однако длинные пулеметные очереди из молодого сосняка заставили их снова залечь. Теперь только не медлить.

— Иван,— кричал Авдюгин,— спроси у комбата разрешение уничтожить этот сволочной пулемет.

После второго выстрела снаряд разорвался рядом с предполагаемой точкой, маскировка свалилась на землю, из-под нее показалась железная туша бронетранспортера. Цель ясна. Третий снаряд угодил ей прямо в бок.

Орудие срочно переместили в укрытие, расчет разбежался по своим окопчикам. Авдюгин же замешкался возле пушки, вынимая панораму, и не успел спрятаться до начала обстрела, который на этот раз был продолжительным и точным. Все лежали в своих щелях и не могли видеть, что снаряд попал в орудийное укрытие...

Говорят, на войне привыкают к смерти. Может быть, но не к гибели близких. После гибели Василия от расчета, который формировался еще во Фрунзе, теперь в батарее остались только двое: Чибанок и Климачев, командир второго орудия.

Представляя личный состав батареи к наградам, я просил зачислить Авдюгина в списки полка навечно: батарее и мне не хотелось расставаться с ним. Его подвиг был, без сомнения, достоин того.

Присутствовать на его похоронах не мог, потому что батарею срочно перебросили в другое место. По рассказам однополчан знаю, что могила находится на левом берегу реки Снопоть, южнее железнодорожного моста, возле крошечного ручейка.

Я не видел Васю Авдюгина убитым, поэтому в моей памяти он остался стройным, молодым, красивым, с белозубой улыбкой. Ему тогда не было двадцати пяти...

СОКРУШАЮЩИЕ УДАРЫ

Н. Н. ДАВЫДОВ,

бывший командир минометного взвода, старший лейтенант.

Тяжело в ученье, легко в бою. А мое ученье затянулось. После окончания школы сержантов был направлен на курсы младших лейтенантов, а затем — в учебный батальон командиром взвода. Только в мае 1943 года по рапорту ушел в Действующую армию. На фронт я прибыл довольно подготовленным теоретически офицером. Как мне казалось, хорошо разбирался в теории военного дела, неплохо стрелял из всех видов оружия, но главное — горел желанием воевать. Честно говоря, считал, что война кончится и без моего в ней участия, судил о ней по кинофильмам да по рассказам фронтовиков. Однако многое для меня на первых порах было неожиданным. И я допускал оплошности. Помогли армейские навыки, и вскоре я уже сравнительно быстро ориентировался во фронтовой обстановке.

Я был кандидатом в члены партии, а 1 августа 1943 года, как раз в день моего рождения, начальник политотдела нашей дивизии полковник А. М. Михайлов вручил мне билет члена ВКП(б).

Конечно, как любому фронтовику, наиболее четко врезались в память первый бой, первая атака. Не помню названия деревни, которую надо было взять. Командир роты капитан Ляпунов на исходном рубеже, накрывшись плащ-палаткой, показал нам ее на карте. Командиру минометного взвода был дан приказ огнем поддерживать пехоту. Очень я волновался — как никак первое боевое крещение, выдержать его надо с честью.

Хорошо помню, что кругом был лес с полянами, а ночь перед боем стояла темная. День, по всему, ожидался жарким, солнечным. Командир роты со связистами окопался у заброшенного сарая, а мы выдвинулись несколько вперед, на рубеж атаки. Мои бойцы — люди бывалые, спокойно, с шуточками готовились к схватке с врагом. Подбадривали друг друга. Это вселяло уверенность. По их совету я снял свою длинную шинель, натянул ватную фуфайку, чтобы легче было бежать. Кроме пистолета взял автомат, запасной диск к нему и две «лимонки». Однако, как ни тщательно готовился, а саперную лопату забыл, и это чуть не стоило мне жизни.

На рассвете наша полковая артиллерия сделала всего несколько залпов. Такая слабая артподготовка, конечно же, не нанесла заметного урона противнику. По команде «Вперед, в атаку!» мы дружно поднялись и цепью пошли на врага. Стреляя из автоматов и винтовок, быстро двигались к немецким траншеям. Атака, по всей вероятности, была для гитлеровцев неожиданностью. Но только в самом начале боя. Встречный огонь стал с каждой минутой нарастать. Вот уже падают на землю товарищи, а пулеметы так поливают, что мы вынуждены залечь.

Деревня, которую предстояло захватить, находилась далеко за оврагом, перед ним — открытое поле. Мы сделали попытку двигаться перебежками, но пули прижали нас к земле. В этот критический момент поднялась в атаку наша пулеметная рота. Уже рассвело, а ребята шли в полный рост, пренебрегая огнем противника. Потрясающее зрелище — я его запомнил на всю жизнь. Казалось, нет на свете такой силы, которая могла бы остановить героев. Но один за другим падали бойцы, выходили из строя пулеметы. У роты хватило упорства достичь рубежа, на котором мы залегли.

Грозное оружие — миномет. Бой у села Анновка, Кировского р-на Калужской области. 1943 год.

Гости дивизии — земляки-киргизстанцы. Чаусский район, село Ляхи, 1943 год.

К. Е. Ворошилов вручает орден М. Ф. Супрунову.

Начальник политотдела
дивизии полковник
А. М. Михайлов.

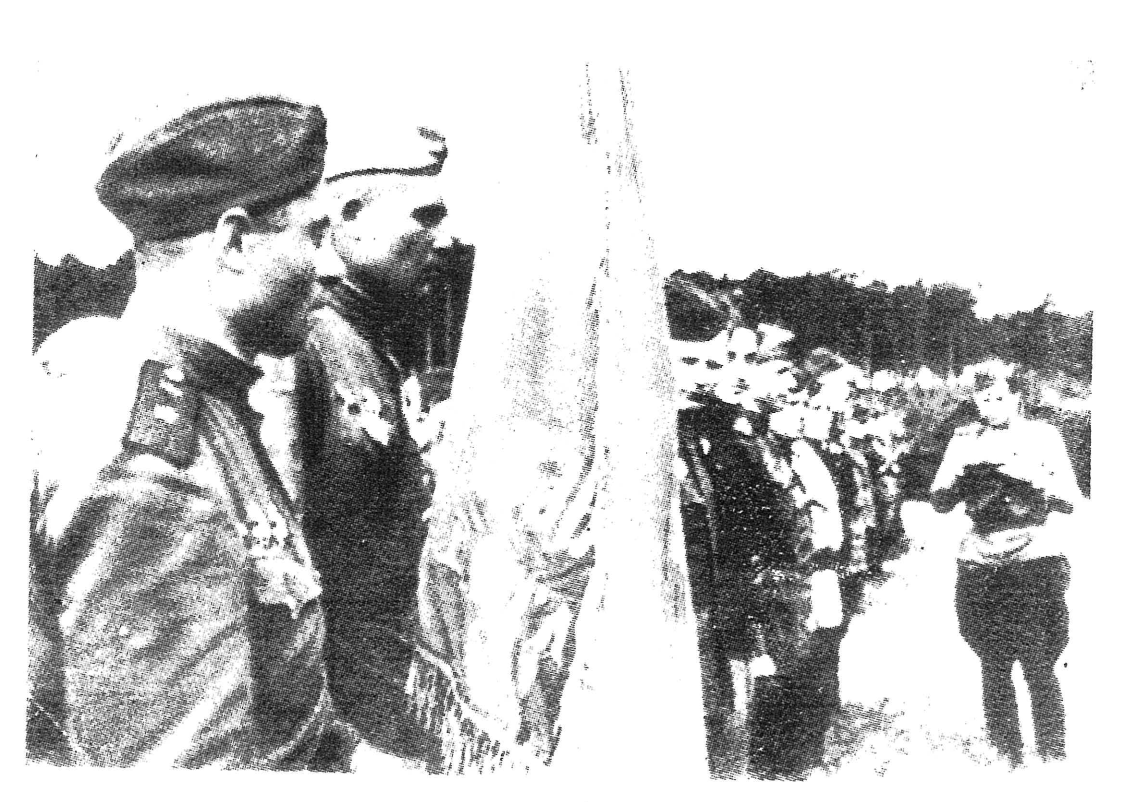
Бой у д. Самохвалезичи Белорусской ССР. Июль 1944 г.

Командир дивизии
генерал-майор
М. Ф. Супрунов.

Автографы на рейхстаге. Май 1945 г.

Май 1945-го, г. Грабов. У знамени — В. К. Перфильев (второй слева).

Ветераны 385-й Кричевской дивизии в Москве у Большого театра. Май 1981 г.

Встреча однополчан у деревни Дашковка, где в июне 1944 г. форсировали Днепр, (справа налево) А. Е. Филиппов, Герой Советского Союза М. П. Докучаев, В. В. Свиньев, Н. С. Ануфриев.

Встреча ветеранов дивизии в Москве 9 мая 1984 г.

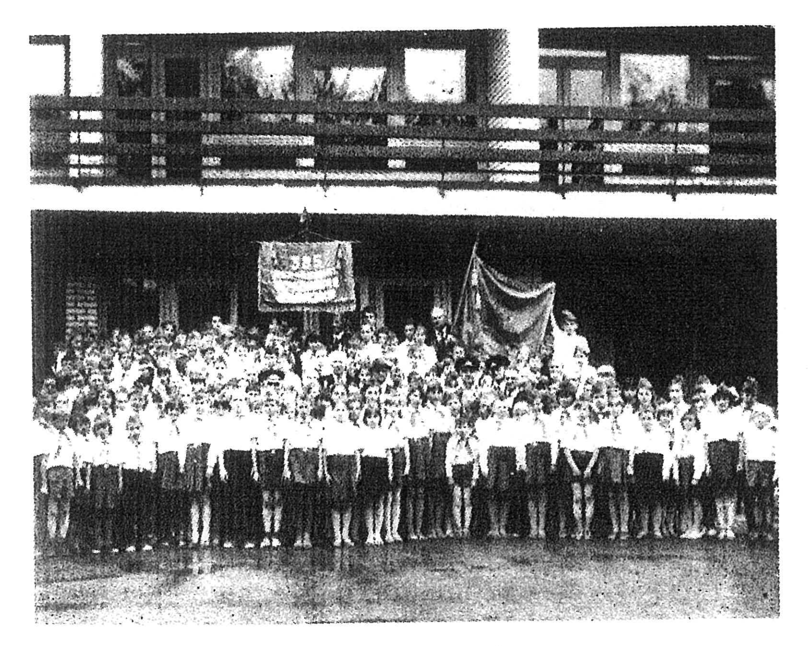
Члены совета ветеранов 385-й Кричевской Краснознаменной» ордена Суворова II степени стрелковой дивизии (слева направо) В. Ф. Колесников, М. В. Сорокин, З. Х. Музафаров, Ф. Ф. Чепурных.

У братской могилы. Село Будино Чаусского р-на. Снимок 1984 года.

Ветеран дивизии Герой Советского Союза полковник М. П. Докучаев у воинов Московского гарнизона, 1981 год.

Участники боев за освобождение Белоруссии в гостях у пионеров Чаусского района. Г. Чаусы, 1984 года.

Мы все принялись проворно зарываться в землю и, оказалось, сделали это как нельзя вовремя: скоро начался мощный минометный обстрел, мины падали рядом, но окопчики все-таки спасали от осколков. Дышать было трудно, потому что от разрывов мин шел черный, с едким запахом дым. Солнце светило жарко, страшно мучила жажда, но нечего было и думать о том, чтобы поднять голову.

Только с наступлением темноты командир роты приказал отходить на исходные позиции. Стрельба к вечеру прекратилась, лишь редкая пулеметная очередь прошивала темноту, но мы уже не обращали на это никакого внимания. Нервы задубели, сердца закаменели, казалось, нас перестало интересовать будущее, настолько сильным было впечатление от проигранного боя.

В моем взводе осталось всего пять человек. В других положение было не лучшим.

Только в этом бою я по-настоящему узнал, что такое война и смерть под пулями.

Ночью прибыла полевая кухня, нас накормили и повели на новый участок. Там рано утром снова пошли в атаку. Много было еще атак и боев впереди.

Спустя несколько дней, я участвовал в хорошо организованном прорыве обороны немцев и в полном разгроме целой группировки. Бой был отлично подготовлен. Задача ставилась такая: броском захватить деревню Дыра (за точность названия не ручаюсь). Стояла она на бугре за небольшой речкой. Мы располагались на опушке леса, перед нами расстилалось гладкое, как стол, поле.

Нас предупредили, что вперед пойдут танки и самоходные орудия, а за ними — мы. Кроме того, предполагались мощная артподготовка и обработка переднего края противника авиацией. Перед боем удалось вздремнуть.

На рассвете услышали густой рокот танков, которые подходили к нам с тыла. Вскоре началась долговременная артподготовка. Все это вселило в сердца бойцов и командиров уверенность в успешном исходе схватки.

Пошли танки. Командир полка Коновалов поднял пистолет и закричал:

— Вперед, в атаку!..

Пехота рванулась за танками. Одна машина затормозила возле меня, танкист улыбнулся и взмахнул рукой: «Садись, матушка-пехота, подвезем!» Я и еще два бойца взобрались на броню, устроились за башней, и танк помчался вперед, маневрируя и непрерывно стреляя.

Танк шел уверенно, видимо, водитель был опытный. Миновав заболоченную речку, в которой застряли некоторые машины, стали подниматься в гору, к деревне, в которой авиация и артиллерия уже крепко «похозяйничали»: все горело и дымилось.

Танки в упор стреляли в фашистов, немцы палили в них. Несколько машин дымилось, но наша без задержки пронеслась по деревне, пересекла вражеские траншеи, возле которых валялось много трупов немецких солдат, и пошла давить гусеницами батарею. Когда орудия были изуродованы, танк остановился.

Я и бойцы спрыгнули на землю и, подождав, соединились с наступавшей пехотой. Разгром врага был полный. Наши войска устремились в прорыв.

Однако дальнейшее развитие событий сложилось не в нашу пользу: мы попали в окружение. Только через три дня непрерывных боев удалось прорвать вражеское кольцо. Прорвать с большими потерями...

За годы войны мне довелось подружиться со многими хорошими людьми. К великому сожалению, обо всех просто невозможно рассказать: только список их фамилий занял бы несколько страниц. Хочется добрым словом вспомнить командира батареи капитана Ивана Грачева. Он пал смертью храбрых в начале 1944 года. Это был кадровый военный, волевой офицер, замечательный товарищ. Я многим обязан Грачеву—он научил меня стрелять по закрытым целям, готовить данные по карте и другим премудростям, без которых невозможно обойтись на войне. Человек сравнительно молодой — лет ему было 26 или 27, всегда спокойный, выдержанный, воевал очень умело. Его по-настоящему любила вся батарея. Похоронили его на опушке леса. На неприметном месте оставили холмик земли, установили надгробье из фанеры, рядом поставили мину без головного взрывателя.

Батарея 120-миллиметровых минометов являлась мощным огневым средством. Неплохо воевала она под началом капитана Павла Тихомирова. Затем ею командовал капитан Василий Чернов, который прошел большой боевой путь, и в дивизии его знали почти все.

Вместе с батальоном майора М. Докучаева, которому вскоре было присвоено звание Героя Советского Союза, наша батарея преодолевала важнейшую в стратегическом и тактическом отношениях водную преграду Днепр.

ОТ ПЕРВОГО И ДО ПОСЛЕДНЕГО ДНЯ

Л. И. НЕСТЕРОВ,

бывший командир 1268-го стрелкового полка, полковник.

Война для меня началась в четыре утра 22 июня 1941 года в восьми километрах от реки Западный Буг, неподалеку от пограничного города Брест. Наш 15-й полк 49-й стрелковой дивизии, в котором я был начальником штаба батальона, располагался в лесу. Семейные командиры жили в деревнях по соседству. Моя семья находилась в Ленинграде, поэтому я занимал угол в землянке помощника начальника штаба полка.

Уже светало, когда раздался страшный грохот: немецкая артиллерия открыла прицельный огонь по расположению батальонов и всех хозяйств полка. Несмотря на это, мы довольно оперативно заняли боевые порядки для обороны, но механизированные части противника обошли нас с флангов, и мы оказались в окружении.

Командир дивизии с большим трудом собрал два полка и артиллерию: дело в том, что части дивизии дислоцировались не в одном месте, а были разбросаны. В течение недели мы вели кровопролитные бои. Личный состав и техника таяли прямо на глазах. Последний, очень тяжелый бой произошел в Беловежской пуще, после которого дивизия перестала существовать.

С одной из групп, в которой насчитывалось немногим более пятидесяти человек, 18 июля 1941 года я вышел из окружения в районе станции Постaлы, откуда нас доставили в Калинковичи. Рядовой и сержантский состав был отправлен на доукомплектование частей, а офицеры—в распоряжение отдела кадров Западного фронта.

Впоследствии мне дважды приходилось формировать отдельные стрелковые батальоны, которые с боями отходили до Подмосковья. Участвовал в оборонительных боях под Вязьмой, Гжатском, Можайском, Дороховом, западнее Звенигорода и на других участках.

Когда я принимал участок обороны своего 1268-го стрелкового полка, дивизия находилась в обороне под

Кировом Калужской области. Траншеи и огневые позиции мне были знакомы, так как я неоднократно бывал здесь с проверками в качестве офицера штаба 10-й армии, где служил до этого. Главное — знакомство с личным составом.

Командиром первого батальона был капитан Берестнев. Этот дисциплинированный, принципиальный офицер пользовался большим авторитетом в батальоне. Смелость в нем сочеталась с завидной уравновешенностью. Вторым батальоном командовал капитан Савчук. Стройный и подтянутый, грамотный тактически, требовательный к себе и подчиненным, он был примером для всех.

Майор Найденов, командир третьего батальона, вполне соответствовал занимаемой должности. Его бойцы чаще других находились в авангарде полка. Он очень берег людей, всегда настойчиво требовал взаимодействия и поддержки со стороны других родов войск.

В начале августа 1943 года 385-я дивизия, сдав свою полосу обороны соседним частям, ночью совершила марш и сосредоточилась в районе деревни Верхняя Песочная, чтобы атаковать и овладеть Анновкой, Вязовцом и наступать на Мокрое.

В первой половине дня 13 августа наша артиллерия обрушилась на передний край противника. По сигналу «залп катюш» пехота рванулась вперед, а пушки перенесли огонь в глубину вражеской обороны. Первыми наступали 1268-й и 1266-й полки, а 1270-й оставался во втором эшелоне, но был готов развить успех.

Батальоны 1268-го полка в первой траншее не встретили значительного сопротивления. Во второй же их настиг сильный пулеметный огонь. Потребовались большие усилия для того, чтобы овладеть вторыми и третьими линиями траншей.

Противник упорно сопротивлялся.

С правого фланга бил крупнокалиберный пулемет. Ожили другие огневые точки. Не умолкали орудия и минометы гитлеровцев. Наши роты, неся потери, вынуждены были закрепиться в третьей траншее. Две роты немцев пытались контратаковать батальон Савчука, но были отброшены назад. Особо отличился при этом пулеметчик Латкин.

Первый и второй батальоны устремились на Анновку, на юго-западной окраине которой сосредоточились танки противника. По ним вела огонь полковая артиллерия. Батальон Берестнева вплотную подошел к Анновке, а батальон Савчука был остановлен. В это время более десятка танков фашистов с пехотой устремились на первый батальон. Берестнев успел выдвинуть приданный ему взвод противотанковых ружей. Удалось подбить два танка.

Неудача имела свои причины: мы наступали без танков, у нас не было мощных противотанковых средств, не все пулеметные и артиллерийские точки противника были подавлены. К исходу дня боевые порядки дивизии беспрерывно штурмовали немецкие стервятники.

Утром, после короткой артподготовки, 1268-й и 1266-й полки с тремя танками пошли в атаку. Вблизи Анновки, на нашем левом фланге, встретили заслон из танков и пехоты. Батальон Савчука залег. Артиллерия усилила огонь по противнику. Были введены в бой батальон Найденова и один батальон 1270-го полка. Дружной атакой во взаимодействии с соседями они выбили фашистов из Анновки и Вязовца. Ружейно-пулеметная стрельба прекратилась. Только вражеская артиллерия методически обстреливала захваченные нами деревни.

После нелегких боев надо было привести себя в порядок, передохнуть, но последовал приказ наступать, и полки пошли вперед. По нашим боевым порядкам вела огонь артиллерия, прямой наводкой били танки, стреляли пулеметы. Батальон Найденова и его сосед залегли. Немцы стали пристреливаться по ним из орудий и минометов, но усилился заградительный огонь перед нашими наступающими подразделениями, а минометов капитана Марченко — по пулеметным точкам противника.

Найденов не без труда, конечно, поднял батальон, броском вывел его из зоны обстрела и, прижимаясь к своему огневому валу, ворвался в деревню, завязал бой. Вслед за ним туда ворвались другие батальоны и 1266-й полк. Активно вел себя наш левый сосед — 330-я стрелковая дивизия. Заняв Дубровку, мы стали энергично окапываться.

К исходу дня наш полк окопался, но вдруг, безо всякого шума, перед третьим батальоном появились немцы и двумя группами атаковали восьмую роту. После короткого боя они поспешно отошли, оставив более десятка трупов. У нас погибло пять человек, в том числе командир роты Н. А. Сафронов.

Противник пытался вернуть Дубровку. За две недели боев полк понес серьезные потери. В одну из ночей комиссар полка майор Антипов провожал на задание разведчиков и был убит. Погибли командиры двух рот, несколько

командиров взводов, десятки солдат и сержантов. Многие выбыли из строя по ранению.

На место майора Антипова комиссаром полка назначили майора Е. А. Горелкина, опытного политработника, общительного, подвижного, никогда не унывающего человека. Он постоянно находился в гуще солдат, подбадривал и воодушевлял их перед боями. С октября 1943 года Горелкин стал моим заместителем по политической части.

Большие потери вынудили нас занять оборону перед деревней Мокрое, которую немцы превратили в хорошо укрепленный пункт.

Пополняясь людьми, боевой техникой, патронами и снарядами, мы думали о том, чтобы не дать противнику прочно обосноваться на своих рубежах. Надо было наступать. И наступать крепко, чтобы содействовать контрнаступлению наших войск под Курском. В район наших действий были подтянуты соединения 50-й армии, в распоряжение которой поступили 385-я и 330-я стрелковые дивизии.

К назначенному времени командование выделило два армейских артполка и бригаду, танковый полк. Когда бомбардировщики «обработали» огневые позиции противника, началась артиллерийская канонада, и по всему фронту обороны немцев поднялась черно-серая стена земли и дыма. Затем небо прочертили огненные дуги «катюш», раздался оглушительный гул танков Т-34, которые лавиной устремились к проходам в минных полях. За танками рванулась пехота.

Две линии траншей были захвачены стремительно, но при подходе к Мокрому противотанковые орудия и самоходки открыли огонь по полкам. Пришлось артиллеристам вновь обстреливать этот участок, и только с помощью танков, отражая яростные контратаки, удалось выгнать фашистов из Мокрого. Все попытки гитлеровцев вернуть его были тщетны: полки успели закрепиться и подтянуть противотанковые средства.

В этой жаркой схватке отличились артиллеристы капитанов Слуцкого и Кравченко, которые действовали в боевых порядках батальонов.

Наша дивизия во взаимодействии с соединениями 50-й армии продолжала наступать в Рославльском направлении. В одном из боев был тяжело ранен капитан Савчук. Через некоторое время он писал из тылового госпиталя, что лишился глаза, а зрение второго значительно понизилось. Но он все же не терял надежду повоевать. Вместо него командовать батальоном стал капитан Репетунов.

Перед рекой Сож 1266-й и 1270-й полки были остановлены огнем противника с западного берега. Наш полк, находясь во втором эшелоне, был нацелен на левый фланг.

Комдив Супрунов приказал поставить батальону Найденова задачу форсировать Сож на стыке с левым соседом — 212-й стрелковой дивизией. Захватив плацдарм на западном берегу, обеспечить переправу всему полку и совместно с 1270-м овладеть городом Кричев.

Найденов вывел батальон на край леса, нашел брод и, пользуясь темнотой, переправился на правый берег, выбил боевое охранение немцев из небольшой деревушки и завязал бой по пути к железной дороге. Он доложил, что находится севернее моста и что выслал разведку на станцию Кричев. Я приказал не задерживаться.

У переезда батальон наткнулся на пулеметчиков и автоматчиков, но к этому времени полковые артиллеристы переправили пушки, подтянулись к батальону и прямой наводкой ударили по огневым точкам. Правее успешно расправлялся с противником, отходящим в сторону города, батальон Репетунова.

На левом фланге подтягивалась к городу 212-я стрелковая дивизия. А в Кричеве уже рвались ручные гранаты, не умолкала пулеметно-ружейная стрельба.

Добравшись к Найденову по телефонному проводу, в крайнем доме увидел группу солдат из его батальона. Они разулись и спокойно сушились у печки. Комдиву я доложил, что город фактически взят. Супрунов вначале не поверил. Но когда я сказал, где нахожусь и что в город втягиваются: левее — подразделения 212-й дивизии, а правее—батальон Репетунова, он поздравил нас с победой.

2 октября 1943 года наша и 212-я дивизии пытались форсировать реку Проня, но неудачно. Город Чаусы, железнодорожный мост через Проню и станция были сильно укреплены, линия обороны, которая протянулась по более выгодному с тактической точки зрения берегу, имела хорошо развитую систему пулеметных и артиллерийских точек. По всей линии были замаскированы танки и самоходные артиллерийские установки. В глубине обороны имелся солидный резерв.

Еще одна наша попытка овладеть Чаусами не удалась. В этом бою погиб замечательный командир роты третьего батальона Сергей Хохлов...

В октябре 1943 года мы получили приказ перейти к позиционной обороне. Резали землю по фронту многокилометровыми траншеями полного профиля в две, а местами

и в три линии, связывая их ходами сообщения. Ведь известно, оборона — это ежедневные бои местного значения. Это постоянные перестрелки из всех видов оружия. Это беспрерывная охота снайперов, вооруженных винтовками с оптическими прицелами. Это создание минных полей.

Зимой наша дивизия стала готовиться для прорыва обороны врага севернее Чаус. Большое значение придавалось отдельному лыжному батальону — ударному подвижному отряду, в который отбирались смелые, крепкие физически люди. Комбатом назначили майора Найденова.

Дивизия совершила ночной марш и на опушке леса заняла исходное положение. Весь лыжный батальон и подразделения первого эшелона одели в белые халаты.

В конце декабря 1943 года после непродолжительной артиллерийской подготовки два полка и лыжники пошли в атаку. Наступление поддерживали подразделения той дивизии, которая обосновалась на этом участке раньше. Перейдя по льду реку, цепи стали подниматься на высоту. Противник несколько минут молчал, а затем обрушил на наступающих тысячи снарядов и мин.

Словом, в этом бою мы понесли огромные потери. Особенно пострадали лыжники: погиб командир роты Ерохин, ранен комбат Найденов. Несмотря на то, что многие воины действовали героически, цели мы не добились из-за существенных просчетов в обеспечении операции средствами усиления, выборе места наступления, характеристике вражеской обороны...

Напротив, весной 1944 года после того, как предстоящая боевая операция была хорошо продумана и достаточно обеспечена людскими и материальными ресурсами, полки прорвались на западный берег Прони, овладели достаточными для переправки корпуса плацдармом, с которого началось наступление по Белоруссии.

В конце июня 1944 года в подразделениях прошли митинги по поводу обращения Военного Совета и Политического Управления 2-го Белорусского фронта о переходе к наступлению. Наша дивизия получила приказ прорвать оборону гитлеровцев и атаковать Чаусы с юга.

25 июня перешли в наступление. 1268-й полк остался в обороне. Затем, после короткого минометного обстрела, двумя батальонами атаковал южную окраину города.

Немцы нашего вторжения не ожидали, но бежать они, точно, собирались, так как с северо-востока их жала соседняя дивизия, а два наших полка колотили юго-западнее Чаусов.

Первой ворвалась в Чаусы рота лейтенанта Олонцева. Отличился в этом бою батальон капитана Трусова. Наш полк захватил повозки с имуществом немецких связистов, другие трофеи. Уничтожив или обратив в бегство части прикрытия, мы к исходу дня соединились с другими полками, и дивизия продолжала наступать в заданном направлении.

25 июня 1944 года Верховный Главнокомандующий объявил благодарность войскам 2-го Белорусского фронта за прорыв укрепленной обороны немцев в Могилевском направлении, освобождение райцентра Чаусы и других населенных пунктов. В приказе перечислялись генералы и офицеры, чьи войска отличились при этом. Среди них была и моя фамилия. В тот же день Москва салютовала нам двадцатью артиллерийскими залпами.

А впереди был Днепр. Продолжая наступление, наш полк занял деревни Новоселки и Головенчицы. Ближайший мост был взорван, подступы к реке беспрерывно обстреливались из пушек и минометов. Подразделения переправлялись на самодельных плотах, лодках, а некоторые смельчаки даже вплавь. Первой снова оказалась на противоположном берегу этой огромной водной преграды рота Олонцева. При этом особенное мужество и находчивость проявил взвод старшего сержанта Кудашева.

Расчет старшего сержанта коммуниста Потапова из второй пулеметной роты сразу же открыл огонь по противнику, обеспечив тем самым успех подразделений.

Вслед за Потаповым, оказавшись на западном берегу Днепра, отделение пятой стрелковой роты комсомольца Дремина первым прыгнуло в немецкую траншею. За вторым батальоном переправился весь полк с артиллерией. Выбив фрицев из Новоселок, мы совместно с дивизией и соседними частями продолжали наступать по направлению деревни Долгое.

В Приказе Верховного Главнокомандующего от 28 июня 1944 года, в частности, указывалось, что войска 2-го Белорусского фронта, форсировав реку Днепр на участке протяжением 120 километров, прорвали вторую оборонительную полосу немцев на западном берегу и 28 июня штурмом овладели крупным областным центром Белоруссии — городом Могилев.

Верховный Главнокомандующий в Приказе назвал фамилии командиров, войска которых отличились в боях при форсировании Днепра и овладении городами Могилев, Шклов, Быхов, в том числе и фамилию полковника Супру-

нова. А через несколько дней мы получили радостную весть: дивизия награждена орденом Боевого Красного Знамени.

Дивизия продолжала наступать вдоль железной дороги из Могилева на Осиповичи, затем у Кличева пересекла насыпь и двинулась, ведя бои за крупные населенные пункты Червень, Смиловичи, Самохваловичи. После решительного натиска наших войск и создавшейся в районе Минска сложной обстановки для немцев, они начали поспешное бегство.

Нашей дивизии пришлось ликвидировать в составе 49-й армии окруженные части противника.

Затем — снова наступление. Противник отходил так поспешно, что в отдельные дни приходилось преодолевать до двадцати пяти километров. Иногда завязывались бои. Так мы прошли города Мир, Мосты. На реке Неман был сделан привал.

Последние километры по своей многострадальной земле. Скоро Государственная граница СССР...

Как ждали мы этого часа, как мечтали о нем.

Вскоре мне пришлось побывать в медсанбате. Извлекли два осколка, третий, в спине, остался. Затем меня отправили в армейский госпиталь, куда позднее сообщили, что в тот же день, когда я получил ранение, погиб командир батареи минометов майор Марченко. Жаль было этого замечательного офицера, верного боевого товарища.

Пока я лежал в госпитале, полком командовал майор Тарусин. Дивизия за это время прошла более ста пятидесяти километров, участвовала в боях за освобождение городов и крепостей Осовец и Ломжа, за что двум полкам — 1270-му и 1268-му — было присвоено почетное наименование «Ломжинских».

Около двух месяцев я лечился, а когда вернулся в полк, солдаты и офицеры тепло встретили меня. Не скрою, было приятно вновь принимать свой полк.

До конца октября 1944 года длились ожесточенные бои в Польше. Противник прочно осел на Нареве и, судя по всему, отступать не собирался. В середине января 1945 года перешли в наступление наши войска. Преодолев яростное сопротивление, они прорвали оборону врага. Танковые части устремились в прорыв, а пехотинцы повернули на север, заняли город Мышинец и вторглись в Восточную Пруссию. Начались ожесточенные бои.

Дивизия наступала в направлении Бишовсбурга с целью овладеть его пригородом и железнодорожной станцией. Здесь нас встретили немецкие части. Они беспрерывно бросались в контратаки, ни на минуту не утихала артиллерийская, минометная и пулеметная стрельба. Отступая, фашисты все минировали. Подрывались автомобили, орудия. Саперы работали самоотверженно, но они не поспевали за стремительным продвижением войск.

Как-то сани, на которых я ехал, наскочили на противотанковую мину. Из шести человек один был убит, остальные ранены и контужены, в том числе и я. В госпиталь не поехал в надежде на помощь врачей медсанбата, который неизменно следовал за наступающими частями.

На подходе к Висле дивизия следовала во втором эшелоне армии. Через Вислу переправлялись под огнем артиллерии и бомбовыми ударами. Начиная с середины февраля нашими войсками с боями, иногда жестокими, были заняты Граудзендз (Грауденц), Бублиц, Руммельсбург, Пиритц, Драмбург, Штаргард и многие другие.

Вслед за 3-м гвардейским танковым корпусом, мы прошли города Бытов (Бытув), Берент (Косьцежина), Картхауз (Картузы) — важные узлы железнодорожных и шоссейных дорог на путях к Данцигу.

Чем ближе подступали к Данцигу, тем ожесточеннее сопротивлялся противник. Почти каждый день приходилось сменять батальоны, чтобы дать им немного отдохнуть. Но все же нам пришлось остановиться: система обороны врага оказалась очень мощной. Стали срочно создавать штурмовые группы, куда включались пушки, танки, стрелки и саперы.

Штурмовые группы сыграли решающую роль в боях за укрепленные населенные пункты. Они буквально вгрызались в оборону. Фрицы снарядов не жалели, поливала огнем вражеские батареи и наша артиллерия. В результате упорных схваток, во взаимодействии с соседними частями, 25 марта наша дивизия заняла пригород Данцига Оливу, находящийся в 3-х километрах к северу от него. А 30 марта над городом и крепостью Гданьск (Данциг) был поднят национальный флаг Польского государства.

За участие дивизии в освобождении Данцига Верховный Главнокомандующий объявил ей благодарность.

Войскам нашего фронта предстоял большой марш: надо было сменить правофланговые части 1-го Белорусского фронта на Одере. Дивизия тронулась первой. Солдаты, конечно же, устали от затяжных боев, но чувствовали себя бодро: победа была не за горами.

Большую часть пути прошли в пешем строю, преодоле-

вая за сутки тридцать-тридцать пять километров. Предстояло форсирование Ост и Вест-Одер. О форсировании Одера есть немало рассказов моих однополчан...

Потеряв последнюю надежду — оборонительный Одерский рубеж,—враг был парализован, перестал бросаться в бессмысленные контратаки и стал поднимать руки.

Перед нашей дивизией поставили задачу вместе с танками 8-го мехкорпуса идти прямо на запад до самой Эльбы. Воины полка были посажены на бронированные машины и действовали десантом в передовом подвижном отряде. Преодолев с легкими перестрелками отдельные участки немецкой обороны западнее канала Рандов, мы стремительно двигались вперед, отсекая гитлеровские части, направляющиеся к Берлину, и отбрасывая их на север, под удары соседей.

Без остановок прошли до самого города Виттенберге. В районе Грабова 3 мая встретились с дозором 82-й воздушно-десантной американской дивизии, выехавшим нам навстречу на двух «виллисах». Тут же появилось еще несколько машин с белыми звездами. Объяснялись жестами: мы не знали английского языка, а наши союзники — русского. Но понимали в тот час друг друга очень хорошо: войне конец!

На одной из встреч с командованием союзников генерал-майору Супрунову и некоторым советским офицерам были вручены воинские награды США. Мне был вручен орден Легиона Американской Армии.

ПРОШЛИ ЧЕРЕЗ ВСЕ...

В. П. НАЙДЕНОВ,

бывший командир батальона 1268-го стрелкового полка, майор.

Мне иногда мнится, будто я слышу скрип своих первых офицерских сапог, ощущаю упругость новеньких командирских ремней, свежесть только что полученного обмундирования. В училище мы все мечтали как можно быстрее оказаться на фронте.

Нет, никогда не изгладится память о том первом дне в дивизии. Не забыть нам, ветеранам, горького пота войны, неимоверной усталости после бессонных ночей, той опустошенности после боя, в котором на твоих глазах падали на землю и больше не поднимались твои товарищи, боевые друзья.

В дивизию я прибыл в мае 1942 года и был назначен командиром учебной минометной роты, которая готовила младших командиров. Конечно, рвался на передовую, спал и видел себя в бою. Но начальство осаживало: «Успеешь, молодой, у тебя все впереди...»

Но вот состоялся выпуск младших командиров-минометчиков, и меня назначили заместителем командира отдельного лыжного батальона, а затем командиром третьего стрелкового батальона 1268-го стрелкового полка.

За годы войны бывало разное, удачи и неудачи. Запомнилась одна разведка боем: тогда были взяты в плен два офицера и врач-фельдфебель, которые выложили ценные сведения. Потерь в этой операции мы не имели. Может, поэтому и вспоминается о ней с чувством благодарности судьбе.

Зато в другом бою, под Анновкой, батальон потерял многих своих лучших бойцов. Фашисты хорошо здесь закопались в землю, сосредоточили и замаскировали большую группу тяжелых танков — «тигров».

Приказ освободить деревню получил наш полк, в авангарде которого находился третий батальон. Известно, что на первого, как правило, сыплются все шишки. Когда мы были уже на окраине Анновки, гитлеровцы предприняли яростные контратаки при поддержке танков, о существовании которых мы, говоря откровенно, и не предполагали.

Путь бронированным машинам преградила рота противотанковых ружей, но силы были слишком неравны. Все наши товарищи погибли, но не сделали ни одного шага назад, не отступили.

Все попытки пулеметчиков помочь, к сожалению, не увенчались успехом. Пехота залегла. Атака захлебнулась.

Но после плотной артиллерийской подготовки, с помощью танков Анновку мы освободили. Погибшие наши товарищи были с почестями похоронены в этой деревне.

В этом суровом бою отличились санинструкторы Галя Уколова и Соня Кузьмина: в один из критических моментов девушки подняли бойцов в атаку.

Тяжелыми были бои и за Дубровку. Там меня ранило в голову. А затем мы продвинулись к деревне, которую

почему-то прозвали Дырой, может, за то, что она была разрушена до основания. Подтянулись пушки и началась часовая артподготовка. Затем в наступление пошли сразу три батальона: наш, Берестнева и Репетунова. Нас поддерживали танки и подразделения соседней дивизии.

К деревне решили идти через лес: разведчикам удалось захватить немецкого капитана, а с ним ценнейший оперативный документ — карту с обозначением предполагаемого крупного контрнаступления.

Нащупав проход в стыке танков, батальоны ночью вышли из леса и без большого боя заняли Дыру.

Но противник снова пошел в наступление. На поддержку рассчитывать не приходилось, так как у артиллеристов снаряды были на исходе. Оставалось одно: уйти из деревни и сосредоточиться на высоте, в километре от нее. Там заняли круговую оборону и несколько дней отражали атаки противника. Южнее нас тоже шли кровопролитные бои: слышны были звуки непрекращающейся канонады.

Наконец, поступил приказ наступать на железнодорожную станцию Пригоры, на которой оказались власовцы. Быстро расправились с ними и, перерезав Варшавское шоссе, заняли оборону. Власовские недобитки дважды пытались атаковать, но всякий раз откатывались с большими потерями.

Запомнился из тех боев такой случай. Примерно в трехстах метрах от станции стояла небольшая деревенька, в которой копошились гитлеровцы. Их атаковал соседний полк, но атака оказалась неудачной и он залег. Разведчики Иван Васильев и Иван Митрофанов, обманутые кратковременным затишьем, подумали, что наш наблюдательный пункт находится в деревне, и прямо по дороге направились туда.

Фашисты притаились, надеясь без труда получить «языков». Но на окраине разведчики сообразили что к чему, вскочили в первый дом и стали отбиваться: Митрофанов—из трофейного пулемета, а Васильев—гранатами. В схватке их ранили, но они бились до конца. Затеянная ими перестрелка подняла залегший полк, и стремительным броском деревня была освобождена.

За этот подвиг Иван Васильев был награжден медалью «За отвагу», а Иван Митрофанов — орденом Отечественной войны II степени.

После непрерывных боев в районе города Кричева началась подготовка к форсированию реки Сож. Мы с артиллерией и минометами перешли реку вброд, заняли перед Кричевом какую-то деревню, из которой немцы в панике драпанули кто куда. А потом ворвались на станцию и, отражая контратаки, двинулись в город.

Возле реки Проня долго шли позиционные бои. В середине декабря 1943 года, в схватке за деревню Прилеповка, я был ранен и по выходе из госпиталя, в апреле 1944 года, назначен заместителем командира 1270-го полка по строевой части.

В этой должности я летом 1944 года возглавил операцию полка по захвату переправы через Днепр, чтобы открыть путь наступающим на города Минск и Могилев. Фашисты, к счастью, не успели заминировать мост, и по нему стали переправляться танки, а за ними — пехота.

После освобождения Минска полк срочным порядком был направлен в Самохваловичи на перехват стремящихся выйти из окружения немецких войск. Однажды, как раз во время упорных, кровопролитных боев, командир полка приказал мне выбрать места для засад на предполагаемых направлениях движения врага.

Вместе со мной отправились помощник начальника штаба полка майор Сизов, начальник артиллерии полка майор Подущак, несколько разведчиков и саперов. Занимаясь поиском, мы наткнулись на большую группу немцев. Приготовились было к бою, но увидели, что они идут под белым флагом. Вот и опять повезло, обошлось без кровопролития.

После освобождения города-крепости Ломжа меня направили в Москву на офицерские курсы. В дивизию вернулся к декабре 1944 года и был назначен заместителем командира 1268-го полка по строевой части.

ГАЗЕТА НАША ФРОНТОВАЯ

В. Е. ШУНДРИН,
бывший редактор дивизионной газеты, майор.

Во время войны я был редактором газеты нашей дивизии. Называлась она в духе тех времен — «За Сталина». В моем личном архиве сохранилось несколько пожелтевших от времени номеров за июнь — ноябрь 1943 года.

О чем писала газета?

В одном из них, к примеру, была перепечатана передовая статья газеты «Красная Звезда» под заголовком «Батальонная парторганизация — важнейшее звено в партийной работе». Почти в каждом номере — выдержки из оперативной сводки Совинформбюро. В них отражены в сжатой, но общепринятой в те годы форме события, которые происходили на фронтах Великой Отечественной войны. Их печатали все газеты страны. Ими начинался и кончался день воина, рабочего, колхозника.

22 июня 1943 года в газете появился разворот под броским заголовком: « В боях за Родину, за правое дело врага научились мы бить умело!». На развороте были помещены фотографии воинов, которые отличились в одной серьезной разведывательной операции: старшего лейтенанта Ф. Дегтярева, младшего сержанта Г. Наязнина, красноармейцев С. Емельянова и И. Кичченко.

В нашей дивизии было много мужественных воинов. Красноармеец А. Матюхин видел своими глазами, как жестоко расправляются с пленными советскими воинами фашистские изверги. И как только Красная Армия полностью очистила его родной район от коричневой нечисти, он стал бойцом, чтобы с оружием в руках мстить ненавистным оккупантам.

А. Матюхин делится своей радостью: попал в автоматную роту и ему вручили новенький автомат. Сбылась его мечта. «Теперь,— пишет красноармеец в корреспонденции — я научился мстить, я буду уничтожать фашистов без жалости!»

Вскоре начались наступательные бои. В одном из них автоматчиков встретили пулеметным огнем. Они залегли возле деревни и окопались. По неопытности А. Матюхин плохо окопался. Пули свистели рядом, и ему стало страшно.

Но шли дни, росла боевая выучка. Подразделение вновь пошло в наступление. В этом бою молодой красноармеец вел себя намного увереннее. Шли в атаку цепью. Каждый боец вел огонь на ходу. «Пули рядом визжат,— вспоминал потом А. Матюхин,— а мне не страшно. Раз визжат, значит, летят, мимо, которая в тебя летит — ее уже не услышишь...»

Достойным примером для всех служил бывший коногон шахты имени Максима Горького карагандинец Иван Гаврилович Доренский, который прошел на фронте большую школу военного мастерства. Из рядового бойца он вырос до командира. Сержант С. Ефимов рассказал об опыте и мастерстве ветерана. Начинался материал так:

«Немцы идут в контратаку. Отстоим родную землю!» — прозвучал громкий голос.

Первый номер пулеметного расчета красноармеец Доренский по голосу узнал политрука своей роты Осовского. Подпустив фрицев на близкое расстояние, Доренский открыл ураганный огонь. Цепи немцев стали заметно редеть. Оставшиеся в живых не выдержали и залегли.

В разгар боя осколок мины задел висок Доренского. Обливаясь кровью, отважный пулеметчик отбивал одну атаку за другой. Много гитлеровцев осталось на том рубеже.

В боях за одну из деревень Иван Доренский в числе первых ворвался на ее окраину и огнем из своего пулемета остановил грузовую машину. В неравной схватке советский воин опять вышел победителем».

Под стать пулеметчику Доренскому воевал и младший сержант Т. Фролов. Его письмо в газету редакция опубликовала под заголовком «Два года в боях». Фронтовик писал, что на фронте он с самого начала войны: «За два года на моих глазах произошли большие изменения. Закалились бойцы, выросла и возмужала наша Красная Армия. Боевое крещение я получил под Витебском. Мы тогда с боями отступали. Тяжело было оставлять свою родную землю. В то время я был стрелком. Вспоминается, как мы, пехотинцы, обижались на минометчиков: плохо они стреляли, несогласованно.

Во время переправы через Днепр я был ранен в ногу, подлечился в госпитале и снова — на фронт. Вскоре мне-

ние о минометчиках у меня изменилось: славно они работали! Мины рвались точно в гуще фашистов...

Я был ранен второй, а потом и третий раз. Когда вылечился, меня, по моей просьбе, направили в минометчики. Моя мечта сбылась: я бью фашистов из миномета.

Вот уже два года я воюю. Много немцев побил, но наша задача — уничтожить их всех до единого, и как можно скорее».

Вот еще одно свидетельство мужества, о котором рассказал в «дивизионке» старший сержант Г. Филимонов. «Стойкость» — так названа его заметка, повествующая о схватке подразделения лейтенанта Словохотова с врагом: «Когда немцы стали резать наше проволочное заграждение, красноармеец Манаков и старшина Кудрявцев услышали и тут же доложили своему командиру.

Для проверки лейтенант Словохотов приказал выпустить в указанное место несколько мин. Послышался крик, и артиллерия противника обрушила на взвод шквал огня. Снаряды рвались кучно. Но сквозь грохот прозвучал голос командира:

— Держитесь, товарищи! Стихнет канонада, все — по своим местам. Покажем фрицам, где раки зимуют!

И когда фашисты перенесли огонь в глубину обороны, лейтенант Словохотов приказал:

— По местам! К бою!..

Дружные винтовочные залпы и автоматные очереди нанесли гансам ощутимый урон. С левого фланга добавили огня пулеметчики Савинков и Обилов, справа — пулеметчик Кошелев, а в лоб — Манаков и Кудрявцев. Немцы спешно откатились».

19 октября 1943 года дивизия отмечала вторую годовщину со дня формирования. Большой и славный путь был пройден ее личным составом. Сквозь пламя жестоких боев, через тысячи суровых испытаний гордо и высоко пронесли советские воины свое боевое знамя. В огне кровавых схваток с врагом кричевцы не единожды доказывали превосходство духа советского человека над гнилой моралью гитлеровских захватчиков.

385-я дивизия, беспощадно громя орды фашистских головорезов, с боями прошла тысячи километров, освободив из-под немецкого ига тысячи населенных пунктов, сотни тысяч советских граждан. Беззаветная храбрость и решительность в наступлении, готовность отдать жизнь, но выполнить поставленные командованием задачи — таков нравственный стержень воинов дивизии.

«Наша дивизия,— с гордостью констатировалось в передовой одного номера,— никогда не отступала, не отдала врагу ни пяди родной земли. Железная стойкость, готовность погибнуть, но не сделать ни шагу назад — такова традиция, таков железный закон воинов.

Наши боевые традиции скреплены кровью бойцов, отдавших жизнь за свободу и независимость нашей Родины. И сегодня мы клянемся над прахом героев, что будем множить и свято блюсти боевые традиции части, что и дальше так же высоко и гордо будем нести Красное знамя дивизии, что разгромим и уничтожим врага!»

Как выполнялась эта священная клятва?

Развернем этот номер и внимательным взором окинем его. Старший сержант Ежов пишет, что его минометный расчет прошел с дивизией весь ее большой и славный боевой путь: «В жестоких схватках закалились минометчики, стали подлинными мастерами военного дела. Все бойцы расчета награждены медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги». В боях они действуют слаженно и четко. Особенно отличается наводчик Беспалов: Лишь в одном бою, отражая контратаку немцев, мы истребили свыше пятидесяти фрицев.»

С письмом старшего сержанта Ежова перекликается сообщение сержанта Солопова под заголовком «Прямой наводкой»: «Я командир 45-миллиметрового орудия. На фронте нахожусь два года. Мой расчет участвовал во всех боях, которые вела наша часть.

Наше орудие неизменно сопровождает стрелков, уничтожая огневые точки и живую силу противника. В бою под одним населенным пунктом мое орудие прямой наводкой разбило два немецких пулемета. В другом бою мой расчет подбил немецкий танк и истребил до тридцати гитлеровцев...»

В этом номере есть две подборки информаций с мест под рубрикой «Наши герои», которые коротко и оперативно знакомят нас с геройскими поступками воинов дивизии. Одна из них называется «Подвиг большевика Коломийца»: «Когда огонь двух вражеских дзотов преградил путь нашим стрелкам, то от залегшей цепи отделились четверо: парторг роты Борисов, коммунисты Коломиец, Головин и Воробьев. Под ливнем пуль они подползли к первому дзоту и забросали его гранатами. Дзот умолк, шесть фашистов распростились с жизнью.

Но действовал второй дзот. К нему подполз Коломиец, поднялся и метнул в амбразуру гранату. В тот же миг

вражеская пуля обожгла грудь героя. Дзот еще жил. И тогда Алексей Коломиец упал на него, закрыв своим телом амбразуру. Подоспевшие бойцы расправились с находившимися в нем фашистами.

Герой-большевик Коломиец погиб, но обеспечил успех боя. Наши стрелки овладели населенным пунктом, выполнив поставленную боевую задачу».

В этой же подборке читатели познакомились с отважным автоматчиком Дедюковым: «Тяжелый немецкий пулемет безудержно строчил по нашим стрелкам. Дедюков выдвинулся во фланг пулемету и из ППШ уничтожил его расчет. Захватив пулемет, он вмиг повернул его и стал стрелять в отступающих гитлеровцев».

«Сам погибай, а товарища выручай» — невозможно без волнения читать эту маленькую информацию. Будучи раненым, комсомолец Киселев увидел четырех фрицев, пытавшихся захватить двух тяжело раненых бойцов. Не раздумывая о том, сможет ли он справиться с четырьмя здоровенными фрицами, собрав последние силы, как лев, бросился комсомолец на немцев. Очередью из автомата он уложил всех четырех гитлеровцев.

Схожая ситуация освещается в информации под заголовком «Комсорг Марийченко». До сотни гитлеровцев пытались окружить тринадцать наших бойцов. Положение было критическим. Выбыл из строя командир. Комсорг Марийченко, приняв на себя командование, отразил четыре ожесточенные атаки врага и вынудил его отступить. Только в этом бою отважный воин Марийченко истребил пятнадцать гитлеровцев.

В подборке «Наши герои» газета сообщала о подвиге санинструктора Сони Кузьминой, которую многие бойцы, сержанты и офицеры всю свою жизнь будут помнить с благодарностью: это она не раз спасала их от смерти. Подвиги Сони Кузьминой достойно оценены: она награждена орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу».

Спас своего командира в бою красноармеец Кагиров: Он увидел гитлеровца, который поднял автомат и прицелился во взводного. Отважный воин молниеносно прыгнул к фашисту, выбил из его рук оружие и убил гада. А связной-красноармеец Галкин лицом к лицу встретился с двадцатью немцами. Смельчак не растерялся и огнем из автомата убил десять гитлеровцев, остальных обратил в бегство.

Стало уже традицией, что коммунисты шли в первых рядах атакующих, что они не отступали ни на шаг в обороне. Сержант Рахимов написал в газету о парторге роты сержанте Спиридонове. Когда упоминалось его имя, бойцы с гордостью восклицали: «Наш парторг!». Однажды роте предстояло штурмовать город сразу же после форсирования значительной водной преграды. На партийном собрании были досконально обсуждены все благоприятные возможности успешного выполнения этой нелегкой задачи.

Затем коммунисты довели приказ до каждого бойца, провели беседы по соответствующей тематике. Гнев и возмущение в сердцах слушателей вызвали рассказы о зверствах гитлеровских мерзавцев. Лучшие бойцы решили идти в бой коммунистами. Партийная организация выросла на восемь человек.

Рота отлично справилась с боевой задачей. Коммунисты шли в первых рядах атакующих, увлекая за собой всех бойцов. Умело и мужественно действовал в бою парторг Спиридонов. Схватка была жестокой. Через трупы своих солдат немцы упорно лезли в контратаку. Пулеметный расчет выбыл из строя. Тогда к пулемету ложится парторг Спиридонов. Подпустив гитлеровцев поближе, он обрушил на них ливень свинца. Фашисты не выдержали и откатились.

Подобных примеров в газете много. Журналисты стремились раскрыть подвиг убедительно, чтобы он был примером для подражания. Важной задачей мы считали показ на страницах газеты умелого ведения боя различными родами войск и видами оружия.

Не забывали и так называемую бытовую тему. В одной из газет, например, рассказывается, как сытно и вкусно кормил бойцов и командиров повар Носков. А однажды в течение нескольких дней неподалеку от переднего края оборудовали столовую, в которой была даже тетрадь предложений.

Можно бесконечно листать пожелтевшие страницы родной дивизионной газеты. Каждая заметка, каждая фотография напоминают историю великого народного подвига. Журналисты с блокнотом и винтовкой всегда были там, где трудно, где жарко. Потомки, видимо, еще не раз вернутся к фронтовой печати, находя в ней все новые подробности ратных подвигов советских солдат.

ВСЕГДА НАЧЕКУ

М. И. ЛАЗАРЕВ,

бывший начальник химзащиты дивизии, подполковник.

Я прибыл в 385-ю дивизию в 1943 году из резерва Западного фронта. А до этого был начальником химической службы 28-й отдельной курсантской бригады, которая непосредственно принимала участие в разгроме немецко-фашистских оккупантов под Москвой.

Дивизия как раз вела наступление в составе 10-й армии на город Киров Калужской области. Сразу, с колес стал делиться боевым опытом по применению дымов во время наступления, которые прикрывали подразделения от наблюдения противника, чем уменьшали потери личного состава в бою.

Нам была придана отдельная рота ранцевых огнеметов из армейского резерва. Одной из основных моих забот было правильное их использование в атаке. Но главная задача химиков, как в наступлении, так и в обороне, состояла в защите стрелковых артиллерийских частей, всего личного состава дивизии от возможного химического нападения.

Мои подчиненные вели круглосуточное наблюдение за противником совместно с общевойсковой и артиллерийской разведками, другими подразделениями, чтобы выявить у врага средства химического поражения. Все полученные данные срочно обрабатывались и немедленно доводились по назначению.

Как-то из источников глубокой разведки штаба 10-й армии были получены сведения о том, что в районе Рославля противник расположил химическую станцию, на которой заливают отравляющими веществами бомбы и снаряды. Командование дивизии приняло необходимые меры на случай использования этих боевых средств.

В конце 1943 года из показаний военнопленного, сотрудника Ново-Ржевской фельдкомендатуры, стало известно, что на вооружении германской армии появился новый вид химического оружия.

Пленный также сообщил, что он знает о существовании на фронте специальных частей. Солдаты этих частей пользуются новыми противогазами, которых в тылу нет. Это нас насторожило.

Эта ориентировка была доведена до всего офицерского состава дивизии. Приказом командира дивизии усилено химическое наблюдение за противником, приведены в состояние высокой боевой готовности все средства химзащиты. Так что никакой неожиданности не могло случиться.

При штурме крепости Осовец огнеметчики совместно с группой автоматчиков второго батальона 1266-го стрелкового полка выкурили фрицев из двух дотов, огнем же выжгли противника из траншей и стали его преследовать, развивая инициативу в наступлении и овладении крепостью. Участники боев по освобождению этого хорошо укрепленного узла обороны были представлены к правительственным наградам. Я был награжден орденом Отечественной войны.

ГРОЗНОЕ ОРУЖИЕ — МИНОМЕТ

А. Е. ФИЛИППОВ,

бывший командир минометного расчета, старший сержант.

Успех наступательной операции достигается согласованными действиями всех видов оружия, не последнее место занимают и минометы. 120-миллиметровые минометы — грозное оружие. Мина весит шестнадцать килограммов, летит далеко и разрывается на две тысячи осколков. Предназначается это оружие для разрушения оборонительных сооружений врага, уничтожения живой силы противника и сопровождения пехоты в наступлении. Ставится миномет, как правило, в укрытие, а корректировщик наводит по телефону на цель.

Противник считает первым долгом обезвредить минометы. И тогда начинается артиллерийская дуэль, настоящий огненный ад: наши выстрелы и разрывы снарядов сливаются в один общий вой и грохот.

На подступах к Ломже нам дали пополнение. Я стал командиром миномета, а наводчиком у меня — парень из пополнения Семен Гамов. Он окончил артшколу, получил звание сержанта, но пороха, как говорится, не нюхал. А бои были жестокими, город-крепость фашисты держали крепко.

Установили минометы под небольшим бугорком, вырыли щели. Стали пристреливаться. Противник засек нас и накрыл артиллерийским огнем. Мы замолчали и он замолк. Через какой-то промежуток времени капитан П. И. Тихомиров, ушедший с пехотой вперед, вывел нас и скомандовал:

— К бою! Батарeей, пять мин, огонь!

Едва успели сделать два выстрела, как на нас снова посыпались снаряды. Вижу — Семен испугался, оставил прицел и спрятался в щель. Промедление для нас в том положении было смерти подобно. Я кинулся к прицелу, стал пускать одну мину за другой.

Когда огонь противника несколько ослаб, возле меня появился Семен Гамов с виноватым лицом: видно, дошло до парня, что допустил оплошность. Я приказал подносить мины.

Вскоре батарея противника надолго замолчала. Мы перенесли огонь в тыл немцам. Город Ломжа был освобожден тут мой наводчик встал передо мной навытяжку и попросил:

— Простите, товарищ старший сержант, испугался, но даю слово, что больше такого никогда не повторится...

Простил я его, понял состояние парня. Сказал:

— Верю. Приступай к своим обязанностям.

Что ж, не подводил больше на войне никого и никогда Семен Гамов, до конца сражался без страха, мужественно, как и положено советскому воину.

В Ломже дивизионная комиссия осмотрела наши минометы и некоторые забраковала, потому что за два года войны в их стволах образовались недопустимые зазоры, стрелять из них было опасно. Стволы заменили, и мы продолжали наступление.

Запомнился бой на подступах к Данцигу. На одной из высоток немцы зацепились и заставили залечь наши войска. Ночью капитан Чернов с телефонистом выползли за позиции пехотинцев, заняли подходящее место для корректировки, окопались. Были они расположены в самом пекле предстоящих боев. Утром наш капитан приказал стать к прицелам мне и Денисенко, коротко добавил, что

вызывает огонь на себя. Я многое видел на фронте, любил своего командира за смелость, ум. Понял, что доверяет он нам свою жизнь и телефониста. Похолодела спина.

Огонь вели долго. Но вот послышалась команда «отбой».

С нетерпением двинулись вперед. Чернов встретил нас у высоты. Поблагодарил за хорошее выполнение боевого задания и пригласил подняться на высоту взглянуть на собственную «ювелирную» работу. С возвышенности, на которой особенно сильно пахло гарью от взрывчатки и пороха, было видно множество вражеских трупов.

Глядя на них, я думал о капитане Чернове, который рисковал жизнью, о том, что кто-то из убитых тоже был рабочим или кузнецом, как и я.

Он понял наше настроение и сказал:

— Не мы заставили их воевать, эти вояки получили сполна за свои злодеяния. Нельзя забывать, сколько горя и страданий принесли они нашим семьям, всему советскому народу. Они хотели нас поработить, уничтожить, да не вышло. Наше дело святое, правое.

После взятия Данцига я был награжден орденом Красной Звезды.

СТОЯЛИ НАСМЕРТЬ

А. П. БАННОВ,

бывший командир минометного взвода, лейтенант.

Для меня памятным стало весенне-летнее наступление 1944 года, когда наша дивизия вела бои в Белоруссии. Фашисты сопротивлялись с особой яростью, превращая каждый населенный пункт, каждую высоту в мощные укрепленные районы. Жестокостью отличались схватки с оккупантами в районе восточнее Минска, где была окружена большая группировка вражеских войск.

Наш 1266-й стрелковый полк занимал боевые позиции возле хуторов совхозов имени Калинина и «Красный богатырь». В предсмертной агонии фашистское командование, не считаясь с потерями, делало отчаянные попытки вырвать инициативу из наших рук и вывести оставшихся недобитых вояк из окружения. Известно, как сопротивляется обреченный на смерть зверь. Войска, преследуя отступающих фашистов, ушли на сотни километров вперед, а здесь в тылу бои вели мы.

Командование поставило задачу: не дать соединиться разрозненным группировкам врага, уничтожить его. В этой тактической неразберихе война не имела четкой линии фронта. Враг появлялся то впереди, то сзади, то с любых флангов. Ожесточенные стычки нередко происходили по ночам.

Мы уже умели воевать, был опыт, а уж если дело доходило до рукопашных схваток, то враг отступал обязательно и с большими потерями. Разорвать кольцо окружения фрицам не удалось.

За эту операцию многие советские солдаты и офицеры были отмечены высокими правительственными наградами. Я был награжден орденом Красной Звезды.

В августе 1944 года наши войска вступили на территорию Польши. Таким образом открывался плацдарм для последующего броска к границам самой фашистской Германии. Противник хорошо понимал это, организовав на нашем пути сильно укрепленную оборону. Однако наступательный дух советских воинов был настолько высок, что удержать их было невозможно. Один за другим освобождали они населенные пункты Польши.

В один из январских дней 1945 года (это было уже в Восточной Пруссии) я из наблюдательного пункта командира стрелковой роты корректировал минометный огонь по противнику. Перед ротой стояла задача выбить гитлеровцев из траншей, прочесать лес, выйти на опушку и срочно окопаться.

После соответствующей артиллерийской подготовки, когда были уничтожены наиболее агрессивные огневые точки фрицев, пехота-матушка пошла в наступление. Она успешно подавила сопротивление в траншеях, однако ожившие пулеметы врага сдерживали ее дальнейшее продвижение. Вновь заговорили наши минометы и атака возобновилась.

С задачей своей мы справились: прочесали лес от немецких автоматчиков, окопались на опушке, установили

связь со своей огневой позицией. Командир роты доложил своему батальонному начальству о том, что приказ выполнен, и тут же получил новый — наступать на «барский» двор, т. е. поместье, в котором сосредоточились танки и пехота противника.

Наша пехота небольшими группами стала продвигаться вперед короткими перебежками. Из бойниц в заборе «барского» двора застрочили крупнокалиберные пулеметы. Пехоте пришлось залечь, потому что огонь был слишком плотным. Тогда пулеметами занялась моя минометная рота, и они замолчали.

Я приподнялся, чтобы осмотреться, и... Когда очнулся, то обнаружил, что присыпан плотным слоем земли, открыв глаза, рядом обнаружил телефонистов, они тоже были контужены. Вскоре прибежал командир роты со связистами и новым телефонным аппаратом. Бой продолжался. Раненых отправили в санбат, а я остался в роте. Недели через две стало проходить заикание, постепенно восстановился слух.

В марте 1945 года 1266-й стрелковый полк, в состав первого батальона которого входила наша минометная рота, продолжал наступление по Восточной Пруссии. Повсеместно гитлеровцы оказывали яростное сопротивление, предчувствуя свой бесславный конец.

А через месяц, в середине апреля рота получила приказ: вместе с пехотным подразделением форсировать Вест-Одер, закрепиться на одной из дамб, удержать занятый плацдарм, а затем вести наступление.

Скрытно подготовившись к форсированию, расчетами погрузились в лодки и направились к противоположному берегу. Не успели проплыть и трехсот метров, как над рекой повисли осветительные ракеты, а затем начался методический обстрел. По мере приближения к берегу шквал огня нарастал, однако мы все же высадились, выгрузили свои минометы. В это время подошли другие лодки с пехотой и пулеметами, с расчетами 45-миллиметровых пушек.

Гитлеровцы яростно сопротивлялись, пустив в ход фауст-патроны, огнеметы, большое количество стрелкового оружия. Однако все их попытки сбросить нас в реку были отбиты.

Двое суток наша рота вела бои на дамбе. Все это время немецкая артиллерия обстреливала занятый нашими войсками небольшой плацдарм снарядами разного назначения. Наконец, прибыло подкрепление, и дамба была освобождена, завершилось форсирование Вест-Одера.

Советские воины продолжали наступление, громя немецкие войска. 3 мая мы встретились с войсками союзников. В этот день у всех было приподнятое, радостное настроение: все понимали, что скоро, очень скоро сбудется солдатская мечта о победе.

Мы с глубокой печалью почтили память своих боевых товарищей, которые не дожили до этого светлого дня. Много воинов 385-й стрелковой дивизии, в том числе и воинов 1266-го полка, отдали самое дорогое — жизнь на этом последнем рубеже. Отдали ее ради мира, ради светлого будущего.

ПОД ЯРОСТНЫМ ОГНЕМ

Ф. А. КОНДРАТЕНКО,

бывший командир взвода, младший лейтенант.

Еще с вечера погода резко ухудшилась. Небо густо заволокло хмурыми тучами, и повалил пушистый, мягкий снежок, который все затянул белой пеленой. Негустой туман полз от Прони. Да, март 44-го не баловал.

Стояла тишина. Лишь редкие выстрелы раздавались в стороне деревни Антоновка: там находился передний край обороны противника.

Медленно, как бы нехотя, занималось неприветливое утро.

В глубоких окопах, вырытых на небольшой поляне между рощами, его встречали пехотинцы и расчеты роты противотанковых ружей 1266-го стрелкового полка. Продрогшие, изнуренные беспрерывными трехдневными боями, все смертельно устали. Хотелось привалиться к стенке окопа и закрыть глаза.

Вдоль линии обороны неторопливо шагали три человека: командир роты ПТР старший лейтенант Уткин — высокий, статный мужчина с внимательным взглядом серых глаз; командир взвода лейтенант Сердечный — он был строг с подчиненными, но отличался большой справедливостью, солдаты его любили за предусмотрительность и личную отвагу в бою; третьим был связной.

Старший лейтенант Уткин заглядывал в лица своих подчиненных тепло и внимательно. И этот безмолвный разговор вселял силы и бодрость. Солдаты зашевелились, некоторые охотно тянулись к его кисету. А старший лейтенант шел к следующему расчету, отметив в памяти все необходимое. Лейтенант Сердечный своим внимательным и придирчивым взглядом все замечал и тут же выдавал нерадивым положенное и приказывал немедленно устранять недостатки.

Многие из нас были уже опытными, обстрелянными воинами, а вот в пехотный батальон несколько дней назад влилось много новичков. Большинство — молодые колхозники. Настроение у них было приподнятое, боевое — встретились со своими земляками, которые уже успели повоевать, получить награды.

Батальон, который должна была поддерживать в бою рота ПТР, занял траншеи незаметно, но к утру был обнаружен противником. Поэтому командование решило ускорить события. Началась артподготовка: воздух дрогнул, колыхнулся от залпа батарей. Показалось, что там, на косогоре, по всей линии фашистской обороны динамитом рвут скалы. Взвыли «катюши», и десятки огненных хвостов рванулись в сторону гитлеровцев.

В хмуром небе на мгновение застыла красная ракета и, распустившись ярким цветком, стала опускаться. Раздался призыв «За Родину, вперед!», и вслед за ним покатилось над цепью атакующих многоголосое «ура!»

Прижимая к боку сумку с патронами и снайперскую винтовку, стараюсь повыше задирать вязнущие в глубоком снегу ноги, чтобы не отстать от своего первого номера, который бодро несет тяжелое ружье. Бежим, да, все-таки бежим, не по-чемпионски, конечно, но быстро. Все громче стук фашистских пулеметов.

Над полем поплыла снежная пыль с песком, взметнувшаяся от разрывов снарядов и мин. Фашисты неистовствовали. Заградительный огонь был таким сильным, что атакующие вскоре залегли у проволочного заграждения и стали окапываться.

Ранило Уткина. Оставшийся за командира лейтенант Сердечный собрал взводных:

— Товарищи, через тридцать минут пехотный батальон повторит атаку. Надо приложить все силы к тому, чтобы поддержать их, помочь им ворваться в первую траншею.

Ясно? Сигнал — зеленая ракета.— Он помолчал, прислушиваясь к какофонии перестрелки, потом очень спокойно спросил:

— Сумеете выполнить задачу?

— Сложно, но выполним,— ответил старший сержант Овсянников, заменивший во взводе лейтенанта.

— Да, очень сложно,— согласился Сердечный. — И огонь плотный, и люди в батальоне необстрелянные. Но надо собраться с силами и так ударить фрицев, чтобы они побежали без оглядки. В этом наш долг перед партией, перед Родиной. Как только батальон пойдет в атаку, бейте по огневым точкам противника...

Когда взвилась зеленая ракета, послышалось громкое «ура!» — солдаты поднялись в атаку. Ожили огневые точки врага. В ответ заговорили противотанковые ружья. Овсянников скомандовал:

— По амбразуре пулеметного дзота, огонь!

Раздалось несколько залпов, и дзот замолчал. Вижу — поднялся немецкий офицер, видимо, собираясь дать команду. Я мстительно подумал: «Ну, гад, прощайся с белым светом!» и выстрелил. Офицер рухнул, как подкошенный. Вторым выстрелом я уничтожил пулеметчика. А всего за этот бой счет убитым немцам был доведен до пятнадцати.

— За мной, в атаку! — это крикнул Овсянников, и солдаты устремились за командиром. Вместе со всеми я бежал, подхватив всей мощью глотки несокрушимое наше «ура!» Перед траншеей замер на миг, хотел метнуть гранату, но вовремя спохватился, увидев перед собой белые маскхалаты своих боевых товарищей. Гремели винтовочные выстрелы, автоматные очереди, рвались гранаты.

А за траншеей ожили дзоты. Надо уничтожить! Овсянников быстро выбрал удобную позицию и открыл огонь. Он бил спокойно и точно. Пулемет противника умолк, и пехотинцы снова двинулись вперед.

Правее нас снова заговорил вражеский станковый пулемет. Я приготовил гранату, однако Овсянников протестующе взмахнул рукой и сказал, внимательно глядя вперед:

— Где-то здесь у них есть еще один дзот, двухамбразурный. Сейчас он молчит, выжидает момент. Сделаем так...

Из-за ближнего бугорка снова затрещали выстрелы. Сержант, вжимаясь в землю, пополз в его сторону. Заговорил еще один пулемет, с другой стороны. Медлить было нельзя. Одним махом подскочил Овсянников к дзоту, подполз к амбразуре и бросил в нее две гранаты. Раздались взрывы, и пулемет заглох.

Вырвавшись вперед, наш взвод оказался в сложной ситуации — нас могли отрезать с флангов. Приказав занять оборону, пока пехота ведет бой в траншеях и ходах сообщения, комвзвода позвал меня:

— Разыщите Сердечного, вручите это донесение и пулей — сюда!

Укрываясь в ложбинках за бугорками, я быстро разыскал наблюдательный пункт нашей роты и вручил Сердечному записку. Прочитав, лейтенант приказал:

— Летите к Овсянникову и передайте, чтобы он занял новую позицию — вон там, на скате лощины. Ясно?

— Ясно!

— Смотрите в оба. Будьте осторожны, сами не попадите в ловушку. Помните, от нас зависит успех всего взвода...

На обратном пути наткнулся на немецкие пулеметные расчеты, хорошо — не заметили. Оценив обстановку, залег за бугорком, из-за которого просматривались оба пулемета. Не подвела меня моя снайперская винтовка: четыре выстрела попали в цель! Путь свободен!

Новый рубеж взвод Овсянникова занял вовремя: на старый участок обрушились бронетранспортеры.

Фашисты несколько раз бросались в яростные контратаки, но откатывались назад с большими потерями. Много погибло и у нас. Осколком снаряда меня ранило в кисть левой руки. Наскоро перевязав пальцы, я продолжал стрелять. А к вечеру противник подтянул батарею минометов.

В одну из коротких передышек на опушке леса остановился наш бронетранспортер. Кого он привез? Из машины выскочил начальник политотдела дивизии и, быстро одолев простреливаемый участок, спрыгнул в траншею.

Все, кому приходилось встречаться с начальником политотдела, прониклись к полковнику Михайлову особой симпатией. Он никогда не прятал глаз, не скрывал от солдат даже самую горькую правду, но в его словах всегда звучала какая-то особая сила, убежденность. Бойцы, давно воевавшие в дивизии, не раз встречались с полковником и знали, что начальник политотдела не только имел высшее военное образование, но и большой опыт партийно-политической работы в войсках.

Тактичный, всегда доброжелательный к хорошему солдату, он был чрезвычайно строг с теми, кто отступал от

уставных требований. Бойцам нравилось, что он был веселый, бодрый, подтянутый, аккуратно одетый. Уже один комиссарский (как тогда говорили) вид внушал к нему большое уважение. Вот и сейчас бойцы сразу стали подтягиваться к нему. Сколько раз, обращаясь к нам, коммунистам и комсомольцам дивизии, полковник говорил: «Вы должны быть там, где решается исход боя, и вдохновлять воинов на подвиги партийным словом и личным примером». И вот теперь сам пришел сюда, где было горячо, где шел решающий бой.

Увидев знакомых бойцов, Михайлов улыбнулся, спросил:

— Как, товарищи, проявляет себя молодое пополнение?

— Хорошо, товарищ полковник. Народ будто ничего. Молодые солдаты навострили уши: речь-то о них.

— Правильно, смелый, сильный народ. Только необстрелянный. Но, думаю, фашистам достанется сегодня?

Полковник взял свободное противотанковое ружье, осмотрел его, стал устраиваться поудобнее: немцы, в который уже раз, пошли в атаку.

— Кондратенко,— обратился ко мне лейтенант Сердечный,— патроны полковнику!

Я взял из ниши сумку с патронами и положил возле начальника политотдела. Он спокойно зарядил ружье и стал стрелять по бронетранспортерам с автоматчиками, которые двигались к нам от Антоновки. Стрелял до тех пор, пока враг не залег. Только тогда оторвался от ружья и громко проговорил:

— Молодцы! Вижу, что не напрасно вы потели на учениях. Противника отражаете грамотно. Так держать!

Следующая контратака была, пожалуй, наиболее яростной из всех предыдущих. Пехоту противника активно поддерживали минометно-артиллерийским огнем, танками, самоходными орудиями, бронетранспортерами с автоматчиками. Пьяные гитлеровцы, громко матерясь, лезли напролом, ведя беcприцельный пулеметно-автоматный огонь, уверенные в том, что раздавят, опрокинут нас.

Но и на этот раз наша рота, вернее ее остатки, и батарейцы выдержали, выстояли, отбросили противника. К тому же подоспели на помощь «катюши».

В том бою полегло много моих боевых товарищей. Заменяя погибших, мне приходилось вести огонь и из пушки, и из ПТР, а потом и из «максима».

За этот памятный бой я был награжден медалью «За боевые заслуги».

В деревне Антоновка похоронены наши боевые товарищи. На братской могиле установлен памятник, фотографию которого я храню как самую дорогую реликвию...

ЭХ, ДОРОЖКА, ФРОНТОВАЯ

А. К. МАХАНЬКО,

бывший военный водитель, рядовой.

Фронтовые дороги, какими трудными и опасными они были. Знаю это по себе, потому что был на фронте шофером, возил боеприпасы, раненых, участвовал в десантных операциях. Исколесил на своем ЗИС-5 тысячи километров. Не по ровной асфальтированной магистрали, а по бездорожью, порой болотами, через траншеи, воронки, рытвины, ухабы, минуя минные поля. Как мы угадывали, что на пути спрятана мина, не знаю, но вот ведь всю войну провоевал и живой остался. Значит, чему-то научился, что-то знал.

Грузовик — хорошая мишень, спрятать ее не так-то просто. Порой, чтобы замаскировать машину, в которой лежат патроны, снаряды, то есть все, от чего зависят и успех боя, и жизнь бойцов, приходилось затрачивать сверхчеловеческие усилия.

От шофера требовалось многое: держать машину в исправном состоянии, да так, чтобы она не подвела в тяжелую минуту, уметь отлично водить ее. Владеть не только личным оружием, но и самим собой. Видеть дорогу насквозь, так, чтобы объехать мины и благополучно доставить груз к месту назначения. Да еще и за воздухом следить.

Помню зиму 1942 года. Морозы были лютые, часто мели метели, засыпая дороги снегом. Села по пути сожжены, разрушены.

Отдохнуть или погреться негде. Жили под открытым небом, но, удивительное дело, никто не жаловался на мороз, на холод. Что нас согревало? Трудно сказать, но кажется мне, что ненависть к гитлеровским захватчикам буквально жгла наши сердца и души. Ездить, особенно в

первые годы войны, приходилось в основном ночью, потому что немецкие стервятники гонялись не только за машиной — за отдельным человеком. Но потом наши соколы утерли им нос.

Автомобили изнашивались, ломались. Запчасти поступали очень редко. Одна надежда была на трофейные машины — отвинчивали все, что можно было отвинтить, и ставили на свои. Был такой случай. На нейтральной полосе, в реке Проня, увязли две автомашины нашего производства, но брошенные немцами.

Мы решили снять с них кое-какие части. Но как это сделать, если машины под водой? Со старшиной Губановым решили рискнуть. Взяли нужный инструмент и пошли, хотя нас отговаривали бойцы, находившиеся на переднем крае: это место немцы все время держали под обстрелом.

Мы дождались, когда, по нашим наблюдениям, фрицы делали «перерыв» на обед, и под прикрытием автоматчиков направились к машинам. На месте стало ясно, что за короткое время невозможно отсоединить коробку скоростей от двигателя. Решили разбить кожух коробки. Но как? Ведь она находится в воде, и всю работу надо делать лежа или стоя на коленях.

Стук ударов вода глушила, зато с каждым ударом поднимался водяной столб, который мог нас выдать. С большим трудом отделили вторичный вал, а затем и другие части. Промокли до ушей, замерзли, потому что дело было поздней осенью, но свою машину все же отремонтировали.

Летом 1944 года командование дивизии организовало рейд в тыл врага. На автомобилях, с десантом автоматчиков и противотанковыми пушками, влетели в одну из деревень. Немцы, конечно, не ждали нас и стали в панике разбегаться, бросая оружие...

Часто в кругу своих однополчан я вспоминаю слова песни про фронтовых водителей:

> Путь для нас к Берлину, между прочим,
> был, друзья, не легок и не скор.
> Шли мы дни и ночи,
> трудно было очень,
> но баранку не бросал шофер...

Да, было трудно, но мы крепко держали баранку и, в конце концов, разгромили логово фашистов и вместе с боевыми товарищами отпраздновали Победу.

НА ВОЙНЕ КАК НА ВОЙНЕ

Н. Е. КОВАЛЕВ,

бывший пулеметчик, старший сержант.

Перед наступлением под Чаусами нашему полку была поставлена задача — уточнить огневые точки противника и добыть «языка». Задание сложное и чтобы его выполнить, пришлось прибегнуть к маленькой военной хитрости. Одна группа разведчиков ночью скрылась под пролетами разрушенного моста. Разведчики начали стучать саперными лопатами, топорами, громко переговариваясь: это должно было означать, что здесь сколачиваются плоты для переправы.

Противник не стрелял, ожидая, когда плотогоны покажутся из укрытия. А мы в это время переправились на другой берег выше.

Осторожно вышли в расположение противника и внезапно навалились на зазевавшегося фрица. Взяли его без шума, а уж доставить «языка» в расположение наших войск — дело техники.

Ушли не все, оставили группу прикрытия, которая устроила потом «концерт». Вскоре в том месте, где был схвачен «язык», начался тарарам, и это позволило нашим наблюдателям зафиксировать огневые точки противника.

Я часто с благодарностью вспоминаю своего командира взвода Петра Николаевича Ванюкова. Родом он из Архангельской области. С первых дней войны находился на передовой, участвовал в боях под Смоленском, Вязьмой, Москвой. Имел богатый боевой опыт, которым щедро делился с нами. Вся грудь его была украшена орденами и медалями. Орден Александра Невского ему вручал в Кремле сам Всесоюзный староста Михаил Иванович Калинин.

Благодаря взводному, я и мои товарищи не раз, как говорится, уходили от смерти. Запомнился бой под Петуховкой. Преодолев заболоченную равнину, мы получили приказ окопаться за железнодорожной насыпью, однако сделать этого не успели, так как противник вдруг пошел в атаку. Видя растерянность бойцов, Ванюков принял всю

силу удара на себя, отвлекая тем самым губительный огонь от основных сил.

В том бою наш командир был ранен, его подвиг во имя своих товарищей, во имя успеха операции глубоко потряс бойцов. Вот уж поистине — сам погибай, а товарища выручай.

Освободив Чаусы, мы устремились вперед. Почти сходу преодолели реку Реста, а затем в районе деревни Дашковка под свинцовым смертоносным дождем форсировали Днепр и долго еще сдерживали натиск фашистов, пытавшихся сбросить нас с плацдарма.

В том бою погиб мой второй номер Г. А. Денисенко, и тогда его место занял наш командир Ванюков.

По всем дорогам войны теряли мы боевых товарищей, но дух наш врагу сломить не удалось.

Наш полк в сражениях захватил много техники и боеприпасов, а однажды захватил «душегубку», в которой газом травили людей. Около машин лежали трупы. Как сейчас вижу лица своих товарищей, до белизны в суставах сжимавших оружие...

Запомнился бой восточнее Минска. Мы внезапно вышли на большое скопление фрицев и завязалась рукопашная схватка. В ход пошли даже саперные лопаты. В том жестоком бою фашисты насели на командира полка Ф. В. Коновалова, радиста и связного. Их окружили и видно было, что отражают они вражеские наскоки из последних сил. На помощь бросился начальник штаба Мастьянов и несколько солдат: мы освободили своих товарищей и командира.

Наступление восточнее Минска было настолько стремительным и неожиданным, что, когда наш батальон оттеснил, загнал врага в болото, груз, сброшенный самолетами противника, попал не по назначению, а к нам. В ящиках находились боеприпасы, продовольствие.

Не менее ожесточенно враг сражался в Польше и Восточной Пруссии. Так, под городом Ломжа пришлось выбивать фрицев из каждого блиндажа, из каждой воронки.

В районе Данцига, возле аэродрома ночью пошли в разведку под командой старшего лейтенанта П. Н. Ванюкова и без труда взяли в плен двух фашистов. Я и Никитин доставили их на наблюдательный пункт. Возвращаясь на старое место, услышали немецкий говор, а около домов увидели немецкие бронемашины. Стало уже светать и медлить было некогда. Завязался бой, фашистам не удалось напасть внезапно. Вовремя подоспела помощь, было подбито три бронемашины, неприятель обратился в бегство.

В Данциге нам выпала почетная миссия — мы освободили из неволи советских военнопленных, а фашистов загнали в лагерь. Со слезами к нам обращались изможденные люди, многие не могли стоять на ногах. Сердце сжималось от боли...

Мне довелось встретить Победу, день встречи с союзными войсками был для нас последним днем войны.

Я — «БЕРЕЗА»

Б. С. ОРЕШКИН,

бывший командир линейного отделения телефонистов, старший сержант.

Ранней весной 1944 года — помнится, снег лежал еще под деревьями — прибыли мы в дивизию. Обстрелянные, бывалые солдаты возвратились из госпиталей на фронт. После перекура нас построили на поляне густого елового леса. Подъехала легковая машина. Из нее вышел подтянутый, среднего роста, генерал. Поздоровался, объявил название и номер дивизии, коротко, но очень выразительно обрисовал ее боевой путь, потом спросил:

— Кто из вас раньше служил в нашей дивизии?

Откликнулось несколько человек. Генерал приказал им выйти из строя, с каждым в отдельности поговорил, уточнил, в каких подразделениях воевали. Вот так просто стоял генерал и разговаривал с рядовыми. Такое не часто доводилось видеть и скажу откровенно, мне пришелся по душе прием, который оказал генерал солдатам...

Такой была моя первая встреча с дивизией, с людьми, которые стали для меня самыми близкими и дорогими фронтовыми товарищами.

Едва затихли звуки мотора генеральской машины, нас плотно обступили «покупатели», как в шутку называли тогда представителей частей и подразделений, прибывающих за пополнением. Посыпались вопросы:

— Артиллеристы-сорокапятчики есть?
— Саперы, выходи!
— Связисты имеются?
— Есть связисты! — бодро откликнулся я, подтолкнув локтем своего закадычного дружка Лешку Ожогина, с которым вместе пришел в запасной полк из партизанского отряда, действовавшего в Шумячском районе Смоленской области.

— Где раньше служили? — спросил меня худенький лейтенант в огромной, не по росту плащ-палатке. Не знаю почему, но мне он сразу пришелся по душе. Глаза у него были такие... добрые, что-ли, сочувствующие, поддерживающие. Ответил с улыбкой:

— Окончил полковую школу младших командиров-связистов еще в кадровой армии, накануне войны.
— Что такое УНФ? — прищурился лейтенант.
— Телефонный аппарат, унифицированный, фонический! — единым духом выпалил я.
— Молодец, связист! Идешь со мной. И ты тоже,— кивнул он Лешке Ожогину, который, замечу по секрету, никогда и телефонной трубки в руках не держал.

Так мы стали бойцами роты связи 1268-го стрелкового полка 385-й дивизии. Через день-второй наш хитрый лейтенант Зацепилов устроил мне «приемные экзамены». В одной из землянок, которых было много вырыто на берегу реки Проня за время нашего вынужденного стояния в обороне, он поставил передо мной телефонный аппарат и, кивнув на незнакомого солдата, приказал:

— Объясни ему устройство и научи пользоваться. А я прилягу, потому что ночью было не до отдыха.

В армии тех времен не говорили «спать» или того хуже, «дремать». В армии никто не спит и не дремлет. В армии только отдыхают.

Я усмехнулся про себя «дипломатическому» ходу командира взвода, который прилег на нары, укрывшись шинелью, и принялся наставлять незнакомца.

— Телефонный аппарат состоит...— начал я свой урок, краем глаза поглядывая на лейтенанта. Убедившись, что перед ним не самозванец, он бодро поднялся с нар и удалился, сославшись на неотложные дела.

В тот же день меня назначили командиром линейного отделения телефонистов, в круг обязанностей которого, как разъяснил лейтенант Зацепилов, входило обеспечивать связь между штабом полка и командным пунктом одного из батальонов.

К сведению скажу, что телефонисты линейного взвода связи так же, как и радисты, прикомандировывались к стрелковым батальонам и находились всегда на командном пункте комбата. Там мы днем и ночью дежурили у аппаратов, там жили и кормились.

— «Береза», а «Береза»,— шелестел в ночи приятный девичий голосок. — Как там у вас?
— Все спокойно,— отвечает мужским голосом «Береза». — А у вас?
— Пока спокойно...
— Прекратить разговорчики! — вмешивался начальственный бас. Диалог телефонистов прерывался, и на линии опять слышались только тревожные шорохи. Они были как дыхание ночи.

На фронте линии телефонной связи, как правило, закольцовывались. С любым батальоном можно было говорить из штаба полка напрямую, через соседний батальон, а то и полк. Поэтому все, кто дежурил у аппарата, могли слышать друг друга без помех.

Дежурному полагалось не отрывать телефонную трубку от уха. Но не держали, конечно, занятие не легкое — высидеть несколько часов в таком положении, а подвешивали на тесемочке или бинте.

Сидит солдат-телефонист в комбатовском блиндаже, письмо домой сочиняет или сухарик жует, а телефонная трубка, как большая серьга, висит возле уха. Стоит командиру полка в штабе слово вымолвить — сейчас же откликнутся все батальоны. Звонков, зуммеров никогда не использовали, хотя они и были. По соображениям маскировки.

Отвечать на вызов необходимо мгновенно:
— «Я — «Береза»!
Или:
— «Береза» слушает! — И тут же следовал ответ на запрос из штаба или командного пункта полка. Такие проверки устраивались довольно часто, по нескольку раз в сутки. Это когда не было боя, когда полк стоял в обороне.

В наступательном бою все иначе. Тогда телефонист с аппаратом мчится вслед за комбатом, бросается на землю возле него и всегда готов по первому требованию передать ему трубку для разговора с вышестоящим начальством или вызова штаба, если требовалось поддержать батальон огнем или пехотой.

Беда, если в таких вот экстренных случаях связь нарушится.

Противник наседает, его нужно остановить артиллерийским или минометным огнем, а передать эту просьбу командованию комбат не может: телефон мертв!

Нет, не позавидуешь в эти минуты связисту.

Его клянет не только сам командир батальона, но и рядовые бойцы ругают на чем свет стоит.

И вылазит связист из воронки, ползет по чистому полю, а пули свистят, осколки мин и снарядов роют землю прямо под носом. Ползет он, ищет обрыв на проводе. Находит и торопливо связывает концы, подключает аппарат и со вздохом облегчения прислушивается к голосам командиров. А если телефон не отзывается, то снова ползет, пока не обнаружит второй, а то и третий обрыв. Немало нашего брата-связиста полегло на полях войны.

Выбив противника с занятых им рубежей, стрелковые роты продвинутся вперед, а связисты еще раз пройдут тем путем, который уже прошли все, чтобы смотать провода на катушки. А потом подхватятся бежать за своим батальоном и опять обеспечивают его связью.

Так работают связисты на фронте. Они не бросаются в атаку с винтовкой наперевес. Им не приходится стрелять из пушек. Но им тоже приходится, не считаясь со смертельной опасностью, бежать или ползти под огнем, выполняя свои обязанности. Ничего не поделаешь: такая наша работа.

Как-то летом 1944 года лейтенант Зацепилов, вернувшись из штаба полка, совсем не по-военному взял меня под локоть:

— Ты, сержант, человек у нас новый,— начал он доверительно. — Тут, понимаешь, ответственное задание предстоит, разведка боем...

До этого дня я уже не раз бывал в боях в качестве солдата-пехотинца, не раз приходилось ходить в атаки. И в сорок первом году под Вязьмой, и в партизанском отряде. Но что такое разведка боем, на своей шкуре еще не испытал.

— Это, если говорить коротко,— инструктировал меня лейтенант Зацепин,— бросок на передний край противника малыми силами с целью раскрытия системы его огня. Ты атакуешь, противник палит по тебе, а артиллерийские наблюдатели и командный состав в это время засекает точки, откуда стреляют...

Я сказал, что понимаю, что всегда готов выполнить любое задание.

— Вот и хорошо, вот и ладно,— одобрил он. — Бери людей, две катушки, два аппарата и... марш за мной!

В своем отделении я хорошо знал только Лешку Ожогина, остальные ребята пришли буквально за день до этого, но война — не место для долгих бесед.

Топая вслед за лейтенантом, мы прошли лесом километра два и остановились возле высокого дерева, к стволу которого были прибиты деревянные планки в виде ступенек: они вели к настилу в кроне, где находились наблюдатели со стереотрубами. По указанию лейтенанта я укрепил конец провода, вскинул на спину катушку и пошел за ним. Идущие сзади бойцы моего отделения закрепляли провод на ветках деревьев.

Шли быстро и молча.

Неожиданно лейтенант остановился. «Мины»,— со страхом прочитал я надпись на фанерной дощечке, которая была подвешена на проволоке, натянутой поперек нашего пути.

Сразу за табличкой начинался лесной завал метров тридцати шириной. Деревья лежали друг на друге, переплетаясь ветвями, пряча от нас свою ужасную тайну. Там, среди них, притаилась смерть...

На всю свою жизнь запомнил я минуты, когда стоял перед завалом. Понятно, что произошла ошибка, кто-то не позаботился сделать проход между минами, и нам, чтобы протянуть линию связи от наблюдательного пункта на дереве к нашей передовой траншее, в которой находилась рота, назначенная в разведку, придется сделать крюк.

Я смотрел на своего командира, и в какое-то мгновение увидел в его глазах растерянность, тут же, впрочем, сменившуюся холодным блеском решимости.

— Вперед! — скомандовал он мне и рукой махнул в сторону завала.

Приказ есть приказ, и я, не раздумывая, перешагнул через проволоку и табличку с одним словом на ней: «Мины».

Перешагнул и сразу почувствовал странное облегчение. Здесь, за проволокой, на минном поле, я был один на один с врагом: я и мины, больше никого. Никто, кроме меня самого, не мог, не имел права командовать мной, тем более, торопить. Эта мысль успокоила меня.

Теперь только от меня зависит, буду я жив или погибну, сумеем мы протянуть кабель к роте или не сумеем и сорвем разведку боем или не сорвем. Сознание высокой ответственности обострило все чувства.

Это, по всей вероятности, понимали и мои товарищи, которые молча стояли за магической чертой. Я выдохнул воздух и уставился в землю, чтобы сделать еще один шаг, теперь уже по минному полю...

Приблизительно в двух метрах от проволоки торчал большой, в два обхвата, пень. «В него-то уж мину не запихнешь»,— подумал я, осторожно приблизился и встал на него. Теперь надо было очень внимательно осмотреться и наметить маршрут. Идти по стволу поваленного дерева опасно: к нему могли привязать мину. Шевельнешь, и... готово!..

И тут с пня я разглядел тонюсенькую проволочку. Всего каких-нибудь десять сантиметров ее торчало над серо-зеленым мхом. «Вот она, голубушка!» — со злобой и нежностью сообразил я, обернулся и показал на мину Лешке Ожогину, который топал за мной след в след.

Через несколько метров я остановился и воткнул в землю маленькую сухую веточку: это была вторая мина. Глазами я указал Лешке и на нее...

Дело пошло!

Выходит, если не спешить да навострить глаза, то по минному полю все-таки можно идти!

За Лешкой Ожогиным пошли два бойца из моего отделения. На своем пути я увидел еще три тонких проволочки от мин натяжного действия, а когда поднял голову, то увидел, что до конца завала оставалось совсем немного. И тут меня остановил испуганный голос одного из бойцов:

— Где она? Не вижу!..

Он шел четвертым или пятым. За ним стоял еще один парень с округлившимися от страха глазами. А на первом большом пеньке топтался офицер, начальник связи дивизии, как потом я узнал.

— Стой, не шевелись! — воскликнул я. И тут вдруг рвануло... Черный огромный куст взрыва подбросил вверх что-то темное вместе с темными же комьями земли. Ударила взрывная волна, но я, к своему удивлению, остался стоять на ногах. Осмотрелся: Лешка с бледным лицом был рядом. На пне покачивался из стороны в сторону офицер. Голова его была в крови. Он сошел с пенька, сделал шаг-другой, потом вернулся, поднял свой автомат и, только когда перешагнул через проволоку, повалился на руки стоявших за ней людей.

Все это запомнилось мне так четко и ярко, будто на цветной фотографии.

Не знаю, как мы с Лешкой доплелись до конца минного поля, не помню, как перешагнули такую же проволоку с такой же самой фанерной табличкой, на которой тоже было написано «мины».

Сзади, на минном поле, раздался стон раненого. Это был боец нашего отделения.

— Эй, сержант! — крикнул кто-то с той стороны завала. — Вытаскивай раненого...

— Идем,— сказал я Ожогину, и мы снова шагнули к проволоке с фанеркой, на которой значились всего четыре буквы: м-и-н-ы. Но тут донесся чей-то еще более властный голос:

— Куда? Отставить!

Признаюсь: нас не пришлось уговаривать. Оглушенные взрывом, потрясенные до глубины души, мы спустились в траншею, где собралась назначенная в разведку рота. Присели у стенки и молчаливо, сосредоточенно курили одну за другой самокрутки с крепчайшей махоркой.

Наконец саперы благополучно сделали проход в минном поле, кто-то протянул линию связи, мы присоединили к проводу свой, с уцелевшей катушки, и пошли вместе с ротой через кустарник, вытянувшийся перед траншеей, через луг с молодой еще, весенней травой в лобовую атаку на траншеи и дзоты врага, которые находились на другом берегу Прони. Там не умолкали пулеметы и автоматы...

Отходили мы на свои старые позиции уже в темноте, глубоким вечером.

Утром началось наступление по всему фронту. Полк ушел вперед, а мы, линейные связисты, остались, чтобы смотать провода и похоронить павших товарищей. Их было двое. Я химическим карандашом старательно вывел их имена и фамилии на фанерной дощечке, с обратной стороны которой было всего лишь одно слово: «Мины».

Очень жаль, что фамилии погибших не сохранились в памяти. Не было у меня тогда ни записной книжки, ни простого листка бумаги, чтобы записать. Были только автомат, пара ручных гранат да катушка с телефонным кабелем. И деревянный ящичек с телефонным аппаратом.

Бойцы роты связи собирались вместе разве только тогда, когда полк находился в походе. Радостно было увидеться с теми, кого узнавал до этого лишь по голосу да скупым, лаконичным, закодированным переговорам, вроде:

— «Береза»?

— «Береза» слушает...

Передвигался полк, как правило, ночью. Преследуя отступавших фашистов, приходилось преодолевать тридцать, сорок и даже пятьдесят километров в день. Порой мы топали по восемнадцать — двадцать часов в сутки.

Отступая, противник яростно огрызался. Запомнился один из боев. Нужно было обеспечить связью ушедшие вперед батальоны, а у нас тяжелые катушки с кабелем вымотали все силы. И тогда командир роты связи капитан Сергеев, сидя верхом на своей Ласточке, взял катушку и стал разматывать провод по заросшему высокой травой лугу...

Тот поход был длительный и трудный. Вспоминаю, как на одном из коротких привалов ночью я сунулся головой под куст и мгновенно уснул. А когда утром очнулся — наших будто ветром сдуло. Я остался один-одинешенек.

Мгновенно вскочил и, забыв об усталости, припустился догонять свой полк. Ориентируясь по прибитым к деревьям или столбам указателям нашел вывеску «Хозяйство Нестерова».

Вспоминается ночной бой в одной из польских деревень. Гитлеровцы внезапно контратаковали нас, но выбить не могли, даже взаимодействуя с танками. В погреб, где находился командный пункт нашего батальона, набилось много солдат. Лейтенант медицинской службы перевязывал ногу офицеру. Издалека доносилась немецкая речь, слышались разрывы гранат, шум моторов. Рядом горел дом, и пламя пожара бросало в открытые двери погреба жуткие блики. Мы сидели у входа погреба, сжимая в руках автоматы, отрезанные от своих.

Но линия связи работала!

Комбат доложил командованию полка о нашем горьком положении, а вскоре, услышав грозное «ура!», мы выскочили из своего убежища, рассыпались по деревне в погоне за фрицами.

...Штурм крепости Осовец. Я назначаюсь связистом в одну из ударных групп, которая шла в наступление за тяжелыми самоходными орудиями, по широким следам их гусениц. Время от времени самоходка останавливалась, чтобы произвести выстрел. Тогда приходилось делать несколько шагов назад, потому что, выпустив снаряд из своего тяжелого орудия, эта бронированная махина отскакивала, пожалуй, на метр, если не больше.

Крепость Осовец была сооружена еще до первой мировой войны. Затем, после 1939 года, над укреплением ее оборонительной мощи поработали наши военные инженеры. А в 1944 году, рассчитывая задержать стремительное наступление советских войск, немецкие фортификаторы устроили вокруг старой крепости, которая была окружена заминированным рвом и бетонными дотами, по гребню высокого земляного вала хорошо оборудованное предполье: минные поля, проволочные заграждения, траншеи, доты и дзоты.

Немцы ожидали, что при штурме потеряют головы тысячи наших солдат, но бесславно промахнулись: к сорок четвертому году мы научились драться и побеждать малой кровью.

Весь день пикировали, меняясь, на крепость шестерки штурмовиков Ил-2. Методично и точно била тяжелая артиллерия. Со всех сторон наступали небольшие группы стрелков под прикрытием самоходок, которые стреляли по амбразурам дотов с близкого расстояния, прямой наводкой.

Да, это был не сорок первый и даже не сорок второй годы!

Когда крепость сдалась, я поразился тому, как много вышло из окружавших ее лесов частей, подразделений поддержки. Тысячи солдат! И как относительно мало было штурмовавших эту трижды укрепленную крепость.

Вот она — наука воевать! Наши потери были совсем небольшими. Штурм крепости Осовец, за который меня в числе многих бойцов наградили высокой правительственной наградой — орденом Славы III степени, запомнился мне именно тем, что он был прекрасно спланирован, умело организован и мастерски проведен нашим командованием.

А потом были Ломжа, Остроленка, река Нарев...

Но разве можно в коротких воспоминаниях рассказать обо всем?

Самое же главное, самое дорогое для нас, воевавших в одной дивизии,— это крепкая фронтовая дружба, которой мы будем верны до самого предела своей жизни.

Однополчане... Как много говорит это теплое слово. Как дорога и свята для нас память о тех, кто был вместе с нами, кто не дошел до Победы.

Пусть же молодое поколение, которому посчастливилось жить и не видеть войны, у нас, у фронтовиков, учится верности и патриотизму. Пусть они всегда помнят, что нет ничего дороже Родины, ради благоденствия которой миллионы ее сыновей и дочерей отдали свои жизни.

ТРЕВОЖНЫЕ НОЧИ

В. А. НЕЛОВКО,

бывший командир стрелкового взвода, лейтенант.

Получив назначение в 385-ю стрелковую дивизию, я да еще один младший лейтенант шли по пыльной дороге, в сторону фронта. Миновали поле. Было красиво и покойно. Вдруг до нашего слуха донеслись звуки музыки — играл духовой оркестр. Мы остолбенели от неожиданности. Не удивились бы автоматным и пулеметным очередям, грому орудийных выстрелов, но музыка...

Дорога вывела нас прямехонько на звуки оркестра. На опушке — в несколько домиков хуторок, а под свежевыстроенным тесовым навесом — оркестр. Со всех сторон к «эстрадной площадке» стекались военные. Среди них бросались в глаза гражданские и надо же — молодые девушки в причудливых, прямо-таки сказочных костюмах. В сопровождении офицеров мимо нас проходили сказочные принцессы в пышных белоснежных платьях, бархатных красных жилетках и палевых меховых шапочках с перьями. Одна из них остановилась и с белозубой улыбкой на смуглом лице спросила:

— Товарищи лейтенанты, вам хочется попасть на праздник?

Видимо, наши лица выражали красноречивые ответы.

Оказалось, что в день нашего прибытия дивизия отмечала трехлетие своего формирования, которое проходило в городе Фрунзе. И в гости к воинам приехала делегация из далекой солнечной Киргизии. А девушки-принцессы были в национальных костюмах.

В это время послышалась команда:

— Встать! Смирно! Товарищи офицеры и солдаты!..

— Это наш командир дивизии,— шепотом сказал старшина,— он пришел на встречу с шефами.

Оркестр замолк, на сцену вышел баянист. Знаменитая «Землянка» и лирические мелодии киргизских напевов сменялись «Огоньком», чарующий танец таинственных

смуглянок дополнял неведомый нам звучный комуз. Много хороших песен, стихов приготовили фронтовикам шефы из далекой Киргизии. Неповторимые минуты радости доставили они бойцам. После таких встреч мужественнее становится воин.

Я был назначен командиром взвода второго батальона 1266-го стрелкового полка. Командиром батальона был майор М. Докучаев, офицер, как мне сказали, с большим фронтовым опытом. Когда я доложил ему о своем прибытии, он спросил:

— Какое у вас образование?

— Окончил Энгельсское пулеметное училище в Саратовской области.

— В боях участвовали?

— Так точно. Воевал в Белоруссии, был ранен в голову и руку. Лечился в госпитале.

— Как чувствуете себя?

— Чувствую себя хорошо. Готов к выполнению боевых заданий.

— Комсомолец? — поинтересовался замполит.

— Член ВЛКСМ с 1943 года. Вступил в училище.

— Это хорошо,— одобрительно улыбнулся замполит.— А то у нас в батальоне комсомольцев меньше, чем членов партии.

В моем взводе, как, впрочем, в роте и батальоне, было много новичков. Начались напряженные учебные будни. Однако через несколько дней обстановка изменилась: мы заняли оборону по реке Нарев, сменив стоявшую там дивизию. Но никакой линии обороны в привычном понимании на этом рубеже тогда еще не было, а была лишь цепь опорных пунктов со стрелковыми ячейками.

Те, кого мы сменили, указали нам наиболее опасные направления, но все равно в первую ночь на сердце было тревожно от неясного положения. Передний край немцев время от времени освещался ракетами. Подсвечивали «нейтралку» и мы. С обеих сторон изредка раздавались выстрелы из винтовок, пулеметов и автоматов. Конечно, всю ночь не спалось...

Уже со следующей ночи мы принялись рыть окопы по размеченному саперами контуру.

Выкопав за ночь отведенный участок, мы перед утром маскировали бруствер ветками и травой, немного отдыхали, а затем шли обычные военные будни с привычными заботами и обязанностями. Ночью же копали землю, которая была мягкой, и работа шла споро.

«СЕДЬМОЙ» ПРОСИТ СВЯЗИ

В. К. ПЕРФИЛЬЕВ,

бывший военный связист, старший сержант.

Ползти с катушкой, со всем телефонным хозяйством не так-то просто. По снегу, да еще под огнем противника и того хуже. Катушка препротивно скрипит, оставляя после себя провод, тянет назад. Хочется слиться с землей, сделаться незаметным. Смерзшаяся в полузаброшенных окопах, прошитых колючей проволокой, исковерканная взрывами, она всегда — твой союзник, всегда прикроет тебя. Наверное, никто так близко не прижимается к матушке-земле, как связист. Связисту окапываться некогда, его дело — тянуть связь. И он ползет, преодолевая один за другим сотня простреливаемых метров. И весь он как на ладони, как игрушка на столе. Игрушка в руках смерти.

Хорошо бы эту сотню обойти стороной, балкой, да нельзя — здесь свои законы, свои правила. Я ползу и слышу голос комбата, полный надежды: «Седьмой, седьмой, дайте связь!» И это придает силы...

Может быть, некоторым покажется, что я идеализирую свою фронтовую специальность. У разведчиков, минометчиков, конечно, есть свои преимущества, согласен. Связист на фронте тоже считался на особом положении, и не потому, что он чаще других рисковал своей жизнью. И не потому, что десятки глаз следили за ним, за его действиями. И разведчики, и минометчики, и пехота, словом, никто не обходится без связи. Вот почему я гордился своей работой, я ее любил. Каждой клеточкой своей я чувствовал, как ждут мои товарищи связи, как много зависит от моих действий, от ловкости и разворотливости. А уж если все получалось как надо, я почти с чувством благоговения думал о своих «доспехах», забывая и тяжесть их, и то, что вскоре снова потребуется тянуть провод через очередные дышащие смертью метры...

Еще юношей я связал свою судьбу с электротехникой. В начале тридцатых годов для нас, сельских парней, все

было интересно. С жадностью тянулись мы ко всему новому, а уж к технике тем более. Для одних это была авиация, для других — тракторы и машины, мне повезло по электрической части.

Служил в пограничных войсках, а в 1934-м, после демобилизации стал работать электромонтером на одном из предприятий города Фрунзе.

В 1941 году в сентябре был призван в Действующую армию и направлен в тогда еще мало кому известную 385-ю стрелковую дивизию. С самого начала ее формирования и до Победы был связистом. Сотни, тысячи километров прошел с боями и, можно сказать, первым из связистов дивизии услышал в телефонной трубке голос связиста-американца из 82-й воздушно-десантной дивизии. В первый момент даже растерялся, но тут же нашелся и довольно уверенно прокричал в трубку: «Америка! Я — Россия!»

Я всегда с большой гордостью и теплотой думаю о своих товарищах-однополчанах, о нашем святом фронтовом братстве. И вот один из ярких его примеров.

В феврале 1942-го наша дивизия вела наступление у деревни Яковлевка Калужской области. Силы были неравные, но бойцы стояли насмерть. У пулеметчика М. Валежного тяжело ранило помощника К. Васильева. Санитара нет, оставлять на поле боя тоже нельзя. Выбрав удобный момент, Валежный вынес Васильева.

А в это время был передан приказ сменить позиции, о котором пулеметчик не знал. Валежный ушел, вернее вернулся на исходную позицию и продолжал вести бой.

Думая, что он остался один, Михаил бил врага яростно и бесстрашно, по-геройски. Многих фашистов тогда остановил навсегда его пулемет. Сам Михаил в конце дня был тяжело ранен, его спасли, доставили в госпиталь.

С ними я встретился после войны: Михаил Валежный, как и я, работал в Чуйском предприятии электрических сетей, а Константин Васильев стал инвалидом, и только благодаря дружбе и поддержке товарищей ему удалось выжить.

Трудно было на войне. В самых невероятных ситуациях необходимо было сохранять спокойствие, выдержку. Помнится, в болотах под Чаусами от роты осталось всего 18 человек. Оборону держали на протяжении двух километров! На каждом посту по два солдата: один дежурит, другой отдыхает и то только днем. Между постами дистанция более двухсот метров. Что и говорить, обстановка нап-

ряженная. Догадайся противник о нашем положении на этом участке — армию бы провел. Но мы знали, что так нужно, так требуют обстоятельства.

Я тогда обеспечивал связь между командиром роты и командиром батальона. Понимал, какая колоссальная ответственность лежит на мне и сделал все, чтобы связь была бесперебойной.

Приходилось, и не раз, с группой обеспечения ходить в разведку боем. Саперы обеспечивали в минных полях проходы, а мы устанавливали связь. За обеспечение разведчиков связью в одной из таких операций в 1943 году я был награжден медалью «За отвагу».

Командира стрелкового батальона Николая Павловича Строгова я буду помнить всю жизнь. Знакомился с ним в траншее: запыхавшись, свалился чуть не на голову со всем своим телефонным хозяйством и доложил, что к выполнению задания готов. На мой доклад Строгов тогда ответил: «Располагайтесь здесь, ждите указания». И так посмотрел — до сих пор помню.

А потом началась артиллерийская подготовка, после которой бойцы пошли в атаку, а мы, связисты, тянули за ними кабель.

Прорыв был удачный, угодили прямо на КП противника. Четко и согласованно действовали наши солдаты. Напав на врага внезапно, подмяли фашистов — те сообразить ничего не успели.

Удалось удержать несколько сот метров траншеи, где и встретили контратаку противника. Появились две самоходки и начали утюжить траншеи. Комбат спокойно отдал нам приказ занять круговую оборону. Мы — связисты и двое саперов — быстро рассредоточились. Сам Строгов, сходив к бойцам и выяснив обстановку, вернулся и доложил командованию. Минут через пять заговорила наша артиллерия, самоходки попятились и скрылись за бугром.

Командование передало Строгову приказ: вынести раненых, собрать оружие и немедленно возвращаться.

Та памятная разведка прошла удачно, было захвачено 12 пленных, кроме того командование получило полные сведения о силе и средствах противника.

За успешно проведенную операцию комбат Строгов и все ее участники были награждены орденами и медалями. Меня и моего напарника Ивана Бракоренко наградили орденами Красной Звезды.

БОЙ НА РЕКЕ ШВАРЦВАССЕР

Л. И. ЦАРИКОВ,

бывший командир батареи, лейтенант, ныне полковник в отставке.

В феврале 1945 года после переправы через Вислу, наша дивизия с боями продвигалась в северо-западном направлении, уничтожая узлы сопротивления и отходящие группы немецко-фашистских войск.

К реке Шварцвассер дивизия вышла к исходу дня. С противоположного берега противник ожесточенно обстреливал наши боевые порядки. Батальон 1268-го полка, поддерживаемый вторым дивизионом 948-го полка, овладел населенным пунктом Гжибек, занял прибрежный плацдарм и стал на нем закрепляться.

К этому времени батареи второго дивизиона сменили огневые позиции, разместившись юго-восточнее Гжибека, и подготовились к бою. Батареями второго дивизиона командовали: капитан Расторгуев, старший лейтенант Алексеенко и автор этих заметок.

Я со своим взводом управления находился на наблюдательном пункте второго артдивизиона в качестве командира подручной батареи. Командир дивизиона всегда имел под рукой одно подразделение, чтобы в случае необходимости непосредственно распорядиться его действиями.

В огневом отношении моя батарея была более мощной: она имела на вооружении 122-миллиметровые гаубицы, в то время как другие были оснащены семидесятишестимиллиметровыми орудиями.

Командиром батареи меня назначили в тот самый день, когда мне исполнилось двадцать лет. Опыт у меня уже был. Я командовал взводом 45-миллиметровых пушек, и позже взводом управления 76-миллиметровых орудий 1270-го стрелкового полка.

Командира второго дивизиона майора А. А. Мелина я беспредельно уважал, подражал ему во всем и готов был выполнить любой его приказ. Мелин был храбрым человеком в самом высоком смысле этого слова. Чем труднее складывалась обстановка, тем внешне спокойнее он был.

Ко времени, которое я описываю, он был награжден двумя орденами боевого Красного Знамени. Управлял огнем мастерски. Я и по сей день слышу его спокойный глуховатый голос: «Люк — внимание...» Этот позывной означал, что командир брал управление огнем на себя.

12 февраля, где-то во второй половине дня, майор Мелин приказал мне:

— Собирай своих. Через тридцать минут предписано быть на наблюдательном пункте командира 1268-го полка, где будет генерал-майор Супрунов.

— К чему быть готовым?

— Не в курсе,— развел руками Мелин. Пока шли сборы, я терялся в догадках: не так часто командир дивизии вызывал командира дивизиона, а тем более — командира батареи.

В установленное время были на месте. Разместили своих подчиненных на обратном скате высоты, а сами устроились возле каменного строения, в котором находился наблюдательный пункт 1268-го полка. Из офицеров штаба этого полка я был больше знаком с майором Басамыкиным, командиром третьего стрелкового батальона: под Ломжей нам довелось поддерживать его батальон огнем при отражении сильнейшей контратаки фашистов.

На наблюдательном пункте появился генерал-майор Супрунов. С ним прибыл начальник политотдела полковник Михайлов. В 1943 году он вручал мне партийный билет. Было это в тяжелых боях под Чаусами.

Командир дивизии минут десять молча рассматривал через стереотрубу противоположный берег Шварцвассера. Офицеры тоже молчали. Лишь изредка вполголоса проверяли надежность связи радисты и телефонисты. Потом генерал задал несколько вопросов командиру полка Нестерову и начальнику разведки.

Оценив обстановку, командир дивизии четко и лаконично поставил боевую задачу 1268-му стрелковому полку, суть которой сводилась к следующему. Части противника упорной обороной на выгодных рубежах стремятся остановить наше продвижение в северном направлении — в тыл данцигской группировки. Дивизия во взаимодействии с другими соединениями 49-й армии должна в кратчайшие сроки овладеть городом Черск, важным узлом дорог. Форсировать Шварцвассер надо было немедленно, так как оттепель грозила сделать переправу по льду невозможной со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Супрунов приказал: передовым батальонам в четыре

часа утра скрытно перейти реку, внезапно атаковать фашистов и овладеть рубежом на противоположном берегу, обеспечив переправу и ввод в бой главных сил 1268-го полка, а также наведение моста для тяжелой боевой техники. Наступающим батальонам придавался второй артдивизион майора Мелина.

Командиру 948-го артиллерийского полка было приказано подготовиться к обстрелу переднего края обороны противника перед фронтом и на флангах закрепившегося батальона.

Я в бинокль стал рассматривать участок предполагаемого форсирования и противоположный берег. Шварцвассер уже приняла талые воды и в том месте достигла приблизительно шестидесяти метров в ширину. Слева русло было уже, но проходило оно по заболоченной пойме, через нее по насыпи тянулась дорога, а дальше виднелись фермы разрушенного моста. Лед на реке почернел, то тут, то там серели полыньи. На нашем берегу рос кустарник, в котором залегли роты батальона М. Басамыкина.

Передний край обороны противника едва угадывался, рассмотреть что-либо было невозможно: лес подступал прямо к урезу воды. Разведчики доложили, что у гитлеровцев вырыты окопы полного профиля, есть дзоты, блиндажи. Не исключалось, берег мог быть заминирован.

Вот такая складывалась картина.

Комдив уехал. Мы выслушали замечания командира полка и разошлись. Басамыкин сказал Мелину:

— Пойдем на мой НП, оттуда лучше видно противника. Там и договоримся окончательно обо всем.

По дороге выяснилось, что в батальоне Басамыкина всего две стрелковые роты, человек шестьдесят каждая.

— Да у меня человек двадцать пять наберется,— заявил Мелин. — Два взвода управления — дивизионный и батарейный.

— Считай, рота,— горько пошутил Басамыкин.

На поросшей кустарником высотке, метрах в двухстах от берега, разместился командно-наблюдательный пункт батальона. В окопах находились немногочисленный штаб и подразделения управления. Впереди, вдоль берега, окопались стрелки Басамыкина. В их расположении слышались выстрелы и короткие автоматные очереди: шел обычный огневой бой на уровне наблюдателей и дежурных средств.

По небу тянулись низкие облака. Взглянул на часы: светлого времени оставалось час-полтора, не больше. Я

приказал командиру взвода управления младшему лейтенанту Савельеву установить телефонную связь с огневой позицией батареи, иметь необходимый запас катушек, чтобы при необходимости протянуть линию через Шварцвассер.

Споровисто действовали мои управленцы. Впереди, в окопе, устанавливал стереотрубу командир отделения разведки сержант Хафизов. Трое разведчиков расширяли окоп. Старший сержант Калмыков шептал позывные в микрофон. Радист Алексеев выкладывал на бруствер лучевую антенну.

Командир отделения связи старшина Решетников со своими ребятами тянул линию связи в сторону огневой позиции батареи. Связист Лосев при помощи бинта пристраивал к уху телефонную трубку, его напарник заземлял телефонный аппарат. Мой ординарец ефрейтор Алексей Душак, как всегда, куда-то смылся, многозначительно предупредив: «Я тут, сейчас...» Друзья у этого разворотливого парня были во всех подразделениях.

Я принялся готовить исходные данные для стрельбы, а младший лейтенант Савельев, убедившись, что все при деле, уселся за стереотрубу. Все шло по обычно заведенному порядку, как десятки, а может быть, и сотни раз до этого боя, к которому мы привычно готовились и который на всю жизнь запомнится каждому офицеру и солдату, из тех, конечно, которым выпадет счастье остаться живым...

Когда стемнело, к общей радости всех, на наблюдательный пункт явился сам старшина батареи с почтой, горячей пищей, катушками телефонного кабеля и всем прочим нужным.

Здесь позволю себе небольшое отступление. Я напомню тебе, читатель, что мне в ту пору было всего двадцать лет. Моложе меня по возрасту в батарее были только двое: Алеша Душак и Аня Руцкая. Все остальные офицеры, сержанты и рядовые за плечами имели не только солидный возраст, но и богатый жизненный опыт.

Старший офицер батареи лейтенант Н. И. Тяпунов работал до войны председателем сельсовета в Калининской области. Командир второго огневого взвода младший лейтенант Л. Н. Тарасенко был в мирное время агрономом совхоза на Украине, старшина Ф. А. Ермолаев — директором школы в Киргизии. Однако разница в возрасте, опыте, знаниях не мешала добросердечным отношениям, которые положительно отражались на действиях коллектива батареи в условиях фронтовой обстановки.

В пехоте солдаты — впереди, командиры с группами управления — сзади, хоть метров на пятьдесят-сто, но сзади. В артиллерии все наоборот: основная масса личного состава — орудийные расчеты, водители тягачей, хозяйственники и другой народ находится на огневых позициях, сзади, а впереди, в боевых порядках пехоты — командиры всех артиллерийских степеней: взводов управления, батарей, дивизионов и полков. Отсюда и высокая степень их авторитета, беспрекословного подчинения им и безграничного уважения к ним со стороны личного состава.

Вот почему старшина Ермолаев как мог заботился о скромном быте своего командира, а лейтенант Тяпунов прислал мне коротенькую записку-доклад, вроде: «Шестая гаубичная батарея к открытию огня готова...» (Дальше шел перечень количества снарядов, заправок топлива, сутодач продовольствия и т. п.).

Можно было бы очень много рассказывать о трогательном войсковом товариществе в дни войны, о высокой сознательности, дисциплине и понимании каждым бойцом своего священного долга перед Родиной...

Ночь проходила спокойно. Надо было поспать перед боем хоть пару часов. Кое-как задремал, но холодные стенки необжитого окопа разбудили часа за полтора до начала наступления. Впереди чернели фигуры наблюдателей, за поворотом окопа не умолкал негромкий говорок радиста: «Береза», я — «Сокол»...

Иногда ночную темень вспарывали осветительные ракеты, да нарушали тишину короткие пулеметные и автоматные очереди. Где-то слева небо подсвечивалось оранжевыми всполохами — там шел бой...

А у нас было тихо. Пока тихо.

Видать, фрицы и впрямь уверовали в то, что спокойно встретят утреннюю зарю.

Не тут-то было!

В урочное время цепи передового батальона бесшумно спустились на лед. Пошли... До рассвета оставалось часа два. Двигались по льду осторожно, чтобы не провалиться. Стараясь ничем не выдать себя, левее нас шел колонной по одному взвод управления дивизиона во главе со старшим лейтенантом Х. Калдиновым. Кто-то угодил в полынью, молча вытащили и продолжали путь к темному берегу.

Вдруг яркая осветительная ракета взметнулась в небо. Мерцающий белый свет залил все окрест. Тут же длинная

пулеметная очередь разорвала тишину. В ответ ударили наши автоматы и разноголосое «ура!» понеслось к вражескому берегу. Теперь и наши ракеты высвечивали оборонительный рубеж противника. Стало видно, как выскакивали на кромку берега и устремлялись вперед наши солдаты.

Крики, короткие автоматные очереди, разрывы снарядов — все смешалось в ближнем бою.

Бегу. Впереди Душак, Хафизов и еще кто-то. За мной торопится Лосев — скрипит катушка, оставляя на земле змейку кабеля, справа бухает сапогами Савельев, слева доносится тяжелое дыхание Калмыкова, который несет рацию.

Карабкаемся на крутой берег. Навстречу попадается кучка немцев с поднятыми руками. Нам сейчас не до них, потом разберемся. Перепрыгиваем траншею, вваливаемся в ход сообщения и по нему взбегаем на небольшую высотку, поросшую мелким сосняком.

Басамыкин уже здесь. Рядом с ним — Мелин, разведчики, радисты, связные. Звякают о камни лопаты — надо срочно окапываться. Запыхавшиеся связные от рот докладывают Басамыкину, что подразделения овладели указанными высотками, что противник прочно сидит на флангах: справа — за оврагом, слева — за небольшим озерцом. Пулеметные очереди то и дело перекрещиваются надо льдом в том месте, где только что проходили наши солдаты.

Басамыкин приказывает ротам закрепиться, окопаться, организовать наблюдение и систему оборонительного огня, быть в любую минуту готовыми к отражению контратак противника. Пулеметчики-станковики должны были обезопасить наши фланги. Приведя себя в порядок, предупреждал он, гитлеровцы попытаются еще до рассвета взять реванш.

Басамыкин, опытный боевой офицер, не ошибся: пронеслась над нашими головами и разорвалась первая мина, а на реке один за другим стали рваться снаряды. Противник намеренно бил по льду, чтобы отрезать пути к занятому нами плацдарму. Скоро была перебита батальонная телефонная линия на наблюдательный пункт командира 1268-го полка. Посланный связист убит у провода.

Фашисты держали под неусыпным наблюдением и прицелом пулеметов русло реки.

Майор Мелин приказал мне пристрелять предполагаемый участок неподвижного заградительного огня НЗО, а затем — участки на флангах.

Телефонная связь и связь по радио с огневой позицией были налажены просто замечательно, и буквально через минуту-другую первый гаубичный снаряд, издавая характерное шипение, шел на «посадку». Он разорвался впереди наблюдательного пункта метрах в ста пятидесяти.

— Прибавь пару делений,— сказал майор Мелин,— а то своих перебьешь.

Другой снаряд поднял столб земли дальше на сто метров. Но телефонной связи нам хватило только на пристрелку участка неподвижного заградительного огня: вражеский снаряд «перекусил» и нашу нитку провода. Посылать людей на ликвидацию разрыва было бессмысленно: горький опыт батальонных связистов показал, что гитлеровцы бдительно следят за подступами к нашему плацдарму.

Противник не прекращал обстрела нашей обороны. Первую свою атаку он начал внезапно, под прикрытием утреннего тумана. Возможности наших наблюдателей ограничивало и то обстоятельство, что оборону мы занимали в лесу, а между деревьями даже днем окружающая местность просматривалась метров на 100—150.

В таких условиях схватки превращаются в единоборство на близких расстояниях, когда огонь в упор, ручная граната, личное мужество, настойчивость, ловкость приобретают решающее значение.

Гитлеровцы действовали нахраписто. Непрерывно поливая огнем из автоматов и пулеметов наши позиции, они прятались за деревьями и шаг за шагом сокращали расстояние между собой и нами. Трудность обороны в лесу состояла в том, что командиры не могли сосредоточить огонь по наиболее опасным группам противника. Невозможно было применить и фланговый огонь.

Получалось, что каждый пулеметчик и автоматчик вел «самооборону», а это большой недостаток в бою. Атакующих было больше, но маневрировать огнем нельзя, приходилось маневрировать силами и средствами, то есть перемещать подразделения на наиболее угрожаемые участки. А сделать это весьма не просто. Но майор Басамыкин умело управлял подчиненными в ходе отражения атаки. Группа автоматчиков, которую он оставил в резерве, была готова в любую минуту броситься на помощь подразделениям батальона.

Итак, атака!..

Минометы противника опять принялись обстреливать реку.

А немецкая пехота, группами, в зеленых маскировочных халатах, непрерывно воня и стреляя, полезла на нас. Настал час артиллеристов. Рубеж неподвижного заградительного огня был пристрелян, исходные установки переданы на батарею, оставалось только дать команду, что было и сделано:

— Три снаряда, беглым — огонь!..

Через несколько секунд двенадцать снарядов с ревом пронеслись над нашими позициями и взорвались, сокрушая деревья, вздымая землю. Большинство из них, те, которые были установлены на осколочное действие, ухнули в воздухе, зацепившись за ветки. Они имели громадный поражающий и психологический эффект. Фрицы моментально залегли, а затем стали потихоньку пятиться.

Еще двенадцать снарядов, и можно считать, первая атака отбита.

Бой в лесу, на коротких дистанциях всегда связан со значительным расходом боеприпасов. По цепи прозвучало: «Беречь патроны и гранаты, бить только наверняка!» Предупреждение майора Басамыкина было как нельзя своевременным, потому что все наши беды в последующем начались именно от нехватки патронов и гранат.

Пункт боепитания остался на противоположном берегу. А боекомплекты при оружии, то, что можно носить, таскать, были ограниченными. Вся надежда на артиллерийскую поддержку. Пользуясь временным затишьем, майор Мелин сам пристрелял четвертую и пятую батареи по основным участкам неподвижного заградительного огня — перед фронтом обороны батальона и на его флангах. Все батареи дивизиона находились в постоянной боевой готовности.

Около девяти часов утра на наши позиции обрушились мины. Артиллерия и шестиствольные минометы обрабатывали противоположный берег. Часть снарядов падала на речной лед, превращая его в крошево. До одиннадцати часов мы отразили три атаки: с фронта, с левого, а затем и с правого флангов. Всякий раз фашисты, попав под убийственный огонь орудий, кинжальный огонь пулеметов и автоматов, ретировались, оставляя перед нашими позициями десятки трупов.

Командир отделения разведки дивизиона старший сержант Гладков предложил Мелину пополнить боеприпасы за счет убитых немцев. Майор дал согласие. Гладков, Хафизов, Душак и несколько разведчиков «прочесали» нейтральную полосу и вскоре вернулись с ворохом автоматов, сумок с дисками, ручными гранатами. Это было как нельзя кстати. Не раз роты пополняли свои запасы таким способом.

Появились потери и у нас. Серьезно ранили в левую руку командира взвода управления Савельева, который умело руководил разведчиками при отражении атак и «добыче» боеприпасов. Был ранен и радист Алексеев, но продолжал помогать Калмыкову поддерживать связь. Тяжело раненных переносили в захваченную немецкую траншею, где им оказывали первичную помощь. Об их эвакуации не могло быть и речи, по крайней мере, днем.

Гитлеровцы действовали методично: огневой налет — атака — отход в исходное положение. Пауза, и все повторялось. Вдоль самого берега, справа и слева, противник не лез, остерегаясь наших 45-миллиметровых пушек, установленных напротив.

Все же фашистам удалось потеснить правофланговую роту. В результате наш район обороны, сократившись по фронту, простреливался пулеметами с любого направления. Судя по всему, гитлеровцы записали нас в ряды неудачников. Они участили атаки, прикинув, что с наступлением темноты нам могли помочь с «нашего» берега.

В один из огневых налетов случилось неприятное: осколки мин пробили сразу две радиостанции — командиров батальона и дивизиона. Жила только моя радиостанция, которую оберегали радисты Калмыков и Алексеев, великие мастера. В самых сложных боевых условиях, при сильнейших помехах, даже в тех случаях, когда на дивизион давали только одну рабочую частоту, они держали прочную связь с огневой позицией. Шестая гаубичная никогда не молчала в бою по причине потери связи.

И сейчас на плечи этих немногословных, спокойных и уверенных радистов легла огромная тяжесть ответственности за судьбы всех тех, кто находился рядом с ними. Напомню, что Алексеев был уже ранен. Ровик, в котором находились радисты, по приказу майора Мелина перекрыли накатом из бревен.

А фрицы все настойчивее лезли с флангов, особенно с правого, на котором им удалось потеснить наших стрелков. Теперь все, что осталось от батальона, располагалось на участке метров триста по фронту и метров сто пятьдесят в глубину.

Атаки повторялись и повторялись. Разные по силе, они преследовали единственную цель: держать нас в постоянном напряжении, заставить расходовать побольше бое-

припасов, в конечном счете, оставить безоружными перед превосходящим по силе противником.

Из очередной вылазки за боеприпасами старший сержант Гладков принес две бутылки шнапса. Теперь стало ясно, чем немцы вдохновляли себя перед атаками. Но нам-то от этого было не легче. Потери росли, и все, кто мог держать оружие в руках, вели огонь по наступающему противнику.

От командира полка получили просьбу-приказ: «Держаться до темноты!» Держались из последних сил. Время тянулось невероятно медленно, порой казалось, что стрелки часов стоят на одном месте. Вместе с оставшимися в живых стреляли из автоматов майоры Басамыкин и Мелин. Калдинов с разведчиками прикрывал наблюдательный пункт с фронта. Связисты и радисты развернулись в цепь справа от них. До фашистов оставалась какая-нибудь сотня метров.

После того, как сорвалась попытка гитлеровцев просочиться к нам в тыл вдоль траншеи, слева, майор Мелин негромко, но решительно сказал мне:

— Готовь, Царьков, огонь на себя. Еще пару атак отобьем, а там — конец. Так хоть фрицев побольше прихватим с собой на тот свет...

Огонь на себя — это последнее средство самообороны, которое применяется артиллеристами в критической ситуации. Это, по существу, тот же неподвижный заградительный огонь, но по рубежу, максимально приближенному к своей позиции, или прямо по ней.

Вести такой огонь мне еще не приходилось. Я быстро пересчитал прицелы для всех батарей дивизиона и спросил Мелина, какую команду подавать. Мелин с посеревшим, осунувшимся лицом, в черном от грязи и пороховой копоти полушубке сидел на дне окопа и заряжал патронами диск автомата.

Он задумался, потом медленно процедил сквозь зубы:

— Передай установку на все батареи. НЗО — смерть!

Я понял, что за этой вынужденной командой скрывался другой, основной смысл: погибаем, но не сдаемся! А фашисты уже давно кричали: «Рус, сдавайся, буль-буль!» Едва я успел передать исходные данные на батареи, как гитлеровские минометчики возобновили налет.

Рядом с ровиком моих радистов, одна за другой, разорвались несколько мин. Концы бревен наката сдвинулись в окоп и придавили Калмыкова и Алексеева. Своими телами они накрыли рацию. Их быстро вытащили. Никогда не забуду, как Калмыков, осторожно смахнул с радиостанции комки грязи, чуткими, взволнованными пальцами пробежал по тумблерам, по ручкам настройки, продул микрофон, как он загорелся глазами, когда понял, что может передать команду. Еще, еще раз...

Но затем плечи у него опустились, он покачал головой, медленно стянул наушники и отрешенно проговорил:

— Они нас, возможно, слышат, передатчик работает. Приемник сел, видимо, лампы. Или что-нибудь еще... Попробуем разобраться...

Душак принес пробитую осколком радиостанцию командира дивизиона. Теперь судьба всех нас была в буквальном смысле слова в руках радистов: сумеют они устранить неисправность, используя детали с разбитой рации?..

В это время кто-то тронул меня за плечо. Я обернулся и увидел бледного от потери крови Савельева, левая рука которого была прибинтована к груди.

— Комбат, разреши, я хочу попытаться протянуть телефонный кабель на тот берег.

— Да ты что, не видишь, лед-то какой?

— Вижу,— упрямо ответил Савельев.

— И потом, ты же ранен.

Савельев досадливо хмыкнул и молча пополз к окопу, где находились Басамыкин и Мелин. Я не слышал, что он говорил им, но видел, что Савельев показывал здоровой рукой в сторону моста. Лед под ним сохранился, а русло сужалось метров до двадцати пяти. На том берегу, как раз напротив моста, росли камыши и кустарники.

Я понял замысел Савельева. Риск все же был огромный: ведь где-то слева затаились фрицы. Савельев, по всему, настаивал, и командир батальона Басамыкин согласно кивнул головой. Мелин крикнул мне:

— Пока идет обстрел, фашисты сами, как сурки, попрятались. Как только огонь ослабеет, бей пятой батареей по левому участку. Понял?

— Так точно, понял! — громко подтвердил я.

— Действуй!

Разведчики помогли Николаю Савельеву снять шинель. Он остался в гимнастерке, брюках и белых носках. Связист Лосев отмотал с катушки несколько метров провода и привязал конец к ремню Савельева. Смельчак вначале полз над берегом, а затем повернул к гривке камышей, что стояли примерно на половине пути к мосту.

Савельев полз на правом боку. Он медленно подтяги-

вал ноги, а потом отталкивался ими, передвигая тело вперед. Все с замиранием сердца следили за ним, не обращая внимания на обстрел. Вот Савельев миновал камышовые заросли. Вот он приближается к опоре моста. Вот прополз середину реки... Ну, ну, еще совсем немного!..

Но вдруг веер ледяных осколков взметнулся рядом. Эта очередь была роковой. Она прервала героический путь командира взвода управления шестой батареи младшего лейтенанта Николая Савельева. До боли сжалось сердце. Будем мстить до последнего дыхания!

Атака. Отбились. Огневой налет. Укрылись. Снова атака. Отбивались последними патронами и гранатами. Фашисты напирают с флангов, сжимают нашу позицию, которая охватывала полукольцом высотку, где находились командир батальона и мы, артиллеристы.

Снова атака. Мелин хрипло кричит:

— Давай НЗО — смерть!

Да, иного выхода нет, больше ничего не остается, и я выдавливаю:

— Калмыков, НЗО — смерть! — и падаю на дно окопа.

И начинается кромешный ад.

Надрывный визг, тупые удары об землю, раскатистые разрывы гаубичных снарядов, хлесткие, трескучие пушечных. Деревья валятся, перебитые на части. Едкая пороховая гарь забивает нос и горло, нечем дышать. Батареи не замолчат, пока не выпустят положенные по норме боеприпасы: двадцать четыре гаубичных и сорок восемь пушечных снарядов обрушилось на фашистов и на нас по команде «НЗО — смерть!»

И... тишина.

С огневой позиции доложили: кончились снаряды. Командование полка перебросило снаряды из первого дивизиона на шестую батарею. Мы продолжали отражать атаки гитлеровцев. Слышу голос Калмыкова:

— Анечка, милая, будь внимательна. Держи прием! Не плачь, держи прием!.. Все будет хорошо!

А что фрицы?

Высовываюсь из окопа, мама родная! В каких-нибудь десяти метрах распластались четыре, нет, пять трупов. А вон еще лежат. А там тоже. Вдруг из-за обломка сосны, метрах в пятнадцати, появляется немец с автоматом. Делает шаг, другой и валится на землю.

Оглядываюсь. Хафизов улыбается: «Не наводи тень на ясный день...»

Поднялся Мелин, весь черный, глаза красные, воспаленные. Хриплым голосом спрашивает:

— Ну, как?

— Пока ничего,— отвечаю.

— Так держать! Помирать, так с музыкой. Сухарь хочешь? — пытается улыбнуться.

— Не хочу,— говорю, хотя последний раз ел вчера. Нагибаюсь к Калмыкову: — Как рация?

Широко улыбается:

— Еле дышит, но ловит.

— Держись, Калмыков!

— Держусь,— уверяет, а сам с надеждой смотрит на меня: может, больше не сунутся?

Сунулись, паразиты! И не раз. Остервенело лезли. А в ответ только одно: «НЗО — смерть. Огонь!.. НЗО — смерть. Огонь!» А когда затихал огненный шквал, слышался голос Калмыкова:

— Анечка, родненькая, не плачь, будь внимательнее на приеме...

Откуда было знать Калмыкову, что молоденькой радистке Ане Голосовой плакать полагалось по своему женскому существу: человек, при встрече с которым она краснела, как маков цвет, был там, куда вызывали огонь. Но плакала не только Анечка Голосова, слезы на глазах были и у некоторых взрослых мужчин, опытных артиллеристов-огневиков, повидавших на своем военном веку многое. Плакали они из-за того, что впервые им пришлось направлять огонь батареи по своим...

Последняя атака фашистов захлебнулась в собственной крови поздно вечером.

Наступила тишина. Небольшие группы немцев исчезли в темном лесу. Ночью по уцелевшему под мостом льду к нам пришел батальон майора Е. Д. Котова и, не останавливаясь, направился вперед, к городу Оше. Вскоре нам доставили ужин.

Горячая пища разморила, захотелось спать, но глаза не закрывались: сказывалось пережитое волнение. В ночном небе горели крупные звезды, тихие, мирные, а вокруг нас, на земле, торчали перебитые снарядами деревья, пахло пороховой гарью, лежали убитые. Но усталость и нервное напряжение сказывались, и я провалился в черный омут беспокойного сна.

Утром я проснулся первым. Заглянул в окоп командиров. Прижавшись друг к другу, как родные братья, лежали Мелин и Басамыкин. Рядом в окопах крепко спали

автоматчики, разведчики, связисты — все, кто остался в живых. Сколько же нас осталось? Если не считать раненых, немногим больше двух десятков.

Утром начальник штаба второго дивизиона капитан Гнеденко привез новые рации. После короткого разговора с ним Мелин подозвал меня и спросил:

— Знаешь, сколько расстреляли снарядов?

— Не знаю.

— Двести сорок гаубичных и 480 пушечных...

Эти цифры я запомнил на всю жизнь.

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ

А. Ф. ВОЛЧАНСКИЙ,

бывший командир артиллерии 1270-го стрелкового полка, майор.

Из шестнадцати рек, которые форсировала наша дивизия в период войны, жестокие бои разгорались не только на Днепре, трудным было овладение и водной преграды Шварцвассер. А вот мне и моим товарищам запомнилась переправа через реку Одер. Так уж случилось, что Одер был последним большим водным рубежом перед логовом врага — Берлином.

Трудность состояла в том, что на пути следования наших частей Одер имел два широких самостоятельных русла, между которыми находилась низина шириной от 3 до 5 км. К середине апреля — именно тогда мы вышли на рубеж — эта низина была затоплена весенним паводком.

Вдоль западного берега Вест-Одера протянулся большой лес, который состоял из смешанных пород деревьев,— природа как бы создавала дополнительные трудности в овладении плацдармом.

Времени для маневра и ожидания основных войск у нас не было. Так что еще до их подхода Ост-Одер был форсирован сходу и с малыми потерями. Однако дальше наши передовые подразделения наткнулись на массированный заградительный огонь и Вест-Одер взять не удалось. Все атаки 1266-го стрелкового полка, наступавшего по дамбе при сильной поддержке артиллерии, не увенчались успехом. Отступил с потерями и 1268-й стрелковый полк. Бои продолжались три дня. Наконец, подошли наши основные силы. Артиллерия дивизии, поддерживая наступающие части, не прекращала огонь, била по вражеским огневым точкам. Такого шквального огня мы давно не видели. На пятой батарее от беспрерывной стрельбы стволы некоторых орудий так разогрелись, что вздулись, а в девятой гаубичной батарее во время выстрела отлетел ствол у одного орудия. Металл не выдерживал, а человек стоял.

По приказу командира 948-го артиллерийского полка Лебедева я пошел на огневую позицию выяснить положение, но вскоре был вызван в штаб полка. Помощник начальника штаба капитан Е. Белов сообщил, что прямым попаданием в наблюдательный пункт 1270-го стрелкового полка убит полковник Халин, здесь же трагически погибли начальник артиллерии полка майор Подущак, связисты и разведчики. Я был временно назначен вместо Подущака. В штабе сказали, что на наблюдательный пункт 1270-го полка уже отправился начальник штаба майор Кузнецов.

Я пошел по сохранившемуся склону дамбы, часто соскальзывая в грязную воду. Было пасмурно, накрапывал дождь. Казалось, не туман, а тяжелая тоска давила на плечи. От этого еще злее, еще жгучей становилась ненависть к фашистам. Командир второго дивизиона майор Мелин, увидев меня, спросил:

— Куда путь держишь?

— На НП 1270-го.

— Значит, тебе туда. — Он показал рукой. — Только смотри, осторожней.

— Спасибо...

Встретив майора Кузнецова, доложил о своем назначении. С ним я и форсировал Вест-Одер.

Когда мы проходили город Шведт, то севернее его, на большой поляне, увидели огромное кладбище, где были похоронены фашистские солдаты и офицеры. На могилах стояли березовые кресты с касками: навеки успокоили гитлеровских вояк солдаты нашей доблестной Красной Армии.

Из леса навстречу нам тянулись старики, женщины, дети. Они возвращались в город, к своим очагам, на тележках, велосипедах везли свой жалкий скарб. Люди часто останавливались и поднимали руки в приветствии.

После Одера противник не оказывал нам сколько-нибудь серьезного сопротивления.

Наша дивизия стремительно продвигалась на запад, к Эльбе. Командир полка, я и радист, устроившись в дрожках, ехали за одним из батальонов мимо ухоженных домиков, аккуратных лесов, разделенных четками линиями полей.

К вечеру 30 апреля вышли на дорогу Берлин — Шверин. Возле домика, крытого красной черепицей, на большой поляне были сосредоточены повозки батальона и полка. Чуть южнее повозок командир второго дивизиона расположил гаубичную батарею. Выставив усиленное боевое охранение, офицеры направились в домик, где расположился штаб полка. Привычная прифронтовая обстановка, обычные дела, только у всех приподнятое настроение, чувствуется конец войны.

На следующий день часовой у штаба поднял тревогу. Он увидел, как в сторону Шверина пробежал немецкий офицер. А вскоре боевое охранение заметило колонну гитлеровцев, которая шла в сторону Берлина. Предложили им сдаться без кровопролития, но в ответ раздались выстрелы. Фашисты развернулись цепью и стали наступать. Это была уже агония.

Орудия шестой батареи били по вражеским флангам прямой наводкой, чтобы не дать замкнуть кольцо вокруг нас. В бой вступили все, здесь не было наблюдателей. Командир приказал развернуть полковое знамя, и разгорелась рукопашная схватка. За все фронтовые схватки я не помню, чтобы немцы их выдерживали. Так было и на этот раз. Фрицы обратились к излюбленной в последнее время тактике — бегству, оставив на поле боя немало раненых и убитых. Были потери и у нас, на войне без них не бывает.

СОДЕРЖАНИЕ